

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

1 - 17

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИИ И СТРАТЕГИЯ
РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2017**

УДК 322(470+571)

ББК 65.9(2Рос)

Э 40

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

*Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семеко – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – академик РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук*

Редактор-составитель выпуска –
канд. экон. наук *Б.Г. Ивановский*

Экономические и социальные проблемы России:

Э 40 Сб. науч. тр. / РАН. ИИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М., 2017. – № 1: Экономическая безопасность России и стратегия развития национальной экономики / Ред.-сост. вып. Ивановский Б.Г. – 132 с.

Анализируются понятие «экономическая безопасность» и его трактовка в отечественной и зарубежной литературе. Рассматриваются внешние и внутренние угрозы развитию национальной экономики, возможные меры по их минимизации.

Для научных работников, представителей органов государственной власти, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)

ББК 65.9(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Б.Г. Ивановский. Стратегия безопасности национальной</i>	
<i>экономики: Понятие, критерии, угрозы</i>	10
<i>И.Г. Минервин. Инвестиционный процесс и экономическая</i>	
<i>безопасность</i>	44
<i>О.Н. Пряжникова. Экономическая безопасность в контексте</i>	
<i>личной безопасности</i>	84
<i>И.Ю. Жилина. Экономические составляющие терроризма</i>	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономическая безопасность является составной частью системы государственной безопасности, наряду с такими ее слагаемыми, как обеспечение обороноспособности страны, поддержание социальной стабильности в обществе, защита от экологических бедствий. Ее цель – обеспечение условий стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, государства и личности. Проблемы, связанные с достижением этих целей, становятся в последнее время все более актуальными. Такие негативные факторы, как мировой финансовый кризис, экономические санкции, введенные западными странами в отношении России, падение цен на энергоресурсы, криминализация бизнеса, вызывают необходимость разработки глобальной концепции национальной экономической безопасности, учитывающей и нивелирующей негативное влияние этих факторов. При этом становится принципиально важным раскрыть сущность категории «экономическая безопасность», выявить реальные угрозы, разработать надежные и эффективные методы их определения. Эти компоненты национальной безопасности взаимосвязаны и дополняют друг друга. Тем не менее не может быть военной, экологической и общественной безопасности в условиях стагнирующей и неэффективной экономики.

Экономическая безопасность в большинстве исследований трактуется как процесс преодоления конкретных кризисных явлений в развитии российской экономики – стагнации производства в ряде отраслей, безработице, низком жизненном уровне трудящихся, инфляции, приватизации, криминализации бизнеса и т.д. Кроме того, системный подход предполагает включать качественную характеристику социально-политического состояния общества, т.е. как систему социальных связей, институтов и механизмов, обеспечивающих стабильность и защиту от внешних и внутренних дест-

руктивных факторов, различного рода социальных и экономических рисков, непредвиденных негативных событий и катастроф.

Очевидно, что при сохранении существующей структуры и принципов экономического развития России грозит опасность стать сырьевым (ресурсным) донором и финансовым реципиентом мировой экономики, что может привести к необратимому состоянию национальной экономической системы и потере хозяйственной независимости общества. Это вызывает острую необходимость разработать стратегию экономической безопасности и систему мер по ее реализации.

Понятие безопасности тесно связано с категорией риска. При этом следует заранее учитывать непредсказуемость результатов хозяйственных решений, негативные последствия тех или иных нарушений воспроизводственного процесса, т.е. неизбежные факторы экономического риска. Переживающая кризис российская экономика обладает минимумом внутренней устойчивости, в результате чего практически все факторы риска способны сегодня создавать в ней ситуации критического характера. Управление риском предполагает предвидение возможных чрезвычайных (критических) социально-экономических ситуаций с тем, чтобы предотвратить, ослабить и смягчить их последствия. Наряду с оценкой вероятности появления той или иной критической ситуации необходима и оценка потерь (ущерба), сопровождающих ее возникновение. Отсюда следует, что оценка уровня экономической безопасности предполагает наряду с анализом факторов риска также использование категорий потерь (ущерба). При этом для количественного определения уровня экономической безопасности особое значение имеют не столько сами показатели социального и экономического развития, сколько их пороговые значения.

Пороговые значения – это предельные величины, несоблюдение значений которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности. В качестве примера (по отношению к внутренним угрозам) можно назвать уровень безработицы, разрыв в доходах между наиболее и наименее обеспеченными группами населения, темпы инфляции, недостаток инвестиций. Приближение к их предельно допустимой величине свидетельствует о нарастании угроз социально-экономической стабильности общества, а превышение предельных, или пороговых, значений – о вступлении общества в зону нестабильности и социальных конфликтов, т.е. о реальном

подрыве экономической безопасности. Проблемы определения сущности экономической безопасности, ее критериев и показателей, связанных с факторами риска и угрозами внутренней и внешней экономической устойчивости государства, исследуются в статье Б.Г. Ивановского «Стратегия безопасности национальной экономики: сущность, критерии, угрозы».

Технологическое отставание России является одной из серьезных угроз экономической безопасности страны. Так средний возраст промышленного оборудования превышает 20 лет, доля страны в мировом обороте наукоемкой продукции в 15–20 раз меньше, чем доля Китая, только 6% российских предприятий инвестируют средства в развитие научной и технической базы по сравнению с 60% в США, странах ЕС и Японии. Поэтому преодоление технологической отсталости является приоритетным направлением при совершенствовании механизмов обеспечения экономической безопасности страны.

Пороговое значение доли в экспорте высокотехнологичной продукции в мировой практике составляет 10–15%, для России значение этого показателя находится в пределах 1%. Удельный вес страны в совокупном объеме мирового экспорта высокотехнологичных товаров составляет 0,2–0,3%, что сопоставимо с такими странами, как Чехия и Португалия. На долю России приходится только 0,6% мирового экспорта воздушных и космических аппаратов (в 67 раз меньше, чем в США), менее 0,1% – фармацевтических продуктов, 0,01% – продуктов биотехнической промышленности; 0,02% – электронно-вычислительной и офисной техники; 0,1% – телекоммуникационного оборудования¹.

Одной из главных проблем технологического отставания российской экономики остается дефицит инвестиционных ресурсов. Так, индикаторы пороговых значений по инвестициям в основной капитал должны находиться в пределах от 25 до 50% ВВП. Фактический уровень индикаторов по инвестициям в основной капитал в России ниже их предусмотренных пороговых значений (около 20%), что создает зону опасности, которая в условиях снижения мировых цен на углеводородное сырье может привести к замедлению экономического развития и, как следствие, обострению социальных проблем. Россия обладает богатой минерально-сырьевой

¹ Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: Национальный доклад / под ред. Е.Г. Ясина. – М.: ИМЭМО РАН: ГУ-ВШЭ, 2008. – С. 8–9.

базой, трудовыми и интеллектуальными ресурсами, но при этом не имеет достаточных финансовых ресурсов, необходимых для обновления основного капитала, что тормозит развитие инновационной деятельности.

Исследованию роли инвестиций, как фактора экономической безопасности, их структуре, а также влиянию на экономический рост и развитие социальной сферы посвящена статья И.Г. Минервина «Инновационный процесс и экономическая безопасность».

В условиях экономической рецессии, которая в настоящий момент наблюдается в России, существует риск падения жизненного уровня населения (снижение реальных доходов, сокращение потребления и т.п.). В связи с этим экономическая безопасность личности и защита ее экономических интересов является важнейшим фактором обеспечения национальной экономической безопасности.

Экономическая безопасность личности и реализация ее экономических интересов представляет собой один из факторов обеспечения национальной экономической безопасности. Уровень экономической защищенности индивида влияет на качество человеческого и социального капитала, определяя возможности конкретного человека использовать экономическую среду для обеспечения достойного уровня жизнеобеспечения.

В настоящее время российское общество стоит перед угрозой формирования социального слоя с низкими денежными доходами, плохими жилищно-коммунальными условиями, не получающими достойного медицинского обслуживания и образования. При этом переход из низшего социального слоя в социальную группу более высокого жизненного уровня с годами становится все труднее.

Тем не менее российская экономика, с ее экономическим потенциалом, имеет шансы не допустить угрозы снижения экономической безопасности личности и углубившегося социального неравенства, сложившихся вследствие последнего финансово-экономического кризиса. Для этого необходима разработка и реализация государством такой социальной политики, которая, прежде всего, должна обеспечить опережающий рост денежных доходов населения, в первую очередь у малообеспеченных слоев населения. Это может придать импульс развитию экономики на основе расширенного платежеспособного спроса. Исследованию категории «экономическая безопасность личности» как структурного и многоуровневого элемента системы национальной экономической безо-

пасности посвящена статья О.Н. Пряжниковой «Экономическая безопасность в контексте личной безопасности».

В настоящее время все большую угрозу национальной безопасности представляет терроризм. За два последних года эта угроза приобрела новое качество, что позволило многим аналитикам и исследователям проблемы заявить о появлении «терроризма новой волны». Его вертикальная и горизонтальная эскалация, смена мотиваций, расширение диапазона методов, приемов и применяемых средств позволяют прийти к выводу, что терроризм за небольшой по продолжительности исторический период времени из маргинальной практики превратился в политическую стратегию, став глобальной транснациональной угрозой.

Терроризм создает угрозу экономике страны, ведя не только к людским и материальным потерям, но и снижая инвестиционную привлекательность, ухудшает ее имидж. Информационная война, которую ведут террористические организации, затрудняет реализацию принципа недопущения пропаганды и агитации, способствующих разжиганию не только социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды, но также использует информацию как оружие в экономической борьбе.

Это проявляется в попытках несанкционированного доступа в информационные и телекоммуникационные системы федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, финансово-кредитных и банковских учреждений и организаций, военных ведомств, экологически опасных и экономически важных производств. При этом наибольшую опасность представляют действия, направленные против объектов критической инфраструктуры – командных пунктов ядерных сил, систем управления АЭС, плотин, промышленных предприятий и т.д.

Терроризм несет угрозу интересам страны также и в социальной сфере. Практика показывает, что в отсутствие надлежащих гарантий неприкосновенности личности возрастают риски, связанные с долгосрочными инвестициями и длительными трансакциями, что резко ухудшает инвестиционный климат, создает препятствие долгосрочному устойчивому экономическому росту. В итоге каждая из стран, переживших волну терроризма и военных кампаний против терроризма, оказывается отброшенной в своем развитии на длительный период, что в свою очередь обеспечивает социальную базу для потенциального воспроизведения террористов. Анализ влияния терроризма на экономическую составляющую национальной безопасности на основе изучения как мирового опыта, так и

опыта Российской Федерации по предотвращению исходящих от него угроз, представлен в статье И.Ю. Жилиной «Экономическая составляющая терроризма».

Исследование проблем экономической безопасности России на современном этапе развития, в контексте борьбы с возникающими в данной области угрозами (внутренними и внешними), позволяет сделать вывод, что экономическая и финансовая политика правительства должна исходить из понимания необходимости серьезных институциональных и структурных изменений в экономике. Это предполагает более интенсивное включение страны в глобальную экономическую сеть, а также реализацию национальных конкурентных преимуществ, активизация которых способна обеспечить устойчивый рост собственного производства, повышение инновационной и предпринимательской активности российских предприятий. Причем эта политика должна быть органично вписана в общую государственную стратегию обеспечения экономической безопасности и направлена на решение задачи достижения стратегической конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики в условиях усиления глобальных вызовов и угроз.

Б.Г. Ивановский

Б.Г. Ивановский

СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОНЯТИЕ, КРИТЕРИИ, УГРОЗЫ

В статье рассматриваются проблемы определения сущности экономической безопасности, ее критерии и показатели, связанные с факторами риска и угрозами внутренней и внешней экономической устойчивости государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность; угрозы экономической безопасности; стратегия экономической безопасности России.

Понятие и критерии экономической безопасности

В современном понимании термин «экономическая безопасность» впервые начал употребляться в послании к нации президента США Ф. Рузвельта в Программе государственного регулирования национальной экономики в целях вывода страны из кризиса. Контроль за ее выполнением осуществлял специальный правительственный орган – Федеральный орган экономической безопасности, образованный в июне 1934 г. Созданный Ф. Рузвельтом комитет занимался экономической безопасностью отдельных лиц и в первую очередь борьбой с безработицей [Ломовцева А.В., Трофимова Т.В., 2015].

Экономическая безопасность как самостоятельная категория является понятием достаточно новым и малоприменяемым в экономической теории и практике управления и стала предметом рассмотрения после становления и развития рыночных отношений [Волков С.П., 2005]. Выделяются следующие уровни экономической безопасности: международный, национальный, региональный и отраслевой, макроэкономический (уровень отдельного субъекта

хозяйствования), а также уровень семьи и личности. В основном понимание безопасности отождествляется с категорией национальной безопасности, которая определяется как гарантированная конституцией и законодательством, обеспечивающим защиту национальных интересов страны и ее граждан.

Большой разброс смысловых значений категории «экономическая безопасность» свидетельствует об отсутствии ее единого понимания и определения. Так, Б. Паньков определяет экономическую безопасность как «такое состояние национальной экономики, которое характеризуется ее устойчивостью, “иммунитетом” к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень жизни населения и тем самым вызывающих повышенную социальную напряженность в обществе, а также угрозу существованию государства» [Паньков Б., 1992, с. 8].

Под экономической безопасностью той или иной системы «нужно понимать совокупность свойств состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающую возможность достижения целей всей системы» [Тамбовцев В.Е., с. 9].

Дополняя это определение, В. Савин полагает, что экономическая безопасность «представляет систему защиты жизненных интересов России. В качестве объектов защиты могут выступать: народное хозяйство страны в целом, отдельные регионы страны, отдельные сферы и отрасли хозяйства, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности» [Савин В.Л., 1995, с. 14–15].

Экономическая безопасность «представляет систему защиты жизненных интересов России. В качестве объектов защиты могут выступать: народное хозяйство страны в целом, отдельные регионы страны, отдельные сферы и отрасли хозяйства, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности».

Экономическая безопасность – это «состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и в котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [Абалкин Л.И., 1997, с. 3].

При этом экономическая безопасность является важнейшим компонентом всей национальной безопасности, которая должна обеспечивать защиту всех систем жизнеобеспечения государства от внешних и внутренних угроз, противостоять им и приспособли-

ваться к новым вызовам развития в различных сферах экономической деятельности [Экономическая безопасность России, 2014].

Рассматривая структуру показателя экономической безопасности страны, Е. Харич и С. Мамин считают, что она должна содержать следующие элементы:

– экономическую независимость, которая заключается в необходимости выхода на такой уровень эффективности национального производства и качества продукции, который сможет обеспечивать конкурентоспособность экономики и позволит на равных участвовать в мировых товарных операциях;

– стратегическую устойчивость национальной экономики, предполагающую создание определенных гарантий и условий для предпринимательской и инновационной активности, способных сдерживать факторы, дестабилизирующие экономическую ситуацию в стране и обществе;

– способность экономической системы к саморазвитию и прогрессу, к созданию благоприятного климата для инвестиций и инноваций, модернизации производства, повышения производительности труда и т.п. [Харич Е.А., Мамий С.А., 2016, с. 35].

Для обеспечения экономической безопасности необходимо также создать условия для роста экономики, противодействия инфляции и безработице, формирования ее эффективной структуры, сбалансированного платежного баланса, а также обеспечения социальной защиты населения. Для этого следует обеспечить:

1) контроль над использованием национальных ресурсов в целях создания условий для формирования конкурентных преимуществ и эффективного участия в международном разделении труда;

2) устойчивость и стабильность экономики и всех составляющих ее элементов, в том числе всех форм собственности;

3) способность к саморазвитию и прогрессу (защита национальных интересов, создание благоприятного инвестиционно-инновационного климата, развитие интеллектуального потенциала).

Субъектами экономической безопасности выступают: государство, общество, граждане, предприятия, учреждения и организации, территории. Основным субъектом является государство, осуществляющее функции в области законодательной, исполнительной и судебной властей. Для определения их приоритетов необходим анализ состояния экономики и ее тенденций развития с помощью методов социально-экономического моделирования и прогнозирования [Экономическая безопасность: Сущность, факторы, критерии, 2016].

При этом, по мнению В. Моргунова, экономическая безопасность должна обеспечивать защиту всех систем жизнеобеспечения государства от внешних и внутренних угроз, противостоять им и приспосабливаться к новым вызовам развития в различных сферах экономической деятельности [Моргунов В.В., 2011, с. 53–55].

Создание социально-ориентированной экономики, сохранение и развитие интеллектуального и научно-технического потенциала, обеспечение экономически безопасных условий жизнедеятельности общества, построение равноправных и взаимовыгодных отношений с другими странами относятся к приоритетным экономическим интересам государства [Новикова И.В., Красников Н.И., с. 133].

Исследуя все возрастающее влияние процессов глобализации на развитие национальной экономики, В.А. Ларионов предлагает принимать во внимание и изучать отдельные аспекты ее экономической безопасности, которые включают следующее.

1. Управление отношениями собственности на основе мониторинга международного и национального рынков капитала.

2. Полноценное органическое участие национальных предприятий в транснациональной мировой экономике, без которого невозможно включиться в процесс формирования системы общественного производства.

3. Включение национальной экономики в международную систему валютно-финансовых и кредитных отношений на базе современных информационных технологий, которые в настоящее время стали главной движущей силой развития мировой экономики.

4. Включение в мировые рынки товаров и услуг, составляющие стратегическую основу системы глобального общественного воспроизводства. В конечном счете это зависит от конкурентоспособности национальных фирм и экономики в целом, которую в условиях глобализации определяют четыре основных фактора: производственные мощности, наличие доступа на крупные, интегрированные и богатые рынки, экономическая эффективность производства, возможности государственных институтов в создании конкурентных преимуществ национальным производителям.

5. Особую значимость в условиях глобализации МЭ приобретает рынок вооружений и военной техники. Локальные конфликты, терроризм и в целом обострение глобальных противоречий в мире резко усиливают военно-экономическую составляющую национальной и международной безопасности.

6. Внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), формирующих глобальное киберпространство, эффективное использование которого является непременным условием обеспечения конкурентоспособности и безопасности страны.

7. Проведение взвешенной миграционной политики, направленной на преодоление дефицита рабочей силы и укрепление экономики.

8. Решение экологических проблем, связанных с техногенными последствиями воздействия мировой экономики на природную среду (загрязнение Мирового океана, изменение климата, ограниченность биологических и энергетических ресурсов).

Решение названных проблем, по мнению В.А. Ларионова, связано с активизацией участия России в интеграционном процессе, «направленном на формирование глобального общественного воспроизводства как целостной системы, функционирующей под воздействием единого механизма управления мировым общественным развитием. В стратегической перспективе ни одна страна в мире не в состоянии успешно развиваться без органичного включения в процесс глобализации МЭ на основе международной экономической интеграции (МЭИ)» [Ларионов В.А., 2008, с. 18].

Показатели и методы определения экономической безопасности

Рассматривая систему показателей экономической безопасности, характерных для России, А. Варюха и Л. Сурженко включают в нее: достигнутый уровень ВВП; структуру экономики, в том числе характеристику технологического уровня; структуру внешней торговли; расходы государственного бюджета на образование, науку, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР); валютную и финансовую безопасность; уровень благосостояния [Варюха А.О., Сурженко Л.В., 2016, с. 4].

Для оценки уровня экономической безопасности страны в настоящее время используются методы определения показателей, которые объединяются в следующие пять групп.

1. Наблюдение основных макроэкономических показателей и сравнение их с пороговыми значениями.

2. Метод экспертной оценки для ранжирования территорий по уровню угроз.

3. Оценка темпов экономического роста страны по основным макроэкономическим показателям и динамика их изменения.

4. Методы прикладной математики, например многомерного статистического анализа.

5. Использование экономических инструментов при оценке последствий угроз безопасности через количественное определение ущерба.

Ряд экспертов в число важнейших индикаторов (показателей) экономической безопасности включают: уровень и структуру ВВП, объем и темпы развития промышленности и других ведущих отраслей экономики, величину и динамику инвестиций, природно-ресурсный и научно-технический потенциалы, эффективность производства, конкурентоспособность экономики внутри страны и на внешнем рынке, темпы инфляции и уровень безработицы, качество жизни и т.д. При этом превышение предельных величин ряда показателей может угрожать экономической безопасности. Например, допустимый циклический спад ВВП может составлять от 5 до 15% его объема. Пороговый спад этого показателя составляет 30%, если же падение выше этого, потери могут оказаться невосполнимыми. Приемлемый уровень инфляции составляет не более 5–6%, что будет соответствовать примерно аналогичному среднегодовому росту цен. При более высокой инфляции следует принимать специальные ограничительные меры. Пороговым уровнем безработицы считается ее размер в 10% от величины трудоспособного населения. Доходы 10% самых богатых не должны превышать доходы 10% беднейших слоев населения более чем в 6–8 раз. Если же эта разница составляет величину в 10 и более раз (т.е. достигает двузначной величины), обществу грозит социальная нестабильность. Коэффициент Джина (показатель концентрации доходов) в развитых странах составляет 0,15–0,17 [Экономическая безопасность: Сущность, факторы, критерии].

Сравнение фактических размеров экономических показателей с их пороговыми значениями (предельно допустимыми уровнями) позволяет дать комплексную оценку состояния экономики страны. В качестве таких показателей С. Глазьев выделяет: ВВП, долю обрабатывающей промышленности в промышленном производстве, объемы инвестиций в % к ВВП, расходы на научные исследования, продолжительность жизни населения, уровень безработицы, уровень инфляции, объемы внутреннего и внешнего долга и др.). Оценка безопасности включает в себя показатели ресурсного потенциала и возможностей его развития; уровня эффективности использования ресурсов, капитала и труда и его соответствие уровню наиболее развитых стран, а также уровню, при котором угрозы

внутреннего и внешнего характера сводятся к минимуму; конкурентоспособность экономики; целостность территорий и экономического пространства; суверенитета, независимость и возможности противостояния угрозам; социальной стабильности и условий предотвращения и разрешения социальных конфликтов [Показатели экономической безопасности по методике С. Глазьева, 1998].

Концептуальная модель, определяющая систему показателей обеспечения экономической безопасности, по мнению С.П. Волкова, должна также обеспечивать:

1) мониторинг состояния информации относительно уязвимости жизненно важных интересов и противодействия угрозам; выработку текущих и прогностических оценок развития экономических отношений в стране в плане предупреждения кризисных явлений; разработку предложений о повышении эффективности системы обеспечения экономической безопасности и др.;

2) локализацию и нейтрализацию угроз жизненно важным интересам страны; устранение кризисных тенденций в сфере обеспечения экономической безопасности и др.;

3) противодействие носителям угроз жизненно важным интересам страны [Волков С.П. Экономическая безопасность.., 2005].

Стратегия экономической безопасности

Для изучения проблем экономической безопасности представляется важным рассмотреть основные концептуальные подходы, применяемые при разработке стратегии национальной безопасности некоторых зарубежных стран.

Основной целью в стратегии экономической безопасности экономически развитых государств является стабильный и устойчивый экономический рост, безопасность поставок наиболее важных ресурсов, открытость внешних рынков, национальный контроль над «стратегическими отраслями», защищенность коммерческой и технической информации, конкурентоспособность на мировом рынке и «экономический суверенитет», понимаемый как независимость в принятии решений. Все эти элементы нацелены на защиту экономики от внешних угроз. Внутренние факторы безопасности, как правило, не рассматривались вплоть до самого наступления глобального экономического кризиса, который внес свои коррективы в понимание этой проблемы [Орлова А.В., с. 80–89].

Основным документом в области безопасности в США является «Стратегия национальной безопасности», в которой отме-

чаются три главных цели американской внутренней и внешней политики: укрепление военной безопасности, экономическое процветание, содействие демократии в других странах. Для достижения экономической безопасности в США необходимо обеспечить экономическую стабильность в сочетании с благоприятными перспективами развития и защищенностью от потерь.

В США в феврале 2015 г. принята новая редакция «Стратегии национальной безопасности» (The National Security Strategy of the United States of America 2015)¹. В докладе сформулированы подходы администрации к политическим, оборонным, экономическим и иным аспектам обеспечения безопасности и благосостояния Соединенных Штатов, адаптированные к имеющимся и прогнозируемым угрозам и вызовам. Согласно сложившейся практике положения обновленной Стратегии будут способствовать соответствующим изменениям в международном курсе Вашингтона, направленном на наиболее эффективное продвижение американских интересов за рубежом на региональном и глобальном уровне.

В вводной части документа отмечается, что «американское лидерство должно подкрепляться силой, опирающейся на экономическое могущество и вооруженные силы (ВС), которые не имеют себе равных во всем мире». Однако «применение силы не является единственным эффективным способом противодействия вызовам или средством обеспечения вовлеченности США в мировые дела. Напротив, приоритетным инструментом в данной сфере служит также избирательное применение экономических санкций, которое останется эффективным способом воздействия на безответственных субъектов международных отношений, а также ликвидации криминальных и террористических сетей» [The National Security Strategy., р. 1–4].

В разделе «Процветание» (Prosperity) говорится, что «американское лидерство помогает обеспечить Америке вхождение в новую эру беспримерного глобального процветания. Дальнейшее удержание нашего лидерства зависит от формирования развивающегося в настоящее время глобального экономического порядка, отражающего наши интересы и ценности».

Путем реализации торговой и инвестиционной политики необходимо влиять на процессы глобализации таким образом, чтобы они развивались в интересах простых американцев. «Мы также

¹ The National Security Strategy of the United States of America 2015. – Mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>

будем содействовать совершенствованию механизмов глобальной торговли сообразно нашим интересам и ценностям, устанавливая правила и добиваясь их выполнения через участие в деятельности международных институтов и реализацию региональных инициатив, должным образом реагируя на возникающие вызовы, такие как деятельность государственных предприятий и цифровой протекционизм».

Согласно «Стратегии» Вашингтон «несет ответственность за обеспечение энергетической безопасности союзников в Европе и других регионах мира. Вызовы, обусловленные украинской и европейской зависимостью от поставок российских энергоресурсов, наглядно демонстрируют необходимость выработки новых подходов к проблеме обеспечения энергетической безопасности, учитываяющих коллективные потребности Соединенных Штатов, наших союзников и торговых партнеров, а также важность развития других конкурентоспособных рынков». Таким образом, «мы обязаны диверсифицировать виды потребляемого топлива, варианты его получения и транспортировки, а также привлекать надежных поставщиков. Дальнейшее укрепление энергетической безопасности и независимости в Западном полушарии является краеугольным камнем подобных усилий» [The National Security Strategy.., р. 15–17].

В разделе «Мировой порядок» (International Order) Вашингтон берет на себя еще одно обязательство – «оказание помощи европейским партнерам в повышении уровня их энергетической безопасности как на ближайшую, так и долгосрочную перспективу. США намерены расширять рамки помощи таким нашим партнерам, как Грузия, Молдавия и Украина, чтобы они могли эффективнее взаимодействовать с США и НАТО, а также самостоятельно совершенствовать свои оборонные возможности» [The National Security Strategy.., р. 23–27].

В Японии в основу представления о национальной экономической безопасности положен тот факт, что функционирование экономики этой страны полностью зависит от импорта большей части необходимого ей топлива и промышленного сырья. Основным источником его оплаты являются доходы от экспорта продукции японской обрабатывающей промышленности, поэтому Япония заинтересована в беспрепятственном доступе к заграничным источникам необходимого сырья и топлива, в их диверсификации, в снижении импортной зависимости путем создания стратегических запасов и развития импортозамещающих технологий, в неуклонном увеличении стоимости экспорта товаров и услуг, повышении

их качества и конкурентоспособности, формировании благоприятных условий их сбыта за границей. Следовательно, в качестве главного условия обеспечения экономической безопасности своей страны японцы рассматривают сохранение глобальной политической и экономической стабильности, всемерное поддержание системы свободной торговли и обеспечение дружественных отношений с теми странами, которые являются основными торговыми контрагентами Японии. Поэтому под экономической безопасностью в Японии понимается такое состояние экономики, при котором страна защищена, прежде всего, экономическими средствами от серьезных угроз ее безопасности, возникающих под воздействием международных факторов [Стрельцов Д., 2014].

Аналогичных позиций с Японией по обеспечению своей экономической безопасности придерживаются и большинство европейских стран, а также Южная Корея, Тайвань и Израиль [Evev S., 2011, р. 171–190].

В основе же китайской трактовки экономической безопасности лежит «экономический суверенитет», т.е. независимость в принятии решений.

Так, китайский экономист Д. Ёнг определяет задачи обеспечения экономической безопасности страны как «способность обеспечивать постепенный рост жизненных стандартов всего населения через национальное экономическое развитие при сохранении экономической независимости, т.е. у экономической безопасности в Китае две стороны: конкурентоспособность и независимый экономический суверенитет». [Орлова А.В., 2012].

Меры экономической безопасности Польши, как страны с переходной экономикой, формируются в зависимости от того, какая экономическая модель реализуется на том или ином этапе исторического развития общества – жесткая или мягкая. В случае жесткой модели безопасности (милитаристской) государство вынуждено покрывать затраты на оборону с целью предотвращения военной угрозы (реальной или мнимой) со стороны потенциального агрессора [Стратегии развития системы национальной безопасности до 2022 года¹; Zukrowska K., 2000, р. 274].

В случае мягкого варианта экономической безопасности взаимосвязи в экономике являются более сложными для определения

¹ Стратегии развития системы национальной безопасности до 2022 года. – Режим доступа: http://factmil.com/publ/strana/polsha/strategija_razvitiya_sistemy_nacionalnoj_bezopasnosti_polshi_2015/25-1-0-608

того, что из себя представляют ее демилитаризованные факторы. Этот вывод основывается на двух допущениях: с одной стороны, высокие военные расходы конкурируют с другими расходами государства, необходимыми для обеспечения благосостояния нации, с другой стороны, большие военные расходы ограничивают экспансивное развитие международной торговли – важнейшего фактора увеличения благосостояния и стабильности.

Мягкая модель обеспечения экономической безопасности основывается на следующих предпосылках:

- грамотно организованный и успешно функционирующий внутренний и внешний финансово-экономический рынок;
- развитая и эффективная демократическая политическая система;
- внутренняя институциональная система;
- устойчивые отношения с соседними государствами;
- институционализированное участие в международных организациях;
- систематическое обеспечение постоянного реформирования на основе свободного волеизъявления народа (голосование), что является обязательным предварительным условием достижения социальной стабильности.

В перечень дестабилизирующих внеэкономических факторов входят:

- международная организованная преступность;
- экологические угрозы;
- массовая эмиграция из стран с нестабильной экономикой, где проводилась ошибочная политическая и экономическая трансформация.

Опыт по крайней мере последних 50 лет подтверждает тот факт, что демократия и экономика находятся в тесной взаимосвязи. Так экономическая дестабилизация может быть причиной политической нестабильности и как фактор который тормозит экономический рост.

Опыт развития стран с переходной экономикой показывает, что выход из экономической депрессии во многом связан с ростом потребления на внутреннем рынке. Существует два метода стимулирования роста потребления в экономике:

- увеличение бюджетных расходов на потребление, что, по мнению автора, является синонимом бюджетного дефицита, с последующим печатанием денег и дальнейшего развития дестабилизационного процесса в экономике;

– самофинансирование расходов потребителями или кредитование с возвращением средств из получаемых личных доходов.

В первом случае потребление финансируется через бюджет и в результате вызывает рост его дефицита. Это значит, что краткосрочный эффект роста потребления сводится на нет с течением непродолжительного периода времени. Дефицит бюджета стимулирует инфляцию, приводит к дестабилизации экономики и сокращению доходов населения [Zukrowska K., p. 281].

В России концепция экономической безопасности формировалась независимо от западных подходов и представление о ней менялось под воздействием политических факторов. В 1994 г. Институт экономики РАН под руководством академика Л.И. Абалкина начал разработку данной темы, результаты которой были опубликованы в журнале «Вопросы экономики»¹.

В 1996 г. указом Президента РФ от 29 апреля № 608 была официально утверждена «Государственная стратегия экономической безопасности РФ»², в соответствии с которой целью государственной стратегии является «обеспечение такого развития экономики, при котором создались бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз».

В 2009 г. указом Президента РФ была официально утверждена «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года»³. В ней ставятся задачи вхождения России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему ВВП, достижения необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах. Для этого необходимо укрепление экономической безопасности через проведение активной государственной антиинфляционной, валютной, курсовой, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики.

¹ Вопросы экономики. – 1994. – № 12.

² Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725/

³ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>

Угрозы экономической безопасности России на современном этапе

В конце 2015 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности РФ, учитывающая особенности экономического развития России на современном этапе. В документе скорректированы важнейшие задачи, на решение которых будут направлены основные усилия. Такими задачами являются – устранение дисбалансов в экономике, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, снижение уязвимости от внешних негативных факторов, прагматичное участие в международном экономическом сотрудничестве, повышение эффективности государственного управления в экономической сфере.

Особое вниманиеделено также мерам, направленным на обеспечение продовольственной безопасности. Эти меры включают в себя ускоренное развитие и модернизацию агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, пищевой промышленности и инфраструктуры внутреннего рынка, расширение доступа сельскохозяйственных товаропроизводителей на рынки сбыта продукции, недопущение бесконтрольного оборота генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов, совершенствование системы технического регулирования, а также меры санитарного и фитосанитарного надзора, контроля в области обеспечения безопасности пищевых продуктов для здоровья человека.

Стратегия включает также задачи укрепления финансовой системы, повышение устойчивости курса рубля, снижение банковских ставок для укрепления национальной безопасности страны. Кроме того, стратегия национальной безопасности ставит одной из целей развития страны вхождение в число мировых лидеров по объему ВВП. Предполагается, что Россия должна закрепить статус одной из лидирующих мировых держав [Лейва М., 2016].

Достижение поставленных в стратегии задач предполагается обеспечить за счет развития промышленно-технологической базы и национальной инновационной системы, модернизации и развития приоритетных секторов национальной экономики, повышения инвестиционной привлекательности РФ, совершенствования финансовой и банковской системы, улучшения делового климата и создания благоприятной деловой среды.

Рассмотренные выше угрозы являются лишь ключевыми угрозами экономической безопасности. В целом же они очень изменчивы и долгое время могут не проявлять себя в открытой форме, что не должно ослаблять внимания экономистов к изучению следующих проблем.

Состояние валютно-финансового рынка. Одной из основных угроз для российской экономики в настоящее время, по мнению С. Глазьева, является отсутствие эффективной системы государственного регулирования валютно-финансового рынка, который не выполняет функции финансового обеспечения производительных инвестиций и является источником дестабилизации российской экономики [Глазьев С.Ю., с. 127]. Своей политикой Банк России стимулирует валютные спекуляции в ущерб реальному сектору. Более того, он субсидирует и поддерживает их. В результате такой «стабилизационной» политики происходит перетекание ликвидности на валютно-финансовый рынок, что вызывает процесс сжатия кредитных ресурсов для реального сектора экономики, падение производства и инвестиций и, следовательно, ведет к увеличению издержек и росту инфляции.

В условиях чрезмерной открытости российской экономики, зависимости ее от нефтяных цен и высокой доли импорта на потребительском рынке, свободное курсообразование несовместимо с обеспечением макроэкономической стабильности. Колебание цен на мировом рынке или любое другое изменение внешнеэкономических условий, при свободно плавающем курсе национальной валюты, сводят на нет планы по достижению целевого уровня инфляции, считает автор. Также ошибочной он считает реализуемую ЦБ политику таргетирования инфляции, что позволяет спекулянтам разгонять волны повышения и понижения курса рубля любой амплитуды. Валютно-финансовый рынок входит в состояние турбулентности, происходит дезорганизация всей внешнеэкономической деятельности и предприятий, связанных с ней [Глазьев С.Ю., с. 139]. Учитывая это, предлагается в первую очередь обезопасить валютный рынок от атак со стороны эмитентов главных мировых валют. Это предполагает введение избирательных регулирующих ограничений на трансграничное движение спекулятивного капитала как прямых (лицензирование, резервирование), так и косвенных (налог на вывоз капитала, ограничение валютной позиции коммерческих банков).

Кроме того, предлагаются принятие и ряда других мер, направленных на стабилизацию валютно-финансового рынка и обеспечение его национальной безопасности.

1. Запрещение направлять средства, полученные предприятиями по каналам льготного рефинансирования на спекулятивные операции, включая покупку валюты в отсутствие импортных контрактов.

2. Введение повышенного резервирования средств на валютных счетах. В случае угрозы замораживания валютных активов российских юридических и физических лиц – до 100%.

3. Введение временного налога на валютнообменные и трансграничные операции юридических лиц с последующим его зачетом при завершении импортных поставок или других текущих операций.

4. Прекращение кредитов в иностранной валюте со стороны российских банков.

5. Постепенный перевод оборота наличной иностранной валюты в безналичную форму с одновременной либерализацией наличного оборота золота и серебра как долгосрочного средства сбережения. Отмена НДС на покупку банковских слитков и введение налога на вывоз золота и серебра за рубеж.

6. Запрет импорта за государственные средства или с предоставлением налоговых льгот и субсидий любой продукции, аналоги которой производятся в России, включая импорт самолетов, автомобилей, лекарственных препаратов, напитков, мебели и т.п.

7. Деофшоризация и прекращение незаконного вывоза капитала [Глазьев С.Ю., с. 151].

Серьезной угрозой экономической безопасности стал кризис фондового рынка. Причиной этого стало то, что 70% российского фондового рынка принадлежит иностранным инвесторам. За подобную ситуацию приходится расплачиваться значительным снижением капитализации крупнейших российских компаний. Из-за снижения уровня капитализации крупнейших российских компаний показатель РТС превысил отметку в 700 пунктов. Это новый минимум с апреля 2009 г. Индекс ММВБ тоже снижается, но более медленными темпами, чем РТС.

Еще одним важным фактором угрозы экономической безопасности является то, что около 60 млрд долл. уходит из страны в форме сальдо по доходам от иностранных кредитов и инвестиций и около 50 млрд долл. составляет нелегальная утечка капитала. Потери доходов бюджетной системы вследствие утечки капи-

тала оцениваются экспертами в размере 1,5% от ВВП [Харич Е.А., Мамий С.А., 2016, с. 36].

Угрозы в производственной сфере. Главными угрозами, по мнению А. Варюхи и Л. Сурженко, являются: низкий уровень конкурентоспособности отечественных товаров на мировом и отечественном рынках; значительные ценовые диспропорции, обострившиеся в процессе либерализации отечественной экономики; сложное положение отраслей, снабжающих потребительский рынок (легкая и пищевая промышленность, машиностроение, отрасли оборонного комплекса); развитие теневой экономики [Варюха А.О., Сурженко Л.В., 2016, с. 3]. Близкой позиции придерживается и А. Мовчан, который считает, что российскую экономику тормозят следующие обстоятельства:

- моральное и физическое старение производственных мощностей (более 40%), что делает невозможным производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию. При этом в последнее десятилетие станочный парк в России уменьшился почти в два раза, и такое сокращение почти не связано с выбыванием старых, маломощных станков и вводом в строй новых, более высокой мощности;

- отсутствие у государства средств, необходимых для ускоренной капитализации производства и создания новых мощностей. Так, в 2016 г. дефицит бюджета составил 3% от ВВП, а в 2017 г. он прогнозируется в размере 5%;

- низкая эффективность производства, особенно в области энергетики и логистики, что существенно снижает конкурентоспособность отечественной продукции;

- нехватка трудовых ресурсов, которые в силу демографических причин сокращаются на 0,5% в год. При этом большая их часть задействована в отраслях с нулевым или низким уровнем добавленной стоимости (госслужба, силовые структуры, охрана, торговля, банки т.п.). Оставшаяся часть не покрывает потребностей государства;

- состояние коммунального хозяйства, которое держится на эксплуатации труда миллионов мигрантов, в том числе нелегальных.

Внешние угрозы. Внешними угрозами экономической безопасности страны являются: значительная внешняя задолженность; отсутствие целостной нормативной базы регулирования внешнеэкономической деятельности; зависимость от импорта; неразвитость инфраструктуры поддержки отечественного экспорта; утрата

освоенных рынков сбыта; утечка квалифицированных кадров за рубеж; вывоз за рубеж валюты и сырья и др. К этому следует добавить и введенные западными странами финансово-экономические санкции в 2014 г.

При этом санкции, наложенные США и ЕС, не оказывают существенного влияния на российскую экономику, полагает Л. Кравченко. Их суть состоит в том, что «они запрещают заимствование на международных рынках ограниченному числу российских коммерческих организаций, запрещают владение активами в ряде стран, въезд узкому кругу российских граждан и, наконец, запрещают передачу России узкого перечня технологий, в основном связанных с эффективной разработкой недр и созданием военной техники». Дело в том, что в настоящее время Россия не нуждается в масштабных заимствованиях – большинство агентов экономики не инвестируют в развитие, сокращают масштабы производства. Вместе с тем, когда Россия исчерпает запасы капитала и будет вынуждена привлекать средства в больших объемах, ограничения на финансовые заимствования могут оказать пагубное влияние на экономику.

Ограничения на передачу технологий по разведке и добыче углеводородов в долгосрочной перспективе также будут отрицательно влиять на состояние экономики России, тем более если учесть, что в России таких технологий нет. Это через пять-семь лет негативно скажется на уровнях добычи и себестоимости нефти и газа. Однако на сегодняшний день эффект от такого ограничения равен нулю. То же относится и к военным технологиям – в 2016 г. экспорт вооружений составлял 17 млрд долл. (это третий показатель в мире после США и Китая), и санкции пока никак на этот бизнес не влияют. Россия в высокой степени зависит от импорта, и в этой ситуации единственный способ увеличить экономический потенциал страны – снизить риски. Серьезной угрозой экономической безопасности стал обвал на фондовом рынке.

Контрсанкции, т.е. меры, касающиеся самоограничения импорта продовольствия, которые были введены вначале против ряда стран, также не слишком сильно влияют на экономику. Импортозамещения запрещенных позиций (т.е. пропорционального роста производства точных их аналогов в России) не произошло как минимум потому, что в результате девальвации рубля существенно сократилось потребление – потеря объема запрещенного импорта оказалась по сравнению с этим незначительной. Товары импортозамещения подорожали сильнее, чем в среднем товары каждо-

дневного спроса. Однако из-за упавшего спроса и тотального снижения качества отечественных аналогов (переход на суррогатные ингредиенты, отказ от выдерживания технологии с целью снизить себестоимость и ускорить производственный процесс) не появилось ни излишков производства, ни дефицита.

Зависимость России от экономически развитых стран наблюдается в ряде важнейших сфер, обеспечивающих страну стратегически важными товарами: лекарствами, продовольствием, технологиями, комплектующими для машин и оборудования и т.п. [Кравченко Л., 2014].

Газодобыча России практически полностью ориентирована на страны Европы и СНГ: в Европу поступает 64,7% российского газа, в страны постсоветского пространства – 27,85%, оставшаяся доля – в Азию в виде сжиженного природного газа. Отечественные сырьевые компании полностью зависимы от европейского газового рынка, в то время как доля российского газа в структуре европейского импорта составляет 34,46%. США активно осваивают сланцевые месторождения и заинтересованы в том, чтобы Европа постепенно стала переходить на американский сланцевый газ.

В торговом балансе России главными партнерами остаются страны ЕС (42,2% импорта и 53,8% всего экспорта), АТЭС (34,3% импорта и 18,9% экспорта) и СНГ (13% импорта и 14% экспорта), крупнейшими из них являются Китай и Германия. Так, доля импортных лекарств на внутреннем рынке превышает 70%. [Кравченко Л., 2014].

Инвестиции и инновации. Угрозу экономической безопасности России В. Буров связывает с недостаточностью инвестирования¹. Зарубежные инвесторы анализируют инвестиционные риски по таким показателям, как: аннулирование контрактов; экспроприация собственности; индекс верховенства закона; индекс качества бюрократии; индекс ограничений исполнительной власти; индекс коррупции. По этим показателям инвестиционные риски в России слишком велики. Хотя процесс инвестирования в России пользуется мощной государственной поддержкой, тем не менее недостаточное инвестирование продолжает оставаться проблемой, в результате чего замедляется процесс обновления производственных фондов и модернизации производства, что снижает показа-

¹ Более подробно эта проблема раскрывается в статье И.Г. Минервина, опубликованной в настоящем сборнике: «Инновационный процесс и экономическая безопасность».

тели обеспечения экономической безопасности отдельно взятых предприятий и отраслей в целом [Буров В.Ю., 2008, с. 69].

Важный инструмент инновационного развития представляет формирование венчурных фондов, финансовые ресурсы которых используются для реализации рисковых, но коммерчески выгодных инновационных проектов. Практикой использования средств фондов «Сколково» и «Роснано» выявлены проблемы с оказанием поддержки отечественным изобретателям и разработчикам. Зачастую разработки в перспективные и значимые бизнес-проекты не перерастают. Улучшение процесса управления инновационной деятельностью, активное участие государства в формировании инновационного спроса, оказание ощутимой господдержки предприятиям, использующим инновации, и контроль, каким образом используются предоставленные ресурсы, будут способствовать увеличению темпов отечественного экономического роста, обеспечат необходимый уровень экономической безопасности и повысят уровень благосостояния граждан.

Инновационное развитие определяется также и уровнем существующего образования. Осуществляемые реформы школьного обучения и высшего образования не привели к желаемому результату, а лишь породили множество новых вопросов и проблем. К примеру, невозможно добиться увеличения притока в научную сферу молодых специалистов без увеличения стипендий студентов и аспирантов и заработной платы преподавателей вузов. В то же время намеченный уровень оплаты труда нереален, что подтверждает существующая практика распределения финансовых средств в вузах.

Весомым фактором в повышении уровня инновационной активности выступает уровень государственной поддержки предприятий, которые осуществляют исследования и разработки, способные повысить в целом уровень экономической безопасности. Российские предприятия пользуются такими инструментами поддержки, как вычеты по налогу на прибыль, инвестиционный налоговый кредит, для резидентов ОЭЗ и участников ИЦ особый режим налогообложения, льготы по земельному налогу и налогу на имущество, льготы по НДС. Практики применения льгот разнообразны и в разной степени эффективны, но только стабильность и адекватный уровень развития экономики может послужить базой прямой и косвенной поддержки для инновационно-активных предприятий [Россия в ВТО: Проблемы, задачи, перспективы].

Спрос на инновации необходимо формировать как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Вопрос продвижения технологий решается международной торговлей лицензиями. Но для российских исследователей и это составляет проблему, поскольку количество российских патентов, регистрируемых в развитых зарубежных странах, составляет около 70 штук в год, в то время как для проникновения на мировые рынки нужны тысячи.

Экономическая политика. Непоследовательная и нелогичная политика в области экономики и предпринимательства создает имидж страны, как ненадежной и враждебно настроенной по отношению к предпринимателям. Реакцией на это стал отказ от инвестиций в Россию и бегство местных предпринимателей и инвесторов за границу. За последние 16 лет доля частного бизнеса в ВВП сократилась до 30%. Из-за стагнации инвестирования объем внешнего долга упал до уровня ниже 50% ВВП, что говорит об отсутствии в российской экономике инвестиционных и предпринимательских ресурсов. Такое положение сохранится как минимум до тех пор, пока не произойдет радикальная смена управленческой парадигмы.

Безопасность агропромышленной и продовольственной сферы

Введенные западными странами санкции на поставку продовольствия привели к кризису в снабжении населения экономически доступным продовольствием, отмечает А. Алтухов. Даже с учетом крупномасштабного импорта продовольствия и сельхозсырья потребление населением пищевых веществ остается ниже рациональной нормы потребления. При этом импорт продовольственных товаров составляет около 30% от стоимости произведенной в сельском хозяйстве продукции, а доля потребления импортного продовольствия в структуре пищевого рациона населения превышает 33%. Такая ситуация не укладывается в рамки действующей национальной аграрной политики и не способствует задачам обеспечения продовольственной безопасности страны [Алтухов А.И., 2016, с. 255].

Введя в отношении США и Европы продовольственные антисанкции, Россия скорее ударила по себе, чем по Европе, поскольку на антисанкционные страны приходится около половины продовольственного импорта страны. Импорт продовольствия в

Россию составляет около 36% его розничного товарооборота, а на импорт из стран, попавших под антисанкции, – около 18%.

Устойчивое развитие аграрной сферы экономики и обеспечение продовольственной безопасности может быть достигнуто лишь на базе новой парадигмы научно-технического развития, основанной на инновационной и социально ориентированной экономике. Даже с учетом крупномасштабного импорта продовольствия и сельхозсырья потребление населением пищевых веществ остается ниже рациональной нормы потребления.

В этих условиях обеспечение продовольственной безопасности, по мнению автора, в первую очередь связано с рациональным использованием инновационного потенциала, который реализуется лишь на 4–5%, а также активизацией инвестиционной деятельности в сфере АПК. В качестве стратегических целей развития агропромышленной сферы предлагается:

- насыщение внутреннего агропродовольственного рынка отечественными продовольственными продуктами с учетом актуализированной Доктрины продовольственной безопасности РФ, прежде всего путем ускоренного внедрения и освоения достижений НТП, позволяющих повышать эффективность и конкурентоспособность сельхозпродукции;

- обеспечение доходности и финансовой устойчивости сельхозпроизводителей, достаточных для не только простого, но и расширенного воспроизводства, а также сохранения природного и аграрного потенциала;

- устойчивое развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения, особенно в депрессивных и трудоизбыточных регионах, районах Крайнего Севера, Дальневосточном федеральном округе, а также снижение уровня социально-экономического неравенства между регионами страны [Алтухов А.И., с. 258].

Для реализации этих целей необходимо, чтобы приоритет сельского хозяйства стал для государства общей стратегией его развития, преимущественно опережающего вне зависимости от внутренних и внешних экономических и политических факторов и угроз. При этих условиях сельское хозяйство перестанет быть «черной дырой» в экономике и продовольственная сфера страны станет надежной и независимой от крупномасштабных импортных поставок продовольствия.

Криминализация экономики. В докладе, подготовленном международным агентством «Statistics Group» [Современная Россия.

Прогнозы и оценки, 2012], отмечается, что основными факторами, снижающими экономическую безопасность России, являются теневая экономика, государственная коррупция, криминализация общества.

Лидером криминализации является топливно-энергетический комплекс (ТЭК) России. По данным департамента экономической безопасности только в 2005 г. в ТЭКе украдено 2% российского ВВП. Экономические преступления в сфере машиностроения лишь на 30% меньше, чем в сфере ТЭК, в сфере оборота драгоценных камней и металлов и финансово-кредитной сфере на четверть ниже, чем в сфере ТЭК. Высокая криминализация нефтяного бизнеса связана с тем, что нефтяная отрасль контролировалась девятью вертикально-интегрированными компаниями – государственным ОАО НК «Роснефть», контролируемыми региональными администрациями ОАО «Башнефть» и ОАО «Татнефть», экс-советскими структурами ОАО НК «ЛУКойл» и ОАО «Сургутнефтегаз», а также новыми финансово-промышленными группами ОАО «Сибнефть», ОАО «ТНК-ВР», ОАО НК «Славнефть» и ОАО НК «ЮКОС». В 2007 г. их число сократилось до восьми, поскольку активы ликвидированного ЮКОСа, в основном, перешли к «Роснефти». На долю этих гигантов приходится более 90% добычи, 85% переработки и 80% экспорта углеводородного сырья. В газовой индустрии концентрация еще выше: до 90% отрасли контролируется ОАО «Газпром», которое фактически является абсолютным российским монополистом по добыче и транспортировке газа.

В нефтегазовой отрасли используются следующие три наиболее типичных метода совершения налоговых и экономических преступлений.

1. Уклонение от уплаты налогов путем реализации готовой продукции под видом полуфабрикатов (товарной нефти – как скважинной жидкости, а добываемого газа – как газожидкостной смеси).

2. Добыча углеводородного сырья сверх предусмотренных федеральными лицензиями нормативов и, как следствие, теневой сбыта.

3. Применение вертикально-интегрированными компаниями подставных фирм и внутрикорпоративных (трансферных) цен для минимизации налогообложения.

Поскольку бизнес в НГК сильно зависит от политических условий, рентоискательство препятствует технической модернизации оборудования в самом НГК. Фирмы-экспортеры получают от продажи ресурсов быстрые и достаточно легкие сверхдоходы, что

увеличивает относительную норму отдачи от стратегии выведения активов (эта стратегия хорошо описывается простонародным российским выражением «хануть и убежать»). В результате власть закона теряет свою привлекательность для агентов, обогащающихся за счет применения стратегии выведения активов. Вместо того чтобы разрабатывать рассчитанные на длительную перспективу проекты модернизации отрасли, предприниматель разрабатывает схемы уклонения от уплаты налогов и вывода капитала за рубеж. Применением этой стратегии, требующей особых отношений с властью, активно занимается как бизнес-элита, тесно связанная с государством, так и непосредственно сама государственная элита, активно занимающаяся бизнесом.

Другим фактором, тормозящим экономическое развитие России, авторы доклада считают слияние власти с организованной преступностью (ОПГ). Государственная правоохранительная система пытается противостоять этому злу. Однако ОПГ показывают умение концентрировать ресурсы на главных направлениях. Члены ОПГ участвуют в политических выборах и выигрывают их, становясь губернаторами, мэрами городов, главами поселений, депутатами всех уровней.

На большей части России ОПГ с административным ресурсом полностью подменили систему местного самоуправления и являются наиболее простой бизнес-схемой в бюрократизированной стране. Создание ОПГ не требует инвестиций и начального капитала. ОПГ создается для улучшения жизни участников преступных сообществ и получения прибыли. В ОПГ действуют смелые, инициативные и умные люди, умеющие сделать быструю карьеру. Все происходит так же, как это происходило в других странах. В странах Запада это по объективным геополитическим причинам произошло значительно раньше. В России процесс задержался, но он идет.

С этим явлением следует бороться только комплексно, используя политические и экономические, законодательные и морально-нравственные методы (практика показала, что использование чисто административных методов дает обратный эффект). Необходимо также в интересах национальной безопасности России создать условия, исключающие для инвесторов в России политические риски в случае смены руководства власти путем предоставления им государственных гарантий в виде российской недвижимости за рубежом. В этом случае гипотетическая смена власти с последующими новыми национализациями, конфискациями, губи-

тельными для страны, привела бы к возмещению потеряянной собственности инвесторов в России за счет российской недвижимости за рубежом [О национальной безопасности России.., 2010].

Экономическая безопасность регионов России

Проблема экономической безопасности регионов недостаточно изучена в силу следующих обстоятельств.

1. Экономическое развитие регионов России имеет свою собственную специфику, что требует учитывать специфику их развития и использовать показатели, характеризующие особенности экономической безопасности конкретных регионов.

2. Проблемы обеспечения экономической безопасности регионов РФ рассматриваются с разных методологических позиций, которые зачастую противоречат друг другу.

3. Недостаточно проработана проблема унификации региональных статистических данных, которые используются для оценки уровня региональной экономической безопасности. Все это, по мнению автора, затрудняет выработку общих принципов оценки уровня экономической безопасности.

Под экономической безопасностью региона автор понимает способность, возможность и готовность экономики (экономической системы) на основе эффективного управления обеспечить стабильность и устойчивый экономический рост, удовлетворение потребностей общества и защиту национальных интересов в различных сферах от внутренних и внешних угроз. При этом следует учесть связь экономической безопасности с понятиями устойчивого экономического роста и развития. В противном случае неизбежно резкое сокращение возможностей ее выживания, сопротивляемости к внутренним и внешним угрозам.

К внутренним угрозам экономической безопасности региона Н.М. Калинина относит:

1) высокую изношенность производственных фондов, что ведет к низкой конкурентоспособности на региональном и федеральном уровнях, невозможности замены устаревшего оборудования и высокой стоимости продукции вследствие больших затрат на амортизацию;

2) низкую рентабельность региональных предприятий, что ведет к вынужденному сокращению производства, вплоть до его полного сворачивания, росту безработицы и социальной напряженности;

3) низкую степень бюджетной поддержки экономики региона (как из федерального, так и из регионального бюджета), что затрудняет реализацию бюджетных проектов и развитие региональной инфраструктуры. Это, в свою очередь, может стимулировать высокую степень разворовываемости бюджетных средств.

К внешним угрозам экономической безопасности региона относятся:

1) растущая степень зависимости региональной экономики от иностранного капитала и импорта продовольствия и оборудования;

2) сокращение регионального производства вследствие нерентабельности, низкой конкурентоспособности товаров на рынке, что приводит к росту безработицы, обнищанию и деструктуризации экономической системы в целом;

3) усиление тенденции регионального социально-экономического и политического сепаратизма, что может в течение нескольких десятилетий привести к распаду РФ на основе межнациональной, межэтнической напряженности и конфликтов на этой почве.

Сущность экономической безопасности региона определяется способностью ее экономики улучшать качество жизни населения на уровне общепринятых стандартов, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз при оптимальных затратах всех видов ресурсов и экономном использовании природных факторов, обеспечивать социально-экономическую и общественно-политическую стабильность региона [Еделев А.Л., 2007, с. 16].

Для обеспечения экономической безопасности региона необходимо обеспечить:

– расширенное воспроизведение экономической и социальной инфраструктуры региона;

– пределы критической зависимости региона от ввоза важнейших видов продукции первой необходимости;

– необходимый уровень обслуживания потребностей населения с целью формирования условий для нормального жизнеобеспечения населения региона.

Экономическая безопасность региона характеризуется способностью региональной экономики функционировать в режиме расширенного воспроизведения, максимально обеспечивать приемлемые условия жизни и развития личности для населения. Она определяется способностью экономики, с одной стороны, противостоять дестабилизирующему воздействию внутренних и внешних социально-экономических факторов, а с другой – не создавать

угроз для других элементов региона и внешней среды (других субъектов РФ, для Федерации в целом, европейского и мирового сообщества). Поскольку экономическая безопасность региона характеризуется состоянием различных сфер жизни и деятельности региона, выделяются составляющие его экономической безопасности: производственная, финансовая, социально-демографическая, продовольственная, экологическая и другие комплексные виды безопасности [Буянова М.Э., Дятлов Д.А., 2008, с. 37].

Экономическую безопасность региона С.П. Волков трактует как совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики региона, что выражается в следующих возможностях:

- проведение собственной экономической политики в рамках Федерации;
- адекватно реагировать на резкие геополитические изменения в Федерации;
- осуществлять крупные экономические мероприятия (не ожидая помощи от Федерации) по неотложным социально-взрывным ситуациям, связанным с локальными экономическими бедствиями или экономическими просчетами на федеральном уровне;
- на договорной основе оказывать помощь сопредельным регионам, где существующая несбалансированная экономическая ситуация может негативно отразиться на экономических интересах данного региона;
- стабильно поддерживать соответствие существующих (существующих) на территории экономических нормативов общепринятым в мировой практике, что позволило бы обеспечить достойный уровень жизни населения [Волков С.П. Особенности обеспечения..., 2005, с. 37].

В качестве индикаторов экономической безопасности региона предлагаются такие показатели, как объем ВВП на душу населения; инвестиции в % к ВВП; расходы на НИОКР; доля в населении людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума; продолжительность жизни; дифференциация доходов; уровень преступности; уровень безработицы; доля импорта во внутреннем потреблении. Следует также выработать систему индикаторов экономической безопасности различных сфер экономики региона: продовольственная, инфраструктурная, финансовая, социальная, информационно-техническая и инновационная.

Так, в качестве индикатора продовольственной безопасности можно использовать долю импорта продовольствия с пороговой величиной в размере 25%. Для оценки производственной безопасности следует использовать ряд пороговых показателей, среди которых такие, как ВВП на душу населения (обобщающий показатель) с пороговым значением, предложенным С. Глазьевым, в размере 50%. Одним из индикаторов производственной сферы может служить степень износа основных производственных фондов промышленных предприятий с пороговым значением – 60%

Для оценки инновационной сферы, например, в США, используется отношение расходов на НИОКР штата к производимому в нем валовому продукту. Здесь может быть принято пороговое значение, как предлагает С.Ю. Глазьев, – 2,0%. Для оценки экономической безопасности региона в финансовой сфере предлагается показатель, отражающий удельный вес региональных кредитных организаций в общем числе кредитных организаций региона. Пороговым значением должна быть величина в 50% [Новикова И.В., Красников Н.И., 2009, с. 134–135].

Для оценки безопасности региона в социальной сфере применяется ряд индикаторов: доступность жилья – отношение его рыночной цены к среднегодовому доходу семьи с пороговым значением – 12 лет; психическое и физическое здоровье рабочей силы; уровень занятости населения и т.д.

Качество человеческого капитала прежде всего определяет производительность труда и конкурентоспособность экономики региона в целом. Экономическую безопасность социальной сферы характеризует и такой показатель, как соотношение социальных расходов в консолидированном бюджете региона на душу населения с прожиточным минимумом (ПМ). Именно по этому показателю регионы не идут ни в какое сравнение с Москвой. Исключение составляют только Эвенкийский, Таймырский и Ненецкий АО, где социальные расходы, в среднем на одного жителя, сопоставимы с величиной регионального ПМ (90–107%). Пограничным индикатором данного показателя должна быть принята величина в 50%.

Результаты исследования внешних и внутренних угроз экономической безопасности Омской области показывают, что, несмотря на их наличие (рост внешнего долга; недостаток валютных средств; нерациональное использование валютных ресурсов для импорта; негативные явления и тенденции в процессе пополнения государственного бюджета; отсутствие единой региональной политики федерального центра; нарушение системы финансового

обеспечения регионов; неэффективная реализация федеральных и региональных экономических проектов; деградация природной среды в национально-государственном масштабе; криминализация экономики; снижение уровня жизни населения), происходит улучшение индикаторов социально-экономического развития региона. Ведется работа по созданию концепции экономической безопасности области на среднесрочную перспективу. В связи с этим стабильность и устойчивый рост экономики Омской области напрямую зависит от улучшения качества жизни населения, увеличения ассигнований на науку, культуру, здравоохранение, создание оптимальной инфраструктуры промышленного потенциала, повышения социальной защищенности отдельных категорий граждан, что в конечном итоге будет способствовать росту конкурентоспособности экономики региона.

Наиболее опасными из внешних угроз для республики Саха (Якутия) являются: кризис на рынках алмазов, золота, угля, в будущем – нефти, природного газа и др.; общероссийские – инфляция, финансовый, продовольственный и энергетический кризисы; межрегиональные – усиление миграции населения, нарушение транспортно-экономических связей и пр. Кроме того, необходимо приложить усилия по преодолению действия специфических региональных рисков – сбои в финансировании региона, увеличивающаяся зависимость от межбюджетных трансфертов из федерального центра [Баранова Ю.Л., 2012].

Экономика Республики Саха (Якутия) имеет сырьевую направленность. Экономический и финансовый потенциал региона в значительной степени зависит от добычи и экспорта сырьевых товаров. Большую часть объемов промышленного производства обеспечивает цветная металлургия (добыча алмазов, золота, олова, сурьмы) и топливно-энергетический комплекс (добыча угля, газа, нефти и электроэнергетика) – более 90% в общем объеме продукции собственного производства Якутии, а от результатов деятельности алмазодобывающей промышленности формируется значительная часть доходов бюджета республики (около 60%).

В региональных условиях Республики Саха (Якутия) преобладание сырьевых товаров выступает в качестве основного условия обеспечения устойчивого состояния финансовой системы и экономики региона, что подтверждает опасность влияния мировых угроз. Доказательством этому явились последствия мирового финансового кризиса для системообразующих отраслей экономики республики и в конечном счете государственного бюджета региона.

В Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева разработали метод оценки экономической безопасности республики с помощью многомерных статистических оценок. Для этого вначале были выделены несколько сфер экономики региона: промышленность и сельское хозяйство, социальные показатели уровня жизни населения, демографического состояния и т.д. В процессе анализа использовались 16 факторных признаков, разбитых на две группы – экономическую и социальную. В результате было получено четыре интегральных показателя: взаимозависимость уровня развития сельского хозяйства региона и загрязнения воздушного бассейна; степень влияния инвестиций в основной капитал на результативность экономики региона; общий уровень жизни и благосостояния населения; взаимосвязь уровня оплаты труда и безработицы.

Затем были выбраны результативные показатели: индекс производства промышленной продукции, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициент естественного прироста (убыли) населения.

Затем был проведен корреляционно-регрессионный анализ связи между рассчитанными интегральными и результативными показателями, получены определенные зависимости, на основе которых была построена система из четырех уравнений, которая представляет собой комплексную количественную модель, описывающую состояние Республики Мордовия.

Однако методы математического анализа не всегда могут служить надежным инструментом для оценки состояния социально-экономических процессов, происходящих в регионе. Кроме того, некоторые интегральные показатели, используемые в качестве факторных, могут не иметь причинно-следственной зависимости, например взаимозависимость уровня развития сельского хозяйства и загрязнения воздушного бассейна или взаимозависимость уровня оплаты труда и безработицы [Новикова И.В., Красников Н.И., 2009, с. 134].

События, происходящие в последние два года на Украине, требуют пересмотра стратегии развития целого ряда направлений. В этом контексте арктическое направление приобретает особенное значение. Регион исключительно богат природными ресурсами, через него может пройти новая важная транспортная артерия, связывающая Европу и Азию.

Несмотря на громкие заявления западных политиков о том, что они прекратят закупки российского газа, ни одна страна Евро-

союза так и не предприняла практических шагов в этом направлении. Это связано с тем, что экономика Европы в значительной степени зависит от российского газа и отказаться от него она может только ценой довольно значительных потерь для себя. В то же время и Китай испытывает значительный дефицит газа. В Азии, по прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), спрос на газ до 2035 г. ежегодно будет расти на 4,5% в год, в том числе в Китае – на 7%. Так что добыча газа и его экспорт остаются достаточно прибыльным бизнесом. По мнению же экспертов МЭА, 40–55% мирового потребления газа уже к середине нынешнего века может быть обеспечено за счет разворачивания его добычи в Арктике [Пономарев В. Прорыв в Арктику, 2016]. Согласно данным Геологической службы США, неразведанные запасы традиционных углеводородов в Арктике составляют примерно 90 млрд баррелей нефти, 1,669 трлн куб. футов природного газа и 44 млрд баррелей газового конденсата. Это около 30% общего объема неразведанных запасов природного газа в мире, 13% общего объема неразведанных запасов нефти и 20% мировых запасов газового конденсата. При этом большая часть заполярного газа находится в российской части Арктики. По подсчетам «Газпрома», только на полуострове Ямал и прилегающих к нему акваториях разведанные и предварительно оцененные (категории ABC1 + C2) запасы газа составляют порядка 16 трлн куб. м, перспективные и прогнозные (C3–D3) – около 22 трлн куб. м. К этим объемам следует добавить запасы газового конденсата (ABC1) в 230,7 млн тонн и нефти в 291,8 млн тонн.

Причем Арктика – это одно из немногих мест на планете, которым еще предстоит национальное присвоение, ведь изначально ресурсы Заполярья не были поделены между странами. На арктические зоны претендуют как минимум пять государств: Россия, Норвегия, Дания, Канада и Соединенные Штаты. Все эти страны имеют выход к побережью Северного Ледовитого океана. Национальные претензии могут в будущем подкрепляться разными аргументами, но понятно, что главный из них – практический, т.е. реальная готовность страны активно осваивать Север. [Пономарев В. Освоение Арктики – это не только добыча.., 2015].

Результаты исследования в области обеспечения экономической безопасности регионов показывают необходимость согласования их экономических интересов с общегосударственными. В этих целях следует создавать механизмы по сбалансированию национальных и региональных интересов в системе обеспечения

экономической безопасности. При этом критерии региональной экономической безопасности не должны быть ориентированы только на объемные и стоимостные параметры. Необходимо увязывать процессы, характеризующие экономическое положение региона, с уровнем жизни населения.

Отличительной чертой кризисных ситуаций в Российской Федерации, усиливающей совокупность внутренних угроз, является неравномерность распределения кризисной нагрузки на экономику по регионам. Таким образом, экономическая безопасность региона заключается в последовательном формировании предпосылок для улучшения качества жизни его населения, в противостоянии как внутренним, так и внешним угрозам, а также в обеспечении его социально-экономической и социально-политической стабильности.

Анализ основных элементов, составляющих экономическую безопасность РФ, показывает, что ее пороговые значения во многих случаях превысили минимально допустимые нормы. Угрозы и опасности охватили ведущие отрасли экономики, затронули фундаментальные основы обеспечения жизнедеятельности человека и государства. Необходимо оперативно разработать эффективную стратегию обеспечения экономической безопасности России, включающую комплекс мер по переводу экономики на траекторию быстрого и устойчивого роста на основе опережающего развития нового технологического уклада и полномасштабного использования научно-производственного потенциала. Ключевое значение для достижения этих целей имеет защита прав собственности инвесторов, снижение торговых барьеров, борьба с коррупцией, создание условий для здоровой конкуренции и повышения качества продукции, а также активизация усилий по интеграции в мировую экономику.

Список литературы

1. Абалкин Е.Л. Экономическая безопасность России: Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – М., 1994. – № 12. – С. 4–13.
2. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России // «Вопросы экономики». – М., 1997. – № 5. – С. 3–12.
3. Алтухов А.И. Устойчивое развитие аграрной сферы экономики – основа обеспечения продовольственной безопасности страны // Труды Вольного экономического общества России. – М., 2016. – Т. 197. – С. 254–261.

4. Афонасова М.А. Обострение проблемы экономической безопасности России в условиях геополитического кризиса и санкционного давления западных стран // Экономические науки. – М., 2015. – № 1. – С. 240–243.
5. Баранова Ю.Л. Экономическая безопасность региона. – Режим доступа: www.fa.ru/projects/mknrsa/skireports/II/Колледжи/Баранова%20Ю.Л.docx
6. Буров В.Ю. Теневая деятельность малых и средних предприятий // ЭКО. – 2008. – № 4. – С. 67–74.
7. Буянова М.Э., Дятлов Д.А. Риски финансовой системы региона: Выявление и оценка // Финансы и кредит. – 2008. – № 37 (325). – С. 36–41.
8. Варюха А.О., Сурженко Л.В. Современные угрозы экономической безопасности России // Молодой ученый. – М., 2016. – № 8. – С. 3–5.
9. Волков С.П. Экономическая безопасность и государственная стратегия // Экономика России: Основные направления совершенствования: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Бандурина А.В. и др., 2005. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn05/05.shtml>
10. Волков С.П. Особенности обеспечения экономической безопасности отрасли национальной экономики // Экономика России: основные направления совершенствования: Межвузовский сборник научных трудов, 2005. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn05/05.shtml>
11. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2015. – Т. 196. – С. 86–187.
12. Гордиенко Д.В. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Японии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Вып. 15 (300). – С. 32–48.
13. Еделев А.Л. Стратегическая стабильность и экономическая безопасность субъектов Российской Федерации / Академия экон. безоп. МВД России. – М., 2007. – 116 с.
14. Калинина Н.М. Экономическая безопасность региона: Сущность, угрозы и меры обеспечения // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 10. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-regiona-suschnost-ugrozy-i-mery-obespecheniya>
15. Кравченко Л. Экономические санкции против России: Вызовы и угрозы. – 2014. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/events/ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-vyzovy-i-ugrozy>
16. Ларионов В.А. Экономическая безопасность России в современных условиях развития мировой экономики / World Trade Organization. – 2008. – С. 18–23. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-rossii-v-sovremennyh-usloviyah-razvitiya-mirovoy-ekonomiki>

17. Латыпов В.Ф. Экономическая безопасность Российской Федерации как фактическая основа национальной безопасности // Вестник СПб. ун-та МВД России. – 2012. – Вып. 1, Т. 53. – С. 177–183.
18. Лейва М. Состояние экономики России назвали угрозой в стратегии нацбезопасности. – Режим доступа: <http://sell-off.livejournal.com/10583568.html>
19. Ломовцева А.В., Трофимова Т.В. Сущность экономической безопасности как экономической категории // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 4. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/47089>
20. Мовчан А. Коротко о главном: Российская экономика в XXI веке / Московский Центр Карнеги. – 26.04.2016. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/04/26/ru-pub-63431>
21. Моргунов В.В. Экономическая безопасность России как экономическая категория // Экономические науки. – 2011. – № 10(83). – С. 53–55.
22. Новикова И.В., Красников Н.И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Ростовского гос. университета. Terra Economicus. – 2009. – Вып. 2–3, Т. 7. – С. 132–138.
23. О национальной безопасности России в современном мире / Науч. информ. агентство «Наследие отечества». – 2010. – Режим доступа: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/ribkin/kniga4/article.php?art=14> 2010
24. Орлова А.В. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Современная экономика: проблемы и решения. – 2012. – № 8. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-ekonomiceskaya-bezopasnost>
25. Основы экономической безопасности. (Государство, регион, предприятие, личность) / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: ЗАО «Бизнес-школа “Интел-Синтез”», 1997. – 288 с.
26. Паньков Б. Экономическая безопасность: Мирохозяйственный и внутренний аспект // Внешнеэкономические связи. – 1992. – Вып. 8. – С. 5–18.
27. Петров И. Совбез России назвал главные угрозы для страны // Российская газета. – 19.01.16.
28. Показатели экономической безопасности по методике С. Глазьева. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/86483>
29. Пономарев В. Освоение Арктики – это не только добыча энергоресурсов // Эксперт онлайн. – М., 24.02.15. – Режим доступа: <http://expert.ru/dossier/story/arktika/>
30. Пономарев В. Прорыв в Арктику // «Эксперт». – М., 26.10.16. – № 25 (904) – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/25/proryiv-v-arktiku/>
31. Россия в ВТО: Проблемы, задачи, перспективы: Сборник научных статей / под ред. В.В. Тумалева. – 2012. – Вып. 13. – Режим доступа: <http://www.ibl.ru/konf/061212/>
32. Савин В.Л. Некоторые аспекты экономической безопасности России // Международный бизнес России. – 1995. – № 9. – С. 14–16.

33. Современная Россия. Прогнозы и оценки: Доклад, подготовленный по заданию Национального Совета Безопасности США международным агентством «Statistics Group» / Национальный Совет Безопасности США; Международное агентство «Statistics». – 2012. – Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/fond-linkolna.htm>
34. Стрельцов Д. Япония: Новая политика национальной безопасности / Российский совет по национальным делам (РСНД). – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3078#top-content. 05.02.14.
35. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: Структура, проблемы // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. – 1995. – № 3. – С. 3–9.
36. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2677442895662966#0>
37. Харич Е.А., Мамий С.А. Угрозы экономической безопасности России // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 35–37.
38. Экономическая безопасность: Сущность, факторы, критерии // Econovinfo.ru. – Режим доступа: <http://econovinfo.ru/view-article.php?id=143>
39. Экономическая безопасность России. – 2014. – Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru/index.php?newsid=990&page=cat&type=news>
40. Erev S. Israel's National Security Economy: Defense and Social Challenges / Tel-Aviv Institut for National Security Studies. – 2011. – P. 171–190. – Mode of access: [http://www.inss.org.il/uploadimages/Import/\(FILE\)1316602786.pdf](http://www.inss.org.il/uploadimages/Import/(FILE)1316602786.pdf)
41. The National Security Strategy of the United States of America 2015. – Mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>
42. Zukrowska K. The link between economics, stability and security in transforming economy // Economic developments and reforms in cooperation partner countries. The contribution of the economics colloquium to NATO's economic agenda: an evolution over 30 years / Institute of Development and Strategic Studies. – Warsaw, 2000. – P. 269–283.

И.Г. Минервин
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье исследуется роль инвестиций как фактора экономической безопасности. Рассматривается также влияние инвестиционного процесса на развитие социальной сферы.

Ключевые слова: инвестиции; экономическая безопасность; структура экономики; экономическая политика государства.

**Устойчивость инвестиционного процесса как фактор
экономической безопасности**

Понятие экономической безопасности, как известно, охватывает комплекс аспектов, включающий вопросы экологической, продовольственной, сырьевой, энергетической безопасности. В этот круг естественно включаются и вопросы, связанные с инвестиционной безопасностью, т.е. с рассмотрением факторов, обеспечивающих непрерывность и устойчивость инвестиционных процессов в экономике страны и, следовательно, являющихся источниками ее экономического роста, повышения общественного благосостояния и устранения возможных в случае кризиса проявлений социальной напряженности. Ведь главное условие экономической безопасности состоит в сохранении устойчивости экономики, ее развития, а угроза безопасности – в нарушении этой устойчивости, в условиях, вызывающих экономический кризис и, как следствие, кризис социальный.

Обеспечение экономической безопасности означает создание и развитие комплекса высокотехнологичных и конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках отраслей и производств, полностью и качественно удовлетворяющих инвестиционный и

потребительский спрос в товарах и услугах самой экономики и населения, а также потребности в обороне страны. Очевидно, что одна из основ экономической безопасности страны состоит в устойчивости, стабильности инвестиционного процесса как важнейшего фактора экономического роста и благосостояния. В этом случае сама экономическая безопасность выступает как обеспеченность устойчивого экономического роста, являющегося источником социально-экономического развития и условием решения социально-экономических проблем. Это определяет актуальность включения в рассмотрение столь важного аспекта экономической безопасности, как безопасность, связанная со стабильностью и устойчивостью инвестиционных процессов, накоплением капитала, служащим основой для устойчивого роста экономики, спроса и доходов.

Ясно, что экономическая безопасность не может рассматриваться как стабильное состояние, что она представляет динамичный процесс, обеспечиваемый постоянным присутствием необходимых условий и факторов. Среди таких факторов – адекватная структура экономики, институциональная и прочая инфраструктура, эффективное управление, требуемый научно-технический потенциал и человеческий капитал, а значит, и соответствующее развитие сфер науки, образования и здравоохранения, наконец совместные целенаправленные действия всех звеньев государственного управления в тесном сотрудничестве с частным сектором и гражданским обществом.

Таковы основные задачи, обеспечение которых, в свою очередь, зависит от количества и качества ресурсного наполнения экономики во всей его многогранности. Это позволяет видеть в инвестиционной безопасности важнейший фактор экономической безопасности в целом, а в нарушениях инвестиционного процесса – одну из опаснейших для нее угроз. Следовательно, рассмотрение динамики и структуры хозяйственных инвестиций, причин их ускорения или замедления (циклических, структурных), состояния финансовых систем и рынков, а также социальных и политических препятствий для их устойчивого развития есть необходимый элемент подхода к экономической безопасности в целом.

Если экономическая безопасность определяется как состояние национальной социально-экономической системы, при котором она поступательно развивается, становясь все более устойчивой к воздействию эндогенных и экзогенных факторов, то в качестве угроз экономической безопасности должны рассматриваться фак-

торы, приводящие к ухудшению такого состояния или препятствующие его улучшению, вызывающие тенденции к неустойчивости производства, инвестирования, занятости, а также доходов и потребления населения [Нарышкин С., 2010, с. 16]. Таким образом, устойчивость и эффективность инвестиционного процесса в экономике, или инвестиционная безопасность (обеспеченность), может рассматриваться как важнейшая составляющая экономической безопасности наряду с ресурсной, продовольственной, энергетической, экологической, инфраструктурной и институциональной безопасностью.

Чем выше устойчивость производства, инвестиций и занятости, шире возможности дальнейшего роста экономики, ее модернизации и повышения конкурентоспособности, тем лучше положение страны с точки зрения экономической безопасности. Но это лишь одна сторона инвестиционной составляющей экономической безопасности, другая состоит в инвестиционной эффективности, обеспечении такой структуры инвестиций и опережающего развития соответствующих отраслей, которая обеспечивает подъем эффективности и конкурентоспособности всей экономики, не только количественный рост производства, но его качественный рост за счет роста производительности факторов производства.

Здесь нельзя не упомянуть и давнюю проблему российской (еще советской) экономики – низкую производительность труда, которая имеет несомненную связь с экономической безопасностью. Целый ряд исследований подтверждает, что различия в производительности труда являются основной причиной отставания России от развитых стран по душевому ВВП [Зайцев А.А. Межстрановые различия...]. Проблема не может быть решена без технического перевооружения и роста фондо-, энерго-, а теперь, в сущности также информ- и научовооруженности труда за счет инвестиций в новую, более производительную технику и технологию.

Инвестиционная безопасность органически связана с технологической безопасностью, развитием инновационной экономики. В этой области государством предпринимаются значительные усилия, однако, преимущественно на организационном уровне. Явно недостаточным при этом является финансовое обеспечение, особенно его целевая структура – нужны инвестиции в науку, в технологическое развитие. Еще до кризиса был принят ряд мер по созданию в стране основ экономики инновационного типа: организованы внедренческие особые экономические зоны (ОЭЗ); введено дополнительное налоговое стимулирование инноваций; учреж-

дены новые федеральные финансовые институты инвестиционно-инновационной направленности и пр. Для решения стоящих перед экономикой задач разработана и реализуется государственная инновационная и промышленная политика, получают поддержку фундаментальная и прикладная наука, образование, совершенствуется система государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров. Одновременно развивается государственно-частное партнерство в сфере науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности. Однако, исходя из опыта кризиса 2008–2009 гг., можно утверждать, что этого оказалось недостаточно для радикального изменения облика российской экономики и существенного снижения ее зависимости от внешнеэкономических факторов. Инновационный прорыв в экономике невозможен без высокой инвестиционной активности всех хозяйствующих субъектов [Нарышкин С., 2010, с. 20].

Темпы роста зависят от потоков инвестиций – это общеизвестная истина. Дефицит капитала, удорожание кредита, инвестиционный голод ведут к рецессии. Но дело в том, что на передний план в качестве фактора роста выходят инвестиции в научные исследования и разработки, причем важно обеспечение всего их спектра – от фундаментальных исследований до создания рабочих прототипов, т.е. финансирование инвестиционных процессов. Человеческий капитал является наиболее важным и одновременно наиболее динамичным фактором современного производства, представляя в то же время основное поле международной конкуренции. А инвестиции в человеческий капитал – огромный пласт проблем, но также связанных с инвестиционным процессом и его финансированием.

Экономическая безопасность страны неотделима от состояния социальной сферы, положения в области здоровья нации, а значит, и от поддержания и развития систем здравоохранения и социальной защиты, поскольку обеспечение экономической безопасности во многом зависит и от дееспособности и компетентности людей, возможности решать возникающие перед ними задачи. Без этих условий реализация любых программ развития невозможна. Исследование, проведенное на материале Санкт-Петербурга, указало на тревожное состояние социальной сферы, связанные с ним огромные экономические потери и вытекающую из него необходимость пересмотра приоритетов государственной инвестиционной политики в пользу человеческих ресурсов. Важность изме-

нения целевой структуры инвестиций обусловлена объективными факторами увеличения заболеваемости, ухудшения среды, старения населения [Градов А.П., 2001, с. 73, 76].

Таким образом, с точки зрения устойчивого роста выгодны вложения, как в основной капитал, так и в человека. Тем не менее в принятом Госдумой Федеральном бюджете на 2017 г. и на плановый период 2018–2019 гг. предусмотрено сокращение в реальном выражении расходов на образование, здравоохранение и поддержку экономики. Доля расходов на образование к ВВП грозит приблизиться к показателям Латинской Америки. При этом полномочия по финансированию здравоохранения и образования ложатся, в основном, на регионы. [ВШЭ].

Замедление темпов роста как следствие инвестиционного кризиса

Что же происходит на самом деле, и можно ли считать экономику с неустойчивым инвестиционным процессом и дефицитом инвестиционных ресурсов обеспеченной в плане экономической безопасности? Ответ содержится во многих работах, анализирующих структурные факторы замедления роста российской экономики и, прежде всего, связывающих его с недостаточностью основного капитала и неэффективностью его источника – инвестиционного процесса.

С 2003 г. инвестиции в основной капитал выросли с 16 до 23% ВВП в 2012–2013 гг., но этого оказалось недостаточно для сохранения темпов роста. Этот показатель уступает даже странам с развивающимся рынком (в среднем 32%). В период 2000–2008 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли 6,9%, а после кризиса, в 2009–2013 гг. – 1,0%. Одновременно темпы роста инвестиций в основной капитал за те же периоды составляли, соответственно, 13% и 1%, т.е. упали более чем в 10 раз. После 2013 г. ситуация усугубилась спадом инвестиций. В 2013 г. рост инвестиций составил лишь 0,9%, в 2014 г. инвестиции снизились на 2,0%, в 2015 г. – более чем на 8%, в 2016 г. отношение инвестиций к ВВП может составить 21%, что ниже уровня 2010 г. [Кудрин А., Гурвич Е., с. 5; Орлова Н., Егиев С., с. 71].

Несмотря на рост прибыли, предприятия и организации не спешат инвестировать средства в основной капитал. По итогам 2015 г. прибыль организаций увеличилась по сравнению с 2014 г. на 19,9%, сокращение же инвестиционной активности составило 8,4%.

Похожая ситуация за 9 месяцев 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.: рост прибыли 10,1%, снижение динамики инвестиций в основной капитал – 2,3%. Сохраняющийся низкий уровень инвестирования даже со стороны финансово устойчивых предприятий объясняется значительными рисками в условиях неопределенности [Достоверные прогнозы.., 2016].

Если в конце 90-х годов ХХ в. происходил масштабный отток капитала (в 1999 г. он составил 11% ВВП), то затем расширение внутреннего рынка и повышение привлекательности российской экономики для иностранных инвестиций привели к его существенному притоку (7% ВВП в пиковом 2007 г.). Главным двигателем роста экономики в этот период служил массированный приток в страну ресурсов извне. Но затем чистый приток частного капитала, наблюдавшийся накануне кризиса, сменился его устойчивым оттоком: за 2009–2013 гг. из страны ушло 285 млрд долл. Это означает, что значительная доля национальных сбережений инвестируется в развитых зарубежных странах, несмотря на низкие процентные ставки. Возникли негативные условия, возросла макроэкономическая неопределенность, волатильность валютного курса, что привело к кризису доверия со стороны инвесторов, усиленного падением нефтегазовых доходов как основного источника роста [Кудрин А., Гурвич Е., 2014, с. 5, 9, 12].

С точки зрения общей достаточности инвестиций наиболее важен показатель доли накопления в ВВП. Норма накопления – сводный макроэкономический индикатор, отражающий итоговый баланс действия всех экономических, правовых, институциональных и иных факторов, регулирующих объем и структуру инвестиционной деятельности. По опубликованным оценкам, для стран с переходной экономикой минимальное пороговое значение валовых инвестиций – 25%. В противном случае нарушается нормальный процесс воспроизводства основного капитала как фундамента постоянной модернизации и конкурентоспособности национальной экономики [Нарышкин С., 2010, с. 21].

По данным Всемирного банка, доля инвестиций в мировом ВВП в кризисный 2009 г. упала до 23%, но с 2011 г. – в первую очередь за счет впечатляющих показателей Китая (более 45% в 2009–2014 гг.) – вернулась на уровень 25%. Таким образом, примерно четверть мирового ВВП тратится на обеспечение будущего экономического роста. В развитых странах норма накопления в последние годы стабилизировалась на уровне 20–21% ВВП, а в развивающихся (без учета Китая) – 25–26%. В России, как и в Бразилии,

норма накопления в среднем соответствует уровню развитых стран, но этого недостаточно для модернизации страны [Бюллетень о текущих тенденциях., 2016, с. 17].

Российская экономика до необходимого ей порога инвестиционной интенсивности пока явно не дотягивает. Она также существенно отстает от экономически развитых стран по показателю душевого валового накопления основного капитала. Выход России на траекторию устойчивого роста требует существенно повысить долю инвестиций. Это непростая задача, принимая во внимание, что в новейшей российской истории этот показатель даже в самых благоприятных условиях находился на более низком уровне. За весь период с 2006 по 2015 г. норма накопления не превышала 21,4%, а в 2011–2013 гг. – 19,5% [Медведев Д.А., 2016, с. 16].

Такое состояние, имевшее место как до кризиса 2008 г., так и после него, характеризовалось как недоинвестирование. Между тем именно инвестиции должны стать драйвером экономического роста – более важным, чем рост потребления и экспортный спрос. Отсюда постановка задачи повысить долю инвестиций в российском ВВП к 2020 г. до 22–24%. Это однозначно требует большего внимания к внутренним источникам финансирования, к внутренним сбережениям, к повышению нормы накопления в экономике.

Недостаточность инвестиций выглядит особенно катастрофично на фоне высокой степени изношенности основных фондов. В докризисный период инвестиции в основной капитал внесли свой вклад в экономический рост, хотя во многом отражали повышение инвестиционной активности в нефтегазовом секторе. Однако в целом средний возраст производственных активов мало изменился с начала 2000-х годов.

Согласно расчетам Счетной палаты, только на ликвидацию проблемы износа основных фондов требуется 4 трлн руб. Однако, по словам Т. Голиковой, «сейчас мы финансируем износ», иначе говоря, эти средства нужны только на то, чтобы не ухудшить ситуацию. Только на здравоохранение, соцуслуги и образование нужно 200 млрд руб., чтобы поддержать эффективную работу имеющихся больниц, школ, поликлиник и т.д. При намерении правительства стимулировать рост за счет роста инвестиций утвержденная в бюджете инвестиционная программа в 2014–2015 гг. оказалась весьма скромной, но она не была исполнена. При этом в 2015 г. ее выполнение оказалось самым низким по сравнению с предшествующими годами. Причина видится не только в дефиците средств, но и в системе управления, в отсутствии эффективных решений и

ответственности за их исполнение. Многие инвестпрограммы оказались неисполнеными из-за отсутствия проектно-сметной документации, решений по отводу земли и т.п., всего того, что можно просчитать и подготовить заранее [Достоверные прогнозы.., 2016].

Если суммировать большинство прогнозов (Центрального банка, ВЭБа, Центра развития ВШЭ, Центра стратегических разработок, группы «независимых профессиональных экономистов»), то получим, что после выхода из рецессии, при сложившейся структуре основных фондов и динамике капиталовложений в основной капитал в среднесрочной перспективе, среднегодовые темпы роста ВВП составят от 0 до 1,5%. С 2013 г. инвестиции в основной капитал фактически перестали расти (рост составил всего 0,8%), в 2014 г. уже был спад на 1,5%, в 2015 г. они рухнули на 8,4%. В 2016 г. прогнозируется дальнейшее падение еще на 5,3%, а до 2020 г. – рост в пределах 2,0–4,4%, что не позволит увеличить размер капиталовложений с нынешних 18% ВВП минимум до 25% [Россия на пороге.., 2016]. Это означает, что без перехода к модели роста за счет инвестиций и несырьевого экспорта России предстоят годы относительного застоя. Но главная опасность состоит в технологическом отставании от передовых стран, которое неизбежно будет усиливаться.

Факты говорят о структурном, прежде всего, характере текущего замедления в российской экономике, связанном с серьезными макроэкономическими дисбалансами, которые сопровождаются ограничениями со стороны производства, – с состоянием бизнес-климата, демографическими тенденциями и, конечно, инвестиционным замедлением. Ко всем характеристикам текущего кризиса как структурного и долговременного следует добавить его инвестиционную составляющую. В то же время обращает на себя внимание отсутствие в какой-либо форме национальной инвестиционной стратегии.

Расчеты, произведенные в Институте макроэкономических исследований Минэкономразвития РФ, показывают, что падение темпов роста российской экономики последних лет стало следствием превращения имевшего место ранее недоинвестирования в инвестиционный кризис (так называемую инвестиционную паузу), переживаемый российскими компаниями и государством. Этот кризис негативно сказался на многих видах экономической деятельности, прежде всего на обрабатывающих производствах, выпускающих продукцию инвестиционного назначения. Резкое падение капитальных вложений произошло в 2012 г., что сказалось на

показателях последующих лет. Это объясняется специалистами сокращением крупными нефтегазовыми и инфраструктурными компаниями капитальных вложений в виды деятельности, в которых формируется около 40% всех инвестиций в основной капитал [Замараев Б., Назарова А., Суханов Е., 2014, с. 4, 8, 11].

Огромные ресурсы, полученные в результате бума на сырьевых рынках, принесли рост производства и доходов, улучшили макроэкономические показатели, но ни государственные, ни частные инвестиции не воплотились в модернизацию, рост эффективности экономики. Когда же капитальные ресурсы оказались недостаточны, рост инвестиций в основной капитал фактически прекратился, а динамика ВВП последовала за ним.

Некоторые данные, иллюстрирующие эти положения, представлены в табл. 1 и 2.

Инвестиционный кризис приводит к таким фундаментальным явлениям, как низкие темпы экономического роста, технологическое отставание и неэффективность институциональной среды. Это нагромождение неэффективности, или «инвестиционная близорукость», означает также неэффективность контрактной системы, непрозрачность хозяйственных отношений, низкую степень личной ответственности участников и т.д. Инвестиционная близорукость, как считают И.В. Розмаинский и А.С. Скоробогатов, входит в привычку, становясь особым неформальным институтом, и, таким образом, грозит превратиться в серьезный ограничитель экономического роста [Розмаинский И.В., Скоробогатов А.С., 2006].

Действующий структурный кризис, в отличие от циклического, вызван нарушениями в сложившейся структуре экономики и механизмах ее роста, в данном случае исчерпанием модели, основанной на эксплуатации природных сырьевых и энергетических ресурсов в условиях высокой мировой конъюнктуры на эти ресурсы и поддержания спроса за счет денежно-кредитных механизмов. Однако этот перечень причин представляется недостаточным. Как показывает статистика, возник своего рода порочный круг: снижение доходов вызывает дисбаланс бюджета и дефицит денежных средств, отсюда падение спроса и одновременно нехватка длинных денег в экономике, отягощаемые инфляцией и дороговизной внутреннего кредита, а также блокированием внешнего кредита и доступа к мировым кредитным ресурсам в результате западных санкций. Все это означает торможение инвестиционного процесса и падение производства, ведущее к сокращению доходов. Структурный кризис является, по существу, инвестиционным кризисом.

Таблица 1
Некоторые показатели инвестиционной деятельности

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт*	106,4	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Валовое накопление*	109,5	128,5	121,0	103,1	92,9	92,7	92,3
Инвестиции в основной капитал*	110,2	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	91,6
Ввод в действие основных фондов	11,0	-6,6	29,0	8,7	1,0	-2,7	н. д.
Отношение инвестиций в основной капитал к ВВП (%)	17,4	20,6	19,2	19,5	19,5	20,6	20,7
Прирост числа высоко-производительных рабочих мест	н. д.	н. д.	н. д.	12,7	6,9	4,5	-9,1

* – в % к предыдущему году (в пост. ценах).

Источники: Росстат. – Режим доступа: www.gks.ru; Инвестиции в России 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 190 с. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/invest.pdf

Таблица 2
Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования (в % к итогу)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инвестиции в основной капитал – Всего	100	100	100	100	100	100	100
Собственные средства	44,5	41,0	41,9	44,5	45,2	45,8	50,2
Кредиты банков	8,1	9,0	8,6	8,4	10,0	10,6	8,1
– в том числе иностранных	1,0	2,3	1,8	1,2	1,1	2,6	1,7
Заемные средства других организаций	5,9	6,1	5,8	6,0	6,2	6,4	6,6
Бюджетные средства	20,4	19,5	19,2	17,9	19,0	17,0	18,3
Средства вышестоящих организаций	10,6	17,5	19,0	16,8	136,0	13,1	н. д.
Средства от выпуска корпоративных облигаций	0,3	0,01	0,00	0,04	0,02	0,1	н. д.
Средства от эмиссии акций	3,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,1	н. д.

Источники: Инвестиции в России 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 190 с. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/invest.pdf; Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики: Инвестиции в основной капитал и источники их финансирования / Аналитический центр при правительстве РФ. – 2016. – Вып. 17, сентябрь. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>

Инвестиционная безопасность предполагает не только постоянное регулирование и стимулирование инвестиционных процессов на всех уровнях, но также совершенствование структуры инвестиций, во-первых, в разрезе источников и, во-вторых, в разрезе отраслей, объектов и территорий. Обеспечение инновационной, технологической безопасности предполагает существенную структурную переориентацию инвестиций с сырьевого комплекса на отрасли обрабатывающей промышленности, играющие ведущую роль в технологическом развитии, освоении научно-технических, высокотехнологичных инновационных производств.

Структура инвестиций, источники и механизмы инвестиционного финансирования

Все многообразие путей и средств осуществления и стимулирования инвестиционного процесса в конечном итоге сводится к трем уровням: 1) прямая государственная поддержка, реализуемая через государственную экономическую и промышленную политику – целенаправленные госинвестиции, например, в строительство инфраструктурных, энергетических, транспортных объектов и т.д.; 2) создание условий для инвестиций частного сектора, главным образом, через благоприятный инвестиционный климат, налоговое стимулирование, процентные ставки, защиту прав собственности и снижение неопределенности, что связано с общей социальной, правовой и политической обстановкой в стране; 3) микроэкономические процессы – реинвестирование, конкуренция, выход на рынки, инновации и др. элементы саморегулирования инвестиционных процессов. Роль государства, следовательно, очень велика, оно выступает и как инвестор, и как регулятор инвестиционной деятельности, руководствуясь перспективными интересами безопасности и принятыми целями социально-экономического развития.

За последние десятилетия в структуре инвестиций в основной капитал российских предприятий доминировали, прежде всего, нефтегазовый сектор, а также строительство и транспорт. Доля инвестиций в важнейший инновационный сектор (т.е. машиностроительный комплекс, НИР, образование и здравоохранение), а также сфера потребительского спроса значительно отставала, что в значительной мере объясняется могуществом государственных монополий. Такая инвестиционная структура обуславливает низкие темпы модернизации экономики, способствует воспроизведению существующих отраслевых пропорций и затрудняет выход на тра-

екторию устойчивого роста и не соответствует стратегическим приоритетам экономической политики [Березинская О., Ведев А., 2014, с. 5, 6].

С этой точки зрения вырисовываются два аспекта проблемы. Один из них – расширение государственных инвестиций с перспективой стимулирования спроса и воздействия на оживление промышленного производства через явление мультиликатора. Имеющийся в этой области пример выхода из Великой депрессии на основе кейнсианских рецептов подвергается критике на том основании, что эти рецепты устарели – сейчас не то время и не та структура экономики, не тот технологический этап развития и т.д. Это верно для США, но не совсем верно для России, ситуация в которой гораздо ближе к американской ситуации времен великой депрессии, чем к сегодняшней. Другой аспект, по долговременной значимости более важный, – всемерное стимулирование частных инвестиций с помощью также хорошо известных методов. Главными из них являются фискальные (налогово-бюджетные), монетарные (кредитно-денежные) и институциональные (инвестиционный климат).

С точки зрения источников финансирования инвестиции можно подразделить на государственные вложения, определяемые проводимой государственной политикой (бюджет, внебюджетные фонды, ценовая, тарифная, налоговая политика); собственные ресурсы (реинвестирование); банковские кредиты; фондовый рынок, эмиссия ценных бумаг.

По структуре источников, согласно данным О. Березинской и А. Ведева, ведущее место в сложившейся модели финансирования занимают собственные средства предприятий (примерно 40%), при этом близкие друг другу роли играют прочие источники (примерно по 20%): так называемое централизованное финансирование (т.е. средства головных и вышестоящих организаций), средства бюджета и внебюджетных фондов, привлеченные средства (кредиты, займы и т.п.) [Березинская О., Ведев А., 2014, с. 8, 9]. Среди этих источников самофинансирование играет ведущую роль в отраслях ТЭК, а также в инновационном секторе. Но если в первом случае этот факт вполне отражает состояние финансовых ресурсов крупнейших корпораций, то опора отраслей, наиболее важных с точки зрения инновационности и модернизации экономики, на собственные средства представляется вынужденной и свидетельствует о необходимости существенного перераспределения инвестиционных ресурсов.

Приток ликвидности извне, хотя и является одним из способов удовлетворения внутреннего спроса на ресурсы, порождает вместе с тем комплекс долговых и иных проблем: необходимость обслуживания долга, возможные изменения ценовых условий, риски быстрого оттока средств (если речь идет о «коротких» ресурсах) и т.д. В результате внешнего финансирования ухудшается инвестиционная позиция российских компаний и банков и, как следствие, увеличиваются отрицательные значения инвестиционной позиции страны в целом. Тем не менее пока имелись возможности привлечения внешних ресурсов, проблем с ликвидностью в стране в целом не возникало. Но как только этот канал сузился, российская финансовая система стала испытывать серьезное напряжение. К тому же внешние ресурсы более объемные и нередко более доступные, предоставляются на длительные сроки, а цена их часто низка. Отсюда возникает потребность в создании аналогичных условий на внутреннем рынке, особенно при существующей потребности в финансовых ресурсах. В этой связи подчеркивается роль денежно-кредитных механизмов как в плане минимизации возможных кризисов ликвидности, так и с точки зрения укрепления экономики в целом [Ершов М., 2007, с. 12, 17]

Активы потенциальных институциональных инвесторов – пенсионных фондов, страховых компаний, банков, инвестиционных фондов – не работают, не выполняют такой функции, как это происходит в развитых странах. Причина – неразвитость всей финансовой системы, ее малозначимость с точки зрения потребностей экономики. Опять-таки основная нагрузка ложится на государство – бюджет, государственные банки, корпорации. Этот порочный круг не позволяет выйти на инвестиции, способные дать импульс развитию. Все упирается по-прежнему в развитие всех элементов финансовой системы – как банковского сектора, так и фондового рынка, а также инвестиционный климат.

Самофинансирование

Ресурсы самофинансирования складываются из чистой прибыли предприятий и амортизационных отчислений. Норма самофинансирования – собственных инвестиционных средств к объему средств, необходимых для инвестирования, – остается стабильной на протяжении длительного времени, составляя чуть более 40%. При этом в секторах, испытывающих высокую зависимость ресурсов от мер государственной политики, она существенно ниже. Очевидно, что в условиях текущего кризиса обеспеченность предприятий собственными инвестиционными ресурсами не может

увеличиться. Налоговая нагрузка по различным направлениям, а также уход в теневую экономику могут лишь ухудшить ситуацию.

Усиление инвестиционной активности за счет собственных ресурсов связано, конечно, с соответствующей мотивацией, складывающейся за счет налоговых и других стимулов, с одной стороны, и улучшения общего инвестиционного климата – с другой. Так, в 2015 г. компании получили прибыль в полтора раза больше, чем в 2014 г., при этом они потратили их не на инвестиции, а на выплату дивидендов, т.е. «фактически проели заработанные деньги». В связи с этим предлагается, например, усилить налоговые стимулы инвестирования, повысить налог на прибыль, если она проедается, и в то же время устанавливать льготы, если деньги направляются на развитие бизнеса [В Госдуме...].

Несмотря на некоторые частично благоприятные явления (рост валовой прибыли и амортизационных отчислений), увеличению финансовых ресурсов предприятий противодействует общая стагнация промышленного производства, падение в строительном и машиностроительном комплексах. Кроме того, имеет место замедление роста и снижение реальных доходов населения. Постоянную негативную роль играет фактор низкой в среднем эффективности производства и катастрофически низкий уровень производительности труда, в чем проявляется тяжелое наследие государственной экономики СССР. Согласно некоторым оценкам, экономика СССР демонстрировала в 1960–1989 гг. худшую в мире динамику факторной производительности [Кудрин А., Гурвич Е., 2014, с. 22].

Согласно обследованию, проведенному НИУ ВШЭ, доля организаций, считающих одним из важных результатов инновационной деятельности снижение затрат на оплату труда, оказалась незначительной. Характерно также, что если в других странах финансовый кризис заставил предприятия резко активизировать усилия по сокращению издержек, то российские предприятия почти не изменили своего подхода к этой проблеме. Стимулы и интерес к инновациям заторможены на низком уровне: удельный вес организаций, проводивших технологические инновации, в промышленности составлял в 2000 г. – 10,6%, в 2008 г. – 9,6, в 2012 г. – 9,9% [Кудрин А., Гурвич Е., 2014, с. 14].

Большое стимулирующее воздействие на реинвестирование и распределение прибыли оказывает налоговая система. Правительством планируется принятие нового налогового законодательства в 2018 г. Ранее Министерство финансов заявляло, что в России непропорционально высокая нагрузка на фонд оплаты труда и что

из-за этого зарплаты уходят «в тень». Минфин планирует выработать предложения по «оптимальному соотношению прямой и косвенной нагрузки на бизнес», чтобы прямая нагрузка (главным образом в виде отчислений с зарплат в социальные фонды) снижалась. Речь идет о снижении страховых взносов и одновременном повышении НДС. Помимо такого маневра, обсуждается возможность введения прогрессивной шкалы НДФЛ. Предложения относительно введения прогрессивной шкалы готовятся к 2018 г., но одновременно официально заявлено, что сейчас прогрессивное налогообложение вводить невозможно. Минфин опасается, что это лишь спровоцирует увод доходов в тень [Шувалов анонсировал изменения...].

Участие частного сектора в инвестициях в основной капитал в целом составляет порядка 60% и демонстрирует тенденцию к росту. [Орлова Н., Егиеv C., 2015, с. 83]. Целесообразно было бы дифференцировать этот показатель, уточнив роль мелких, средних и крупных компаний. Государство может отслеживать положение и роль частного сектора в инвестиционном процессе, его долю в общем объеме инвестиций и стимулировать ее расширение.

По мнению финансовых властей, определяющих эту политику, необходимым условием для восстановления инвестиционной активности в частном секторе является предсказуемость и стабильность условий ведения бизнеса. Через постепенное снижение доли госрасходов в процентах от ВВП и дефицита бюджета в ближайшие годы планируется создать условия для роста частного спроса, что будет означать более высокий, здоровый и устойчивый рост экономики [Силуанов: Конструкция бюджета...].

Банки и кредит

Роль банковской системы в качестве источника финансирования инвестиций долгое время оставалась неизменной, за исключением стагнации кредита после кризиса 2008 г. Однако эта роль незначительна: примерно около 20% прироста банковских кредитов направляются на финансирование инвестиционных проектов. Доля долгосрочных (более 3 лет) кредитов выросла, но это не привело к росту инвестиционной активности предприятий. В настоящее время доля кредитных ресурсов в инвестициях составляет менее 10%, что значительно ниже, чем даже в развивающихся странах, где эта величина составляет около 30% [Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О., 2016, с. 48]. Кредитную сферу в России характеризуют и такие данные: отношение объема кредитов к ВВП

в России составляет примерно 30%, тогда как в США и Японии – соответственно 40 и 65% [Ершов М., 2007, с. 18].

В качестве причин такого положения выделяются:

- высокая стоимость кредита;
- активное использование кредитных ресурсов для проведения финансовых операций и кредитования текущей производственной деятельности;
- недостаточное развитие банковской сферы, означающее ограниченность ресурсов длинных денег и конкуренция в этой сфере между заемщиками;
- активное обращение к кредитам иностранных банков и ликвидация этого источника после введения санкций, блокирующих доступ российских предприятий к внешним финансовым ресурсам.

Банки испытывают известные трудности в доступности внешних источников фондирования операций, они манипулируют доходностью депозитов, стремясь увеличить объем привлеченных средств и удержать вкладчиков. Общий уровень процентных ставок в российской экономике, особенно в сравнении с другими странами, остается высоким. Аналитики отмечают, что величину процентных ставок по кредитам в значительной мере определяют высокие кредитные риски. Премия за риск, закладываемая кредитными организациями в процентную ставку, формируется с учетом не только уровня инфляции, но и такого фундаментального фактора, как проблема залогового обеспечения. В результате предложение заемных ресурсов остается ограниченным. Его рост сдерживается также мерами надзорного регулирования и требованиями к достаточности капитала. Потребительский кредит может восстановить свое значение при условии снижения процентных ставок, благодаря чему рост кредитов может превысить рост процентных выплат, создав заинтересованность банков. Таким образом, на фоне сокращения притока внешнего и зарубежного фондирования плохо работает механизм трансформации внутренних сбережений в инвестиции. Вместе с тем собственники капиталов, используя банковскую и финансовую системы, выводят средства в иностранные активы, зарабатывая на спекулятивных операциях [Замараев Б., Назарова А., Суханов Е., 2014, с. 28, 30, 42].

Характеризуя состояние российской банковской системы, Г. Греф и К. Юдаева обращают внимание на ее недостатки и на объективные трудности, сопряженные с внутренним и внешним финансовыми кризисами. Как показывает опыт других стран, при нынешних темпах падения ВВП и промышленного производства

сохранить, а тем более увеличить кредитный портфель банковского сектора невозможно, какими бы административными рычагами государство ни располагало. Состояние заемщиков, отражающееся на проблемах, испытываемых банками, показывают данные исследования, в ходе которого предприятиям задавался вопрос, способны ли они выполнять обязательства перед банками по взятым ранее кредитам. Положительно ответили в различных отраслях от 26 до 85%. Без сильного и конкурентного банковского сектора страна будет жить от кризиса к кризису, от преодоления последствий старых пузырей к формированию новых. Поэтому от политики в отношении банковского сектора зависит будущее страны на много лет вперед [Греф Г., Юдаева К., 2009, с. 12].

Необходимы санация и консолидация банковского сектора, увеличение количества мощных, крупных банковских структур, способных эффективно обеспечивать экономику кредитными ресурсами и конкурировать друг с другом за привлечение клиентуры. Следует заметить, что в последние годы Банк России целенаправленно проводит такую политику.

Фондовый рынок

Сегодня роль финансовых рынков в экономике ведущих стран существенно возросла, их объем значительно превышает объемы ВВП (так, в США он составляет не менее 400% ВВП.) В то же время в этих странах рынок акций как источник финансовых средств занимает более значимое место, чем кредитные ресурсы.

Российский фондовый рынок значительно моложе аналогичных институций в западных странах и гораздо менее развит по сравнению с ними. По своим характеристикам он очень близок к рынкам развивающихся стран, и, хотя на него существенно влияют мировые тенденции, локальные факторы преобладают. Отмечается, что поведение российского рынка акций, как и финансовой системы в целом, отражает изменения, произошедшие в стране за последний период. Структурные сдвиги в реальном секторе, смена монетарной и валютной политики, интеграция России в мировую экономику, политические факторы влияли на рынок и его параметры, важные для инвесторов (Сверчков Р., Сонин К., 2014, с. 18).

Роль российского фондового рынка в финансировании хозяйства не только не возрастает, но снижается. Его и без того низкая по сравнению с зарубежными аналогами капитализация сократилась в 2013 г. по сравнению с 2010 г. на 40%. Из-за крайне низкой эффективности инвестирования в акции российских предприятий снизился ключевой фондовый индекс России (MSCI Russia), на

который ориентируются инвестиционные фонды. Снижение доходности акций вызвано устойчивым сокращением притока экспортных доходов и страховой премии для иностранных инвесторов вследствие имевшего место ослабления рубля [Замараев Б., Назарова А., Суханов Е., 2014, с. 15, 17, 20].

Пока российский фондовый рынок слабо связан с реальной экономикой и, по сути, формируется семью-восемью крупными, преимущественно сырьевыми, эмитентами, чье положение на фондовом рынке не отражает их роли в экономике. Красноречивые данные, доказывающие необходимость диверсификации инструментов на фондовом рынке и расширения возможности перетока средств между секторами приводит М. Ершов. Согласно его расчетам, совокупная доля энергетического, нефтегазового, металлургического и банковского секторов в торговле акциями на ММВБ составляет 96%, тогда как доля тех же секторов в ВВП – всего 37% (данные на 2006–2007 гг.). В свою очередь, диверсификация на фондовом рынке должна отражать меры по диверсификации экономики в целом и формированию более сфокусированных подходов в структурной политике [Ершов М., 2007, с. 21–23].

Высокая концентрация небольшой группы акций, характерная для российского рынка, делает его менее устойчивым по сравнению с рынками развитых стран. Более того, роль компаний или отраслей на рынке не соответствует их значению в экономике и их доле в ВВП, что актуализирует вопрос о том, насколько эффективен отечественный фондовый рынок с точки зрения обеспечения необходимого перераспределения ресурсов и отражения рыночных тенденций в экономике в целом [Ершов М., 2007, с. 22].

Таким образом, эффективность российского фондового рынка, понимаемая не как реакция на внешние воздействия, трансформируемая в предсказуемость поведения участников и курсовой динамики (спекулятивная эффективность), а как способность аккумулировать заемные инвестиционные ресурсы (инвестиционная эффективность), следует признать все еще далеко не достаточной. Необходимы диверсификация фондового рынка, превращение его в эффективный инструмент перераспределения ресурсов, его большая интеграция в реальную экономику.

Государство – инвестор и регулятор

Государство занимает видное место на инвестиционном рынке. В «тучные» годы был принят ряд институциональных решений, призванных повысить его роль в этом процессе, усилить функцию распределения капитальных ресурсов. Поддержка роста

проводилась преимущественно за счет создания госкорпораций и различных институтов развития. Были созданы финансовые фонды для обеспечения подушки безопасности, Инвестиционный фонд для финансирования крупных проектов, Российская венчурная компания, расширились функции Российского банка развития.

Государство финансирует около 20% объема капитальных вложений (без субъектов малого предпринимательства). Но и здесь наблюдается спад. Например, в 2013 г. бюджетные ассигнования на реализацию Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) сократились на 10,3%. Инвестиции в виды деятельности, в которых преобладает государство, сокращались быстрее всего, и спад капитальных вложений был наиболее глубоким. В сфере «Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование» инвестиции в основной капитал сократились на 19,2%, в отрасли «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» – на 17% [Замараев Б., Назарова А., Суханов Е., 2014, с. 9].

Государство осуществляет вложения в крупные проекты, значительная часть которых носит, однако, своеобразный характер: стадионы, мосты, космодром. По-прежнему огромные средства поглощаются ВПК, эти же статьи расходов характеризуются наибольшими темпами роста. Оборонные расходы отличаются специфическим характером и отсутствием мощного воздействия на экономику в виде мультипликационного эффекта, а радикальные инновации рождаются теперь преимущественно в гражданском секторе.

Важен не только отраслевой разрез инвестиций, но и их структура с точки зрения формы собственности реципиентов. Этот аспект так же важен с точки зрения эффективности капитальных вложений, как и первый.

Куда идут государственные фонды? – прежде всего экономическим субъектам с государственным статусом и государственным участием, которые, таким образом, оказываются обладателями значительных преимуществ при, как правило, недостаточной эффективности. Так, на докапитализацию государственных банков только в период кризиса 2008–2009 гг. было потрачено порядка 1,2 трлн руб., или 3% российского ВВП [Орлова Н., Егиев С., 2015, с. 78].

Как справедливо отмечают Н. Орлова и С. Егиев, государственную поддержку госкомпаниям следует предоставлять не безвозмездно, а как минимум по ставкам инструментов долгового финансирования. Низкая стоимость государственной поддержки или ее безвозмездное предоставление снижает уровень альтерна-

тивных издержек и приводит к неэффективному расходованию финансовых ресурсов. Кроме того, к неэффективному их использованию приводит само доминирование госкомпаний в инвестиционном процессе, и это недопустимо в экономике, страдающей от ограничений по источникам роста. Необходимо поэтому усиливать поддержку частного бизнеса, именно частные компании призваны обеспечить инвестиционный рост [Орлова Н., Егиев С., 2015, с. 82].

Эффективным инструментом, упрощающим получение кредитов для бизнеса, являются государственные гарантии по займам. Для банков государственное поручительство – первоклассная гарантия, для бизнеса – доступ к столь необходимым источникам инвестиционных ресурсов. Кредиты в рублях под гарантии государства могут предоставлять российские банки или Внешэкономбанк. Здесь не обошлось без отраслевых ограничений. Согласно планам Минэкономразвития, речь идет о компаниях, намеренных инвестировать в социальные, агропромышленные, энергосберегающие, коммунальные и транспортные проекты. Государство готово ручаться за бизнес в объеме до 100% займа, но не более 50% стоимости инвестиционного проекта.

План по выдаче госгарантий никогда не выполняется на 100%. Так, в 2015 г. были предоставлены гарантии на 208 млрд руб. (лишь 37% от плана), в 2014 г. – 533 млрд руб. (77%). В среднем за последние пять лет исполнение программы госгарантий составило 60%. Кроме того, госгарантии – это долг, который с малой вероятностью превращается в реальные расходы. Вместе с тем при их планировании следует учитывать, что такие операции представляют финансирование за счет внутреннего долга. У России очень низкий по мировым меркам уровень госдолга к ВВП: на конец 2015 г. внутренний госдолг России составлял чуть более 7,44 трлн руб., или 9% от ВВП. На госгарантии пришлось почти 24% внутреннего долга. Однако правительство относится к его увеличению с осторожностью из-за отсутствия роста ВВП. Так, Министерство финансов опасается, что госзаимствования, в условиях нынешнего бюджета, сопряжены с риском раскручивания долговой спирали. Тем не менее до конца 2016 г. планируется выдать предприятиям рекордный объем гарантий по займам на сумму почти 1,5 трлн руб. В этом случае внутренний долг превысит 10% ВВП. В связи с этим верхний предел внутреннего госдолга на 1 января 2017 г. предложено увеличить сразу на 1 трлн руб. – до 9,87 трлн руб. (почти 12% ВВП) [Минфин нарастит внутренний долг...].

Весьма интересен спорный вопрос о «количественном смягчении», т.е. ослаблении ограничений в отношении дополнительных денежных эмиссий. Известно, что США успешно поддерживали экономическую активность в течение длительного периода (только в 2014 г. он закончился) с помощью печатного станка. Однако чтобы последовать этому примеру, нужно соблюдение целого ряда условий (помимо самих масштабов экономики). В последнее время ряд экономистов, причем разных направлений (Глазьев, Ершов, Ясин), высказали мнение о допустимости и даже необходимости увеличения денежной массы за счет эмиссии. Действительно, monetизация экономики явно недостаточна. Для США сложилась особенно благоприятная мировая валютная конъюнктура. Однако эта ситуация все же представляется как исключительная. Кроме того, для России важным обстоятельством является относительная неразвитость всей финансовой системы, в рамках которой в более развитых системах действуют и другие разнообразные платежные средства, кроме денег, наполняющие денежные агрегаты (государственные бумаги, кредитные деньги, векселя, акции, облигации, даже муниципальные деньги и т.п.). В течение довольно длительного периода времени эмиссия в ведущих ПРС осуществлялась под «длинные» инструменты, на которые приходилось не менее 50–80% всей денежной базы. Это позволяло этим странам сформировать более устойчивую долгосрочную основу финансовых ресурсов. России, как и другим странам, важно использовать механизмы целевого формирования финансовых потоков на основе внутренних источников и направления их на первоочередные бюджетные и иные приоритеты [Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О., 2016, с. 45, 46].

Центральный Банк, отвечая на вопрос о достаточности ликвидности в экономике страны, строго придерживается своей функции, заявляя, что ликвидности предоставляется столько, сколько нужно для удержания ставок денежного рынка на целевом уровне. Если же происходит изъятие ликвидности по той или иной причине, то ЦБ должен реагировать на ситуацию, расширяя свои инструменты [Юдаева К., 2014, с. 9].

Резервные фонды

Создание Стабилизационного фонда в 2004 г. (впоследствии разделенного на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, ФНБ) пошло по пути вложения средств в иностранные ценные бумаги под небольшие проценты, вместо того чтобы направить ресурсы, полученные за счет высоких сырьевых цен, на развитие

несырьевых, прежде всего технологически передовых секторов. Средства, загнанные в фонды, с самого начала по самой идее были обречены на проедание. И неважно, когда это должно было случиться, важно, что они никак не связывались с инвестициями и инвестиционным стимулированием роста. Это оказалось, как и следовало ожидать, подушкой безопасности не для экономики, переживающей кризис, а для крупных банков, концернов и естественных монополий, близких к власти, для правящей элиты и госмонополий. Факты говорят о прямой поддержке, прежде всего банков, испытывающих дефицит капитализации.

Аргументом в пользу такого решения было то, что вкладывать в основной капитал, в новое строительство опасно, так как деньги могут быть разворованы. Серьезный аргумент, а деньги все равно были разворованы. Инвестирование этих средств в экономику страны могло бы с самого начала способствовать диверсификации и модернизации экономики, расширению инновационного и экспортного потенциала.

По данным Минфина в 2016 г. совокупный объем Резервного фонда составлял 3 трлн 640,57 млрд руб., за 2016 г. он сократился почти в четыре раза – до 972,1 млрд руб., а ФНБ – на 17%, до 4,36 трлн руб. В декабре 2016 г. часть средств Резервного фонда в иностранной валюте была реализована за 966,13 млрд руб., а вырученные средства зачислены на единый счет федерального бюджета [Резервный фонд., 2016].

Большая часть финансового обеспечения проектов, предусмотренных в принятом бюджете на 2017–2019 гг., будет взята из 100-миллиардного резерва, выделенного под антикризисные мероприятия. По расчетам бюджета, в 2017 г. Резервный фонд будет исчерпан полностью и правительство перейдет к использованию средств ФНБ, который создавался не для восполнения бюджетных дефицитов, а для иных, социальных целей. В результате ФНБ также будет существенно исчерпан. Вместе с тем планируется, что к резервным деньгам прибегать для финансирования бюджетных расходов будут меньше: если в 2017 г. эта сумма составит 1,8 трлн руб., то в 2019 г. – 140 млрд руб. [Достоверные прогнозы., 2016]. Можно также отметить, что бюджет на 2017–2019 гг. рассчитан, исходя из среднегодовой цены на нефть в 41 долл. за баррель. При сохранении цены на уровне порядка 50 долл. удовольствие от проедания запасов будет несколько продлено. При таких благоприятных условиях Минфин обещает не тратить средства Резервных фондов, а дополнительные нефтегазовые доходы направлять в бюджет.

Никакие финансовые резервы, созданные в благоприятные периоды, не могут обеспечивать длительное стабильное развитие экономики, это возможно только на базе постоянного устойчивого притока финансовых инвестиционных ресурсов из всех возможных источников, но прежде всего, за счет развития самого производства, роста накопления за счет роста ВВП.

Инвестиционный климат

Как неоднократно отмечалось, инвестиционная активность требует как улучшения предпринимательского климата, так и повышения качества государственного управления. Обе эти важнейшие задачи тесно взаимосвязаны. Функция государства – заботиться об условиях, благоприятных для инвестиционных решений, для превращения сбережений в инвестиции, о минимизации рисков, тормозящих предпринимательство.

Понятие инвестиционного климата отражает различные – экономические, политические, социальные, правовые – аспекты хозяйствования, выгодные (или невыгодные) по различным параметрам с точки зрения привлечения потенциальных инвесторов. Не секрет, что неблагоприятное состояние инвестиционного климата в России выражается в низком качестве институциональной среды, отсутствии защиты прав собственности, несовершенстве правовой и судебной систем, административных барьерах и т.д. Согласно данным, опубликованным Всемирным экономическим форумом, по защищенности прав собственности Россия занимает 120-е место среди 144 оцениваемых стран, а это значит, что легкость захвата чужой собственности снижает стимулы для инвестиций [Кудрин А., Гурвич Е., 2014, с. 27].

Ситуация вокруг инвестиционного климата – это, по словам Д.А. Медведева, одна из самых трудных тем, которыми занимается Правительство. Задач в этой области много, в первую очередь необходимо, чтобы бизнес, предприниматели могли спокойно работать, комфортно ощущать себя в условиях российской экономики и действующих правил регулирования [Совещание.., 2016]. Работу в этом направлении с 2012 г. ведет Агентство стратегических инициатив, с ним будет связана и деятельность нового Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

Эти вопросы обсуждались на Совещании по улучшению инвестиционного климата (июль 2016 г.), проведенном Правительством РФ. Был проведен также ряд региональных совещаний по

вопросам улучшения инвестиционного и делового климата. Отмечалась необходимость отработки взаимодействия между различными федеральными структурами, которые не проявляли достаточной гибкости, и деловым сообществом. С этой целью принимается огромное число нормативных актов, которые далеко не всегда действуют в нужном направлении. Вместе с тем обращает на себя внимание узкий состав участников совещания и тематика обсуждения, ограниченная частными вопросами. Вопрос о деловом климате во многом сводился к обсуждению совершенствования государственного контроля в рамках процедур экспорта и импорта, предоставления государственных услуг с использованием электронной подписи, а также оптимизации подключения к газораспределительным сетям.

Одним из ключевых показателей инвестиционного климата считается рейтинг Doing Business, который составляется каждый год Всемирным банком [Рейтинг Doing business., 2016]. За последние годы здесь наметился некоторый успех, хотя Россия по-прежнему отстает в рейтинге почти от всех экономически развитых стран мира. К тому же улучшить свои показатели по инвестиционной привлекательности России во многом удалось за счет изменений методологии исследования Doing Business. Само Правительство РФ расценивает ситуацию как неприемлемую.

В 2012 г. впервые за восемь лет наблюдений страна улучшила свои позиции и заняла 120 место среди 183 стран. В целом Россия улучшила условия ведения бизнеса по 9 из 10 показателей, рассматриваемых в исследовании, и находится в числе 25 ведущих стран мира, улучшивших условия регулирования бизнеса. В этом году были упрощены некоторые процедуры, в частности, исполнения контрактов, благодаря новой электронной системе подачи документов в арбитражные суды, передачи прав собственности на недвижимость, сокращено число документов, необходимых для проведения операций по импорту. Наибольшее отставание тогда проявилось по показателям легкости ведения международной торговли (160 место), простоты получения разрешений на строительство (178-е место) и простоты подключения к системе электроснабжения (последнее 183 место).

В 2013 г. РФ улучшила условия ведения бизнеса по 9 из 10 показателей, рассматриваемых в исследовании, и поднялась со 120 на 112 место в рейтинге. В 2014 г. Россия поднялась сразу на 20 позиций, заняв в рейтинге 92-е место. Россия впервые вошла в первую сотню рейтинга, опередив страны БРИК – Китай (96-е

место), Бразилию (116-е) и Индию (134-е). Более того, Всемирный банк назвал Россию одним из трех государств, наиболее активно продвинувшихся в 2014 г. по пути реформ, направленных на улучшение предпринимательского климата.

В 2015 г. РФ улучшила свои позиции сразу на 30 пунктов и поднялась в рейтинге с 92 на 62 место. В 2016 г. позиции страны улучшились на 11 пунктов, страна поднялась с 62 на 51 место в рейтинге. В целом Россия улучшила условия ведения бизнеса по пяти из 10 показателей, рассматриваемых в исследовании, при этом эксперты отмечают, что только 12 из 189 стран провели больше четырех реформ, а в России за год было проведено пять реформ, делающих ведение бизнеса в стране более комфортным. Из всех критериев, по которым оцениваются экономики, в России лучше всего обстоят дела с обеспечением исполнения контрактов, показателем, отражающим эффективность принудительных мер по соблюдению условий договоров. Самым слабым местом России в рейтинге Doing Business остается международная торговля, что неудивительно в свете политических факторов (см. табл.).

Таблица
**Изменение позиции РФ в рейтинге Doing Business
за 2015–2016 гг.**

Индикаторы, входящие в итоговую оценку	2015	2016
Открытие бизнеса	34	41
Разрешение на строительство	156	119
Подключение к электросетям	143	29
Регистрация прав собственности	12	8
Защита интересов миноритарных акционеров	100	66
Уровень налогообложения	49	47
Ведение международной торговли	155	170
Обеспечение исполнения контрактов	14	5
Доступ к кредитам	61	42
Простота ликвидации предприятий	65	51

Источник: Рейтинг Doing business 2016. – Режим доступа: <http://finansopedia.ru/biznes/reiting-doing-business>

Эксперты отмечают ограниченность методологии и целей исследования Всемирного банка, как и любого рейтинга вообще. Так, рейтинг Doing Business отражает только некоторые аспекты инвестиционного климата применительно к малому и среднему бизнесу. Крупный бизнес фактически не охватывается, поскольку

руководствуется иными критериями инвестиционных решений: крупные инвесторы приходят в страну не только по экономическим причинам, но и по политическим, договариваются с властями на определенных, эксклюзивных условиях и так далее. Кроме того, Doing Business – всего лишь экспертная оценка стоимости и продолжительности бюрократических процедур, которые надо пройти предпринимателю для открытия нового бизнеса в одном или двух крупнейших городах страны. Рейтинг опирается только на открытые данные и не учитывает всевозможные обстоятельства. Таким образом, подобные исследования не отражают того, что на самом деле происходит в том или ином государстве, потому что все индикаторы и параметры оценки являются формальными [Рейтинг Doing business., 2016].

Одно лишь перечисление проблем, с которыми сталкивается бизнес, свидетельствует о масштабности и широте задач в области улучшения инвестиционного и делового климата. К этим проблемам, прежде всего, относятся: сложность открытия и ведения собственного бизнеса; недостатки правового регулирования, в том числе в области защиты прав собственности и гарантирования безопасности прибыли, соблюдения контрактных отношений; частые изменения инвестиционного и налогового законодательства; незрелость банковской системы и рынка ценных бумаг как источников финансовых ресурсов; недостаточность инфраструктуры и связанные с этим трудности приобретения сырья и материалов, организации снабжения; высокий уровень коррупции; отсутствие достоверной и своевременной информации.

Россия продолжает проводить реформы в различных областях нормативно-правового регулирования предпринимательства, что постоянно отмечается в ежегодных докладах Всемирного банка. Упрощены процедуры в строительстве, регистрации прав собственности, подключении к энергосетям, налоговом и таможенном администрировании. В мае 2012 г. Президент В.В. Путин подписал указ «О долгосрочной государственной экономической политике», в котором говорилось о необходимости принятия мер, направленных на повышение позиции России в рейтинге до 50 места в 2015 г. и до 20 в 2018 г. В 2015 г. в России было реализовано две инициативы, способствовавших улучшению условий ведения бизнеса. Во-первых, была упрощена процедура создания предприятия путем отмены требований об оплате уставного капитала до регистрации компании и об уведомлении налоговых органов об открытии банковского счета. Во-вторых, была упрощена процедура пере-

дачи собственности путем отмены обязательного нотариального оформления и сокращения времени регистрации. Это позволило улучшить позиции страны по показателям «Регистрация бизнеса» и «Регистрация собственности». Также Россия переместилась вверх в категории «Получение разрешений на строительство». По некоторым позициям ее позиции ухудшились, главным образом из-за более значительного прогресса других стран.

Вместе с тем осуществимость планов по улучшению условий ведения бизнеса вызывает сомнения экспертов. С этой точки зрения рейтинг Doing Business выполняет информативную функцию, указывает на слабые места, требующие внимания. Однако обсуждение вопроса в правительственные кругах говорит больше о стремлении угнаться за показателями рейтинга, чем о создании реального комфортного инвестиционного климата в стране. Главное – устраниТЬ все препятствия и создать стимулы и условия для успешной работы предпринимателей. Для России это в первую очередь означает реформы в области правоприменения, судебной системы, создание действенной защиты прав собственности.

Перспективы совершенствования инвестиционной модели

Суммируя проблемы инвестиционной безопасности в России, можно сказать, что на фоне острой потребности в модернизации производства и выходе из рецессии рост и обновление основного капитала тормозятся целым рядом финансовых и институциональных ограничений. Инвестиционные ресурсы недостаточны из-за высокой стоимости кредита, слабости банковского сектора и фондового рынка, блокирования доступа к внешним источникам в результате введения санкций, а также ослабления стимулов к реинвестированию корпоративных прибылей и неэффективной структуры государственной поддержки.

Два важнейших источника инвестиционных ресурсов – это два направления развития финансовой сферы современной экономики, воплощаемые в зрелости фондового рынка, с одной стороны, и банковского сектора – с другой. Есть развитые в экономическом отношении страны, где развиты оба источника либо преобладает один из них. Что касается России, то здесь и тот и другой еще не получили должного развития. Масштабы фондового рынка находятся в зачаточном состоянии, а корпорации явно недооцениваются. Банковский сектор также слабо развит и неэффективен с точки

зрения выполнения своей главной функции – трансформации сбережений в инвестиции.

В целом для предприятий реального сектора вся совокупность инвестиционных ресурсов из всех источников оказывается недостаточной за исключением некоторых крупнейших монополий, преимущественно в сырьевом, энергетическом и транспортном секторах, находящихся в привилегированном положении благодаря своим масштабам и близости к государственным структурам. Таким образом, с учетом кризисных явлений в экономике России следование сложившейся модели инвестиционного процесса не только не перспективно, но представляет реальную угрозу инвестиционной, а значит, и экономической безопасности страны.

Среди мнений специалистов о путях выхода из экономического застоя особого внимания заслуживает позиция, утверждающая в качестве первоочередной меры преодоление инвестиционного кризиса. Это определяется самими причинами замедления российской экономики, которое вызвано главным образом резким замедлением инвестиционного процесса (инвестиционной паузой), выраженным в сокращении капитальных вложений крупных компаний и государства. Завершение масштабных инвестиционных программ обусловило снижение финансовых ресурсов также и у других – средних и малых – предприятий, включенных в межотраслевые и технологические цепочки инвестиционного процесса. Все это сдерживало и ограничивало хозяйственную деятельность и внутренний спрос, тормозило общеэкономический рост [Замараев Б., Назарова А., Суханов Е., 2014, с. 42].

Актуальность активизации инвестиций связана с необходимостью обновления технологий и структурной перестройки российской экономики в условиях перехода к новой модели роста и новому технологическому укладу. Эта актуальность усиливается также с учетом динамики циклического развития и необходимости технологического обновления в рамках длинных циклов. Согласно мнению экспертов, именно накопление капитала (и не только физического) создает основу современных высокотехнологичных хозяйственных систем, а инвестиционный процесс, его масштабы, темпы и перспективы оказывают формирующее влияние и на бизнес-цикл. Важность этих процессов повышается в условиях растущих мировых финансовых рисков [Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О., 2016, с. 42, 43].

Среди мер, способных решить проблему активизации инновационных процессов в российской экономике, – снижение инфляции,

тарифная политика применительно к естественным монополиям, целенаправленная государственная поддержка инвестиционных программ по важнейшим направлениям, снижение административных барьеров, улучшение инвестиционного и бизнес-климата в целом. Преодоление структурного кризиса требует структурных реформ, реализации сложного комплекса мер. Одно из первоочередных направлений – совершенствование законодательства, для чего необходимо, прежде всего, наведение порядка и ответственности в сфере законодательной деятельности.

Некоторые практические меры реализуются, в частности, в законах о промышленной политике, о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, принятом в 2015 г. Среди таких мер – введение режима специального инвестиционного контракта, который гарантирует предсказуемость условий реализации инвестиций в течение 10 лет, создание Фонда развития промышленности (ФРП), другие формы финансовой поддержки растущих фирм, включая предоставление субсидий и государственных гарантий, софинансирование исследований и разработок, меры стимулирования спроса (в том числе через госзакупки) [Медведев Д.А., 2016, с. 20]. В правительственные программах ставится задача формирования такой системы оценки финансовых решений и принимающих их чиновников, которая учитывала бы конкретные результаты в области стимулирования инвестиционной и деловой активности.

Новая модель роста, опирающаяся на внутренние источники инвестиционной активности, нуждается в комфортных экономических и институциональных условиях, в благоприятной предпринимательской среде, стимулирующем инвестиционном климате. Россия, как и многие другие страны, решающие проблемы ускорения роста, стоит перед необходимостью структурных реформ с целью снижения рисков и неопределенности и создания условий, стимулирующих инвестиции. Недоинвестирование часто списывают на фактор неопределенности, который в разных странах проявляется по-разному, но для России он заключается, прежде всего, в недостатках предпринимательского климата, слабой защите прав собственности, нестабильности «правил игры», непредсказуемости экономической политики и т.п. Неслучайно улучшение делового климата, стимулирование инвестиционной активности формулируется в правительственные кругах как одна из ключевых задач системы госуправления.

В то же время точка зрения, согласно которой проблемы экономического развития могут быть решены преимущественно за

счет государственных средств, подвергается обоснованной критике. Приоритет государства – безопасность, инвестиции в человека, помочь наиболее уязвимым слоям населения, инфраструктура. Соответственно этому должна меняться и структура бюджета России [Медведев Д.А., 2016, с. 29]. Эффективная модель экономического роста предполагает, прежде всего, увеличивающиеся частные инвестиции благодаря созданию благоприятного делового климата, поощрению предпринимательской инициативы. На первое место по значимости выдвигаются внутренние частные инвестиции, а значит, и меры, способствующие стимулированию сбережений и их трансформации в инвестиции. Внимание к этой проблеме было ослаблено в предыдущие годы, поскольку существовал мощный приток финансовых ресурсов. Теперь привлечение частных инвесторов должно выйти на первый план в деятельности органов государственного управления всех уровней. Это задачи, решаемые совместно всеми ветвями государственной власти, включая, прежде всего, монетарные власти.

Федеральный бюджет 2017 г. сведен с дефицитом в 2,75 трлн руб., или 3,2% ВВП, тогда как остаток средств в резервном фонде на 01.12.2016 составил 2 трлн руб., или 2,5% ВВП. Кроме того, возрастает внутренний госдолг для финансирования бюджетного дефицита. Уровень расходов в течение 2017–2019 гг. сохраняется примерно на уровне около 16 трлн руб., но важно другое. Около 50% бюджета – это расходы на силовые структуры, чиновно-бюрократический аппарат, финансирование государственных экономических проектов и субсидирование госкорпораций, еще порядка 30% – пенсии и социальные выплаты, и только 6% – расходы на образование и здравоохранение. Расходы на медицину даже сокращаются, в то время как субсидии различным госкорпорациям в совокупности примерно эквивалентны общим расходам бюджета на медицину [Милов В., 2017]. Однако история показывает, что государственные инвестиции неэффективны, и решающее значение имеет сама их структура. Так, в 2013 г. инвестиции в основной капитал за счет бюджетных средств составили примерно 2 трлн руб., при этом экономический рост прекратился еще до санкций и падения цен на нефть.

Еще более показательно, что Правительство РФ планирует сократить расходы на развитие научно-технологического комплекса в 2017–2019 гг. на 25 млрд руб. относительно цифр, которые были заложены на этот период в федеральной целевой программе развития научно-технологического комплекса на 2014–2020 гг. Непо-

средственno на научные исследования затраты государства по указанной программе сократятся почти на 19 млрд руб. Программа была принята в 2013 г. и ежегодно корректировалась. Изначально на развитие науки и техники закладывалось 239 млрд руб., в том числе 197,6 млрд – из бюджета. 128,1 млрд должно было пойти на исследовательскую работу. Сокращенная программа предполагала, что до 2020 г. на эти цели будет потрачено 228,7 млрд руб., из которых 187,2 млрд – из федерального бюджета; 121,9 млрд руб. выделялось на прикладные научные исследования и экспериментальные разработки гражданского назначения. Согласно проекту правительственного постановления, общая стоимость программы будет уменьшена до 203,7 млрд руб., из которых бюджетные средства – 168,3 млрд. На научные исследования пойдет 103 млрд руб. Как говорится в пояснительной записке к проекту, казна сэкономит в первую очередь на исследованиях, направленных на решение комплексных научно-технологических задач. И лишь некоторые научные и учебные организации получат прибавку к финансированию на «строительство, реконструкцию и техническое оснащение». По словам президента РАН В. Фортова, Программу фундаментальных исследований Академии наук сократили за последние три года практически в два раза. «На науку выделяется очень мало денег, и каждое сокращение больно ударяет по ученым» [Правительство сократит.., 2017].

Экономия официально обосновывается необходимостью приводить программу в соответствие с федеральным бюджетом на ближайшие три года. В то же время, как заявляет Минобрнауки, несмотря на сокращение конкретной программы, финансирование науки государством в целом в ближайшие годы увеличится, ожидается, что в дальнейшем господдержка будет расти на 8–10% в год. Но в долговременной перспективе это неизбежно приведет к углублению технологического отставания. Очевидно, что выход возможен в другом направлении – в сокращении затрат в тех областях и на те проекты, где они расходуются неэффективно.

Очевидно, что для выхода из кризиса необходимо запустить «инвестиционный двигатель российской экономики», активизировав инвестиционную деятельность крупных корпораций и государства. Однако недостаточно ограничивать или концентрировать такую активизацию на добывающем, энергетическом, транспортном и инфраструктурном секторах.

Устойчивость инвестиционного процесса наилучшим образом обеспечивается за счет комплексного, всестороннего использо-

зования всех источников, характерных для развитой рыночной экономики. Отсюда необходимость внимания к развитию тех из них, которые все еще не способны выполнять присущие им функции в этом процессе.

Для этого могут сложиться определенные благоприятные предпосылки. Так, произошло значительное снижение оттока капитала, который теперь в основном отражает выплату задолженности перед иностранными кредиторами. В 2015 г. отток сократился более чем в 2,5 раза. Налицо улучшение финансового положения ряда предприятий и отраслей. Финансовый результат предприятий (прибыль) увеличился на 53,7% в 2015 г., что существенно выше инфляции. По итогам года на счетах российских компаний находилось более 21 трлн руб., из которых депозиты составляют более 12 трлн (рост на 40% за два года). Это создает основу для повышения инвестиционной активности [Медведев Д.А., 2016, с. 9, 13].

Меры, основанные на кейнсианских концепциях государственного регулирования, должны быть дополнены новыми. Помимо развития традиционных производств и инфраструктурных проектов главным направлением должно быть развитие производств, вызывающих положительные структурные изменения в экономике и мультипликационное воздействие на спрос. Это, прежде всего, высокотехнологичные и наукоемкие производства, соответствующие современному технологическому способу производства (укладу). Если же учитывать более отдаленную перспективу, то инвестиционная политика должна быть в значительной мере ориентирована на сектора, осуществляющие инвестиции в человеческий капитал – образование, здравоохранение, оказание социальных услуг.

Не только новые условия и мировая конъюнктура в виде падения цен на нефть и снижения глобальных темпов роста, но и сама логика перехода к экономике знаний и новому технологическому укладу требуют замены сложившейся модели роста, включения в нее новых факторов. Так, по словам Э. Набиуллиной, прежняя модель экономики, основанная на экспорте сырья и стимулировании потребления, в том числе через потребительское кредитование, исчерпана, что проявилось еще в затухании темпов роста в годы, предшествующие кризису и падению цен на нефть.

Всеми признается тот факт, что России нужна новая, «сберегательно-инвестиционная» экономическая модель, в рамках которой сбережения станут важным ресурсом инвестиций. И экономика «начинает нащупывать новую модель развития». Переход экономики на инвестиционную модель роста стал основой целевого сце-

нария социально-экономического развития России до 2035 г., разработанного Министерством экономического развития. Согласно этому сценарию, улучшение бизнес-климата, поддержка несырьевого экспорта, а также снижение издержек и рост доходов компаний должны обеспечить ускорение темпов роста ВВП до 4% к 2019 г. [Набиуллина рассказала...].

В связи с этим знаменательно, что руководство Банка России включает в круг задач ЦБ поддержание процесса перехода к новой модели роста и обеспечение стабильных финансовых условий для формирования внутренних источников инвестиций. В то же время опасно и быстрое снижение ставок и «накачивание экономики дешевыми деньгами», поскольку может привести к ускорению инфляции, к обесценению доходов и сбережений.

Для регулирования кредита у Банка России есть мощное средство – процентная ставка. Однако, по всей видимости, это скорее рычаг для обеспечения стабильности валюты, но не доступности кредита. Тем самым возможность активизации инвестиционного процесса и экономического роста приносится в жертву макроэкономической стабильности. Следует сказать, что задачей ЦБ как раз и является стабильность, а рост – это функция других звеньев экономического блока. Противоречия и трения между ними, как и между другими ведомствами (в частности, Минфином и Минэкономразвития), вытекающие из их миссий, вполне естественны. Но без согласования политики и выработки общих приоритетов управление невозможно. Для этого и существует правительство как коллективный орган единомышленников. И никакие дополнительные структуры, комитеты и комиссии для этого не нужны (вспомним прекрасную для этого рекомендацию – «бритву Оккама»). Есть и положительный мировой опыт, когда текущими делами ведомств занимаются опытнейшие специалисты, а министры – члены кабинета функционируют как политики, вырабатывающие общие принципы и задачи в согласовании с общей политической программой и направляющие соответствующим образом работу министерств.

Следует заметить, что активность государственных мер по стимулированию инвестиций тормозится соображениями сдерживания инфляции. Инфляция остается главной причиной сохранения высоких процентных ставок, и одним из путей ее снижения ЦБ РФ рассматривает сжатие внутреннего спроса. Наряду с высокой ключевой ставкой другим фактором, способствующим дисбалансам в сфере инвестирования, является, по мнению М. Ершова и др.,

осуществленный в конце 2014 г. переход к режиму инфляционного таргетирования и свободному плаванию рубля [Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О., 2016, с. 38]. Таким образом, две важнейшие задачи – снижения инфляции и активизации инвестиционных процессов – оказываются противоречивыми. Отсюда предложения некоторых экономистов расширить перечень задач ЦБ, включив в него рост инвестиций и повышение деловой активности.

Денежно-кредитная политика Банка России, ориентированная на таргетирование инфляции, и его ключевая ставка как основной инструмент регулирования и ориентир для ставок межбанковского рынка, играют важную роль. С этой ставкой связаны и процентные ставки по кредитам, высокий уровень которых обусловлен целым рядом ограничений, основными из которых являются высокий уровень инфляции, высокий спрос на кредитные ресурсы и высокие риски ведения бизнеса. Кредит под чрезмерно высокий процент может принести только вред развитию, поскольку тяжесть его погашения превосходит выгоду получения доступа к финансовым ресурсам. При этом более надежные заемщики имеют, как правило, больше возможностей для самофинансирования, обращения к рынку ценных бумаг и иностранным кредиторам. Все это отражается на структуре корпоративного кредитного портфеля. Ясно, что для развития необходимы долгосрочные и недорогие инвестиционные ресурсы, тогда как в условиях кризиса и ограниченности ресурсной базы банковской сферы сложился их фактический дефицит.

Против компромисса с инфляцией существуют серьезные аргументы. Поскольку кризис носит структурный характер, с ним можно бороться только с помощью структурных реформ. Позиция ЦБ в этой связи состоит в том, что выбор сценариев на основе использования денежно-кредитной политики у России сейчас небольшой: это либо низкий рост и низкая инфляция, либо стагфляция, т.е. низкий рост и высокая и растущая инфляция. Только низкая и стабильная инфляция может сохранить привлекательность финансовой системы для внутреннего инвестора, обеспечить возможности для развития финансовой системы, а значит, и бизнеса в целом [Юдаева К., 2014, с. 11, 12]. Наметившееся снижение инфляции по итогам 2016 г. (прогноз Банка России – 5–6%, Минэкономразвития – 5,9%) [ЦБ улучшил прогноз.., 2016] могло бы открыть возможность для последующего снижения ключевой ставки Центробанком и, следовательно, снижения кредитного процента.

Ставится задача в ближайшие годы снизить инфляцию до уровня 4%, и этот целевой ориентир, по мнению Д.А. Медведева, еще недавно многим казавшийся фантастическим, приобретает реальные очертания [Медведев Д.А., 2016, с. 9]. Его достижение важно как с точки зрения благосостояния, так и для обеспечения доступности кредитов, снижения уровня риска и неопределенности для бизнеса в целом. Снижение инфляции, сопровождаемое снижением рыночных процентных ставок, означает повышение доступности внутренних кредитных ресурсов, необходимых для роста частных инвестиций.

Эта позиция выглядит, по крайней мере, более реалистичной, чем прогнозы Минфина. Согласно его концепции, политика должна быть нацелена на новое макроэкономическое равновесие, которое должно характеризоваться низкой и стабильной инфляцией, низкими долгосрочными процентными ставками, устойчивым реальным эффективным курсом национальной валюты, устойчивыми показателями рентабельности и конкурентоспособности бизнеса, а также стабильными налоговыми условиями [Силуанов: Конструкция бюджета...].

Еще одно важное, но трудно продвигаемое направление в деятельности Банка России состоит в совместной с Минфином работе над концепцией пенсионной системы. Дело в том, что здесь опять-таки оказывается недостаточное развитие финансовой системы, отсутствие на финансовых рынках крупных институциональных инвесторов. Между тем, как показывает опыт развитых стран, крупнейшими институциональными инвесторами являются частные пенсионные фонды и страховые компании. Таким образом, развитие пенсионной системы рассматривается в русле концепции о внутренних сбережениях как важнейшем источнике инвестиций. Согласно замыслу монетарных властей России, это стратегическая задача на долгие годы, но двигаться к этой цели нужно. В таком контексте будет рассматриваться и вопрос об эффективном использовании пенсионных накоплений. Пенсионная, а затем и страховая система в перспективе должны стать основным источником долгосрочных финансовых ресурсов для российской экономики.

Если в определенный период в прошлом основной акцент делался на внешние источники финансирования инвестиций и роста, то в период санкций, когда доступ к мировым финансовым рынкам ограничен, экономические агенты вынуждены выходить в первую очередь на внутренние рынки, которые становятся главным источником такого финансирования. Важно при этом учитывать и со-

стояние этих рынков, зрелость всей финансовой системы в целом, что, очевидно, выльется в дальнейшую санацию, прежде всего, банковского сектора. Важно также использовать механизмы целевого формирования финансовых потоков на основе внутренних источников, их направления на первоочередные приоритеты, а также обеспечивать строгий контроль их использования. Отмечается, что объективные потребности диктуют необходимость увеличения уровня монетизации экономики, роста кредитования и развития банковской системы. Это обосновывается тем, что требуемый уровень денежного предложения должен определяться внутренним спросом на деньги с учетом инвестиционных и инновационных задач. Предлагается, в частности, увеличить предложение ликвидности и повысить роль ЦБ в качестве источника финансовых ресурсов, одновременно продолжить снижение ключевой ставки, которая должна стать важным элементом регулирования финансового рынка, в том числе расширения кредитования и стимулирования инвестиционной активности [Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О., 2016, с. 47, 48].

Есть и более радикальная точка зрения, исходящая из признания глубокого характера кризиса, состоящего в слабости рыночных механизмов и исчерпании сложившейся модели экономического роста. Неразвитость рыночной экономики, отсутствие конкуренции приводят к отсутствию достоверной оценки результатов функционирования предприятий, лишают их стимулов к инновациям, к поиску эффективных стратегий, не способствуют перемещению экономических ресурсов в более продуктивные отрасли и, таким образом, тормозят общее повышение эффективности и рост.

По мнению А. Кудрина и Е. Гурвича, задача не сводится к улучшению инвестиционного климата, она значительно шире. Для созданияенной мотивации необходимо повысить качество рыночной среды, кардинально усилить положительные стимулы и ужесточить ответственность за результаты деятельности всех финансовых и нефинансовых компаний, т.е. изменить не только систему управления, но и сам экономический механизм. По их мнению, стимулирование экономики на базе фискальной и / или монетарной политики (например, снижение базовой ставки ЦБ) представляет лишь стандартный подход, не работающий в нынешней нестандартной ситуации. Другая группа мер, предусматривающая увеличение бюджетных расходов или дополнительное финансирование инвестиционных проектов через резервные фонды и госу-

дарственные компании, может дать лишь краткосрочное оживление до исчерпания резервов, а также требует жесткого контроля. Только третье направление составляют меры по совершенствованию экономической среды и улучшению условий для ведения бизнеса, требующие глубоких изменений в экономической политике и системе государственного управления в русле построения новой модели экономического роста. Смысл ее состоит в создании стимулов к инновации, повышению эффективности и бизнеса, и системы госуправления, в обеспечении жесткой рыночной ответственности за результаты деятельности компаний независимо от их принадлежности, ликвидации зависимости от притока внешних ресурсов [Кудрин А., Гурвич Е., 2014, с. 23, 24, 28, 33].

Однако инвестиции, их рост будет эффективным лишь при определенных условиях. Инвестиции должны быть направлены на реализацию передовых достижений науки и технологии и обеспечивать производство продукции, находящей спрос на мировом рынке. Именно такая политика послужила причиной успешного развития Китая, высоких темпов роста его экономики, во многом опиравшейся на прямые иностранные инвестиции, передачу и другие способы заимствования технологий. Будущая конкурентоспособность, таким образом, – вот важнейшее условие прямых инвестиций. А это, в свою очередь, выдвигает жесткие требования к проектированию, конструированию, качеству строительства, качеству технического оснащения, качеству организации и управления производством, производительности труда. Все это связано с известным риском, но без риска, как известно, не бывает успеха, только он должен быть хорошо просчитан и управляем. Это нередко означает неуверенность в решениях и их последствиях. Здесь-то, возможно, и заключено главное субъективное препятствие развертыванию инвестиционных процессов, которое существенно дополняет препятствия объективные, о которых шла речь выше (наличие длинных денег, кредит, налоговая политика, развитие финансовой сферы).

Успехи Китая на этапе действия предшествовавшей модели экономического роста в существенной мере связаны с преимуществом дешевого труда. Исчерпание этого преимущества выдвигает необходимость перехода к другой модели роста. Российские проблемы на современном этапе также связаны с поиском новой модели роста, отличной от предшествовавшей, в основе которой лежала эксплуатация природных ресурсов страны при высокой мировой конъюнктуре спроса на сырьевые и энергетические товары.

Это означает необходимость проведения политики последовательного реформирования, достраивания рыночной экономики и отказа от фактической линии на государственно-монополистический капитализм, чреватой угрозой экономической безопасности страны. Сложившаяся в экономике России структура государственно-монополистического капитализма стала, по-видимому, осаждаемой причиной деформации инвестиционного процесса и, более того, угрозой всей системе экономической безопасности страны.

Это, однако, не снимает и не облегчает текущей остроты проблемы инвестиционных ресурсов и инвестиционного климата, восстановления доверия инвесторов и улучшения условий ведения бизнеса в России. К тому же в условиях санкций в отношении России, которые в значительной мере затрагивают доступ на внешние финансовые рынки, необходимо активизировать внутренние механизмы формирования денежных ресурсов.

Для этого нужен целый комплекс мер денежно-кредитной, налоговой, бюджетной политики, в том числе в области эффективности сбора налогов, реальной приватизации, поддержки предпринимательства и обеспечения его стабильного функционирования, улучшения всего инвестиционного климата. Можно предполагать, что эти и другие направления активизации инвестиционных процессов найдут отражение в соответствующей программе мер по стимулированию экономического роста. В противном случае, учитывая также сложившиеся геополитические факторы и напряженности, неизбежно дальнейшее торможение роста, нарастание макроэкономических рисков и проблем в области экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Березинская О., Ведев А. Инвестиционный процесс в российской экономике: Потенциал и направления активизации // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 4. – С. 4–16.
2. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики: Инвестиции в основной капитал и источники их финансирования // Аналитический центр при правительстве РФ. – 2016. – Вып. 17, сентябрь. – С. 16. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>
3. В Госдуме допустили вечный дефицит бюджета. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/27628978/?frommail=1>

4. ВШЭ: «Нужны ли России образование и здравоохранение?». – Режим доступа: http://www.ural156.ru/news/63/541071/?sphrase_id=15000141
5. Градов А.П. Экономическая безопасность страны и приоритеты инвестиционной политики // Экономическая наука современной России. – М., 2001. – № 3. – С. 70–78.
6. Греф Г., Юдаева К. Российская банковская система в условиях глобального кризиса // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 7. – С. 4–14.
7. Достоверные прогнозы отсутствуют // Коммерсант. ru. – 12.12.2016. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3163191>
8. Ершов М. Как обеспечить стабильное развитие в условиях финансовой нестабильности? // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 12. – С. 4–26.
9. Ершов М., Танасова А., Татузов В., Лупандина О. О некоторых циклах и финансовых механизмах в инвестировании // Экономист. – М., 2016. – № 6. – С. 37–49.
10. Зайцев А.А. Межстрановые различия в душевых ВВП и производительности труда: Роль капитала и уровня технологий (на примере отраслей обрабатывающей промышленности). – Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/f0c7782c3992830df73b70d4782568997f5e4c29.pdf>
11. Замараев Б., Назарова А., Суханов Е. Финансовые ограничения вслед за инвестиционной паузой // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 4. – С. 4–43.
12. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 12. – С. 4–36.
13. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: Обретение новой динамики // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 10. – С. 5–30.
14. Милов В. Все что надо знать про федеральный бюджет-2017. – Режим доступа: <http://demchoice.livejournal.com/36646.html>
15. Минфин нарастит внутренний долг до максимума с конца 1990-х. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/27352287/>
16. Набиуллина рассказала о смене модели развития экономики России. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/27781972/?frommail=1>
17. Нарышкин С. Инвестиционная безопасность как фактор устойчивого экономического развития // Вопросы экономики. – М., 2010. – № 5. – С. 16–25.
18. Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 12. – С. 69–84.
19. Правительство сократит расходы на научные исследования на 19 млрд руб. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/27/01/2017/5889d8879a7947a91c8c62df>
20. Резервный фонд России за 2016 год сократился почти в четыре раза. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/28382100/>
21. Рейтинг Doing business 2016. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings>

22. Розмаинский И.В., Скоробогатов А.С. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России // Экономическая наука современной России. – М., 2006. – № 4(35). – С. 7–21.
23. Россия на пороге нового застоя // Газета. ru. – 19.08.2016. – С. 2. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2016/08/17/10136579.shtml>
24. Сверчков Р., Сонин К. Эффективность финансовых рынков // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 4. – С. 4–21.
25. Силуанов: Конструкция бюджета на 2017 год выдержит нефть по \$30. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/27830549/?frommail=1>
26. Совещание по улучшению инвестиционного климата. – Режим доступа: <http://m.government.ru/all/23582/>
27. Шувалов анонсировал изменения в налоговой системе. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/27956790/?frommail=1>
28. ЦБ улучшил прогноз по инфляции на 2016 год. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/23/06/2016/576b963f9a794722fc4045e6>
29. Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 9. – С. 4–12.

О.Н. Пряжникова

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Исследуются взаимосвязь развития личности и экономической безопасности, структура и уровень экономической безопасности личности.

Ключевые слова: социальная политика; социальная структура; экономическая безопасность личности.

Проблематика экономической безопасности связана не только с уязвимостью стран в целом, но и отдельных групп населения и индивидов в условиях экономических шоков и кризисов. Все чаще в ходе дискуссий о национальных приоритетах и направлениях государственной политики экономическая безопасность рассматривается в контексте обеспечения экономической безопасности индивида в условиях риска падения личных доходов и сокращения потребления. Экономическая безопасность личности и реализация ее экономических интересов представляет собой один из факторов обеспечения национальной экономической безопасности. Уровень экономической защищенности индивида влияет на качество человеческого и социального капитала, определяя возможности конкретного человека использовать экономическую среду для обеспечения достойного уровня жизнеобеспечения. Экономическая безопасность является одним из ключевых условий свободного принятия индивидом экономических решений, что напрямую влияет на устойчивость экономической системы в целом.

Индивидуальная экономическая безопасность понимается современными исследователями как стабильность получаемых индивидом доходов, достаточных для поддержания в настоящем и ближайшем будущем достойных стандартов жизни [Tamošiūnienė R.,

Munteanu C., 2015; Osberg L., Sharpe A., 2014; The economic security index, 2012; Алабичева М.А., 2014].

Экономическую безопасность личности можно рассматривать как составляющий элемент прав человека. Безопасность дает индивиду возможность контролировать собственную жизнь и личностное развитие, что является залогом реализации принципа свободы и сохранения достоинства личности. Базовая безопасность предполагает сведение к минимуму ситуаций неопределенности в повседневной жизни, она также обеспечивает существование социальной среды, в которой человек ощущает принадлежность к целому ряду сообществ и может вести достойную жизнь, развиваясь благодаря достойной трудовой деятельности. Вместе с тем необходимо признать важность присутствия в социально-экономической среде экономической уязвимости, «неуверенности в завтрашнем дне». До некоторой степени экономическая незащищенность представляет собой движущую силу развития рыночной экономики, а также и личностного развития. «Расширение пространства свободы в жизни общества, с одной стороны, может повысить незащищенность его членов, с другой – является необходимым условием реализации способности человека осуществлять осмыслиенный выбор при условии наличия базовой безопасности, понимаемой как защищенность от угрожающих жизни событий и связанных с ними страхов, возможность контролировать свое развитие (самостоятельно принимать жизненно важные решения, самостоятельно устанавливать цели и выбирать средства их достижения) и сохранять чувство собственного достоинства».

Ощущение безопасности тесно связано с самоидентификацией, чувством принадлежности к сообществу. Несмотря на модернизацию социальной жизни, секуляризацию и процессы глобализации, современные общества ищут и отстаивают собственную идентичность: культурную, религиозную, национальную, региональную. Государства аналогично ищут способы «воспитания» лояльных граждан. Очевидно, что в ближайшем будущем останется актуальным поиск решения проблем незащищенности, связанных с неопределенностью идентичности, ростом нетерпимости и агрессии по отношению к «другому».

Безопасность часто связывают с тремя взаимосвязанными понятиями – участие, агентность (agency)¹ и обретение самостоя-

¹ Агентность (agency) – способность человека выступать в качестве самостоятельного субъекта и делать осознанный и свободный выбор.

тельности (empowerment). Под участием подразумевается включенность в социально-экономическую жизнь, агентность и самостоятельность предполагают способность человека принимать жизненно важные решения. Баланс между индивидуальной и коллективной агентностью является залогом подлинной безопасности и его достижение зависит от уровня индивидуализма. В высоко индивидуалистичном обществе из-за стресса вследствие высокой конкуренции может формироваться «хроническая» незащищенность. С другой стороны, превалирование в обществе коллективной агентности может подавлять инициативность.

Ряд экспертов видят угрозу индивидуальной безопасности в связи с нарастанием в нашей жизни потока информации, ее противоречивостью, процессами глобализации и ростом духа индивидуализма. Это ведет к росту когнитивной незащищенности индивидов, увеличивая чувство беспомощности и изоляции, ведущих к социальной пассивности и росту иррационального потребления [Economic security..., 2004, p. 9].

Индивиды, домашние хозяйства, семьи и сообщества с низкими доходами постоянно сталкиваются с так называемой системной, или хронической, незащищенностью, подрывающей их способность эффективно функционировать. Риск для безопасности этих групп увеличивается, например, при росте заболеваемости и возникновении проблем со здоровьем членов таких групп, или в условиях ускорения технических изменений, когда устаревают на-выки, обеспечивающие экономическую безопасность. Более того, когда такие риски растут, индивиды вынуждены тратить больше времени на их предотвращение, минимизацию их последствий, восстановление после пережитых шоков и, соответственно, меньше времени на деятельность, связанную с персональным развитием и расширением собственных возможностей.

Одним из источников ощущения индивидом безопасности является его чувство принадлежности к сообществу, которое представляет собой важную составляющую «безопасного общества» при условии, что внутри него удается достичь и поддерживать баланс между реципрокностью¹ и способностью развиваться. В противном случае сообщество может принять форму институционального контроля над своими членами, которым предлагается так называемая зависимая безопасность (dependent security), если они

¹ Реципрокность – движение предмета обмена на основах взаимности между субъектами обмена.

принимают ограничивающие свободу принципы существования в рамках системы патронажа [Economic security.., 2004, р. 12].

Что касается связи экономического развития и безопасности, то практика показывает отсутствие между ними прямой зависимости. Более того, в краткосрочном периоде экономическое развитие, например, сопровождается ростом промышленности и перемещением сельского населения в города, что обостряет его незащищенность. Развитие предполагает рост рисков и незащищенности, так как вызывает изменения в социальной и экономической жизни. Так, по данным Всемирной комиссии по дамбам (World commission on dams), в последние годы в результате строительства дамб и затопления земель перемещению подверглись от 40 до 80 млн людей. Вынужденное перемещение населения представляет собой одну из основных причин роста незащищенности в развивающихся странах, при этом оно редко сопровождается адекватными мерами социальной поддержки.

Экономическая безопасность личности и трудовая деятельность

Экономическая безопасность тесно связана с трудовой деятельностью. Человек живет и развивается за счет и благодаря трудовой активности, сочетая деятельность, приносящую доход, и деятельность, связанную с воспроизводством (заботу о семье, а также о членах сообщества и общества в целом). В широком смысле труд – это то, что позволяет человеку и обществу выживать, восстанавливаться и развиваться. Значительный вклад в разработку концепции экономической безопасности личности внесла Международная организация труда (МОТ), обобщив теоретические подходы к изучению проблем экономической безопасности личности в ходе исследовательской программы по социально-экономической безопасности [Economic security.., 2004]. Эксперты МОТ выделяют семь составляющих ИЭБ, ассоциируемых с трудовой занятостью: гарантии получения дохода, безопасность на рынке труда, защищенность занятости, охрана труда, гарантии получения квалификации, защищенность рабочего процесса, защищенность представительства.

Гарантии получения дохода являются фундаментальной составляющей экономической безопасности личности и предполагают получение индивидом адекватного для жизнеобеспечения уровня дохода.

Доходы индивида могут иметь различные формы: денежную, получаемую в виде заработной платы, прибыли по банковским вкладам, дохода от сдачи той или иной собственности в аренду или ее продажи. Некоторые работники получают предоставляемые работодателем льготы, например, бесплатное или субсидируемое питание в течение рабочего дня, оплачиваемый отпуск, медицинское страхование, субсидии на жилье и транспортные расходы. Источником дохода граждан могут быть и государственные выплаты и льготы, как универсальные, так и для особых категорий населения. Возможно также получение дохода внутри сообществ в виде денежных выплат или услуг со стороны местных властей, формальных и неформальных организаций, включая благотворительные и НКО. Для значительной части населения развивающихся стран получение дохода, обеспечивающего их экономическую безопасность, происходит за счет получения денежных переводов от членов семей, имеющих работу и доход, позволяющий им оказывать финансовую поддержку своим родственникам.

Важно отметить, что волатильность ВВП, причиной которой могут быть экономические кризисы, неожиданные спады темпов экономического роста, влечет за собой увеличение волатильности индивидуальных доходов и доходов на уровне сообществ. Население не может предвидеть подобные шоки, поэтому имеет ограниченные возможности «защититься» от их последствий. Неустойчивость развития в большей степени характерна для развивающихся экономик, поэтому и негативные последствия экономических флукутаций для защищенности доходов населения здесь проявляются сильнее. Причем наиболее уязвимы оказываются бедные слои населения, женщины и занятые в неформальном секторе. Вместе с тем с точки зрения защищенности доходов занятые в неформальной экономике могут быть менее уязвимы в условиях экономической нестабильности, чем работники формальной экономики. Таким образом, в странах с большим неформальным сектором защищенность доходов в условиях экономического кризиса может сохранять большую устойчивость, чем в странах, где неформальная экономика отсутствует или ее размеры малы [Economic security..., 2004, p. 67].

Залогом роста защищенности дохода, т.е. гарантии получения индивидом дохода, является наличие как можно более широкого круга надежных источников дохода и возможность получения поддержки в кризисные для индивида периоды жизни. Возникшие после Второй мировой войны в промышленно развитых странах

так называемые государства «всеобщего благосостояния» в большей степени обеспечили своим гражданам гарантии получения дохода благодаря системе социального обеспечения, бесплатному обучению, медицинскому и пенсионному страхованию и т.д. В наши дни глобализация, старение населения и изменения в сфере трудовых отношений приводят к сворачиванию практик государства благосостояния и население начинает терять уверенность в будущем системы социальной защиты, в основе которой лежит социальное страхование. Так, в США только 10% работников ожидают, что их основным источником дохода после выхода на пенсию будут социальные выплаты [Economic security.., 2004, p. 69]. Что касается развивающихся стран, то во многих из них так и не возникли полноценные системы государственной социальной поддержки населения, включающие в себя оплату по больничным листам и / или декретного отпуска, пенсионное страхование, пособия по нетрудоспособности и т.д.

Гарантии получения дохода в старости являются важным фактором экономической безопасности личности. Оценки защищенности дохода в старости зависят от адекватности ее восприятия индивидом, что во многом определяется образом жизни, который он ведет или вел в прошлом. В развивающихся странах, где наблюдается рост населения преклонного возраста, пожилые люди продолжают полагаться на финансовую поддержку, оказываемую им родственниками. Однако этот источник дохода начинает терять свое значение в условиях урбанизации, сокращения размера семей, роста мобильности населения, поэтому для гарантий защищенности дохода в старости особо важна возможность получать пенсионные выплаты.

Безопасность на рынке труда предполагает, что индивид имеет реальные возможности найти работу, обеспечивающую адекватный доход. Ощущению безопасности индивидов также способствуют позитивные ожидания по поводу расширения на рынке труда возможностей найти работу или, если они уже благоприятные, то останутся такими и в будущем. Индикаторами безопасности на рынке труда являются: коэффициент участия рабочей силы (labour force participation rate), который рассчитывается как доля взрослого населения в совокупной рабочей силе; уровень выплат пособий по безработице; средняя длительность периода таких выплат. Вместе с тем высокий уровень занятости или максимизация предложений о работе на рынке сами по себе не гарантируют рост безопасности. Важно принимать во внимание качество рабо-

чих мест – насколько они гарантируют уважение к человеческому достоинству, развитие личности, безопасность и автономность.

В последнее время ряд глобальных трендов определяют изменения в сфере безопасности на рынке труда. В первую очередь это *сокращение занятости в сельском хозяйстве* по всему миру, обусловленное структурными изменениями, связанными с модернизацией сельскохозяйственного производства часто с целью усилить его экспортно-ориентированную составляющую. Выгоду от расширения использования трудосберегающих технологий и химикатов, коммерциализации сельскохозяйственного производства получают, прежде всего, крупные хозяйства, что негативно сказывается на мелких фермерах, которые не в состоянии нести издержки по использованию новых технологий. Эти процессы вызывают сокращение возможностей найти работу в сельских регионах, рост безработицы и незащищенности.

Еще одна тенденция, влияющая на уровень экономической безопасности, проявляется в *информационизации трудовых отношений*. Неспособность рынка труда адекватно абсорбировать предложение рабочей силы способствует тому, что большое число работников находят занятость в рамках неформальной экономики, характеризующейся отсутствием социальной защиты, защиты занятости, охраны труда и т.д.

Деиндустриализация экономики, сокращение занятости в секторе промышленного производства в промышленно-развитых странах является одним из следствий развития процессов глобализации. «Старые» рабочие места в промышленности продолжат сокращаться в XXI в. Структурные изменения потребуют разработку и принятие мер по адаптации к новым условиям на рынке труда, сопровождаемых социальной защитой [Economic security.., 2004, р. 125].

Кроме того, безопасность на рынке рабочей силы и характер безработицы в большой степени зависит от демографической структуры населения. За последние 50 лет женщины стали полноправными акторами на рынках труда, что увеличивает предложение рабочей силы и формирует условия для роста безработицы. Этому также способствует старение населения и повышение возраста выхода на пенсию. Вместе с тем в ближайшем будущем расширятся возможности занятости в сфере ухода за людьми старшего возраста.

Защищенность занятости подразумевает защиту от потери приносящей доход работы. Для наемных работников безопасность в сфере занятости предполагает защиту от несправедливого и необоснованного увольнения и, если таковое произошло, возмож-

ность восстановления занятости. Для самозанятых безопасность в сфере занятости означает защиту от неожиданной потери независимой работы и / или банкротства. Очевидно, что защищенность занятости не может быть абсолютной, она возможна в большей или меньшей степени. Она связана с рисками и неопределенностью возможностей сохранить текущее место работы. Основное влияние на безопасность в сфере занятости оказывает тип экономики и структура занятости, ее уровень выше там, где на рынке доминируют крупные компании и где крупнее государственный сектор.

В наши дни снижение защищенности занятости определяется, во-первых, в связи с изменением законодательства, связанного с защитой занятости, с целью придания большей гибкости рынку рабочей силы. В результате расширяется непостоянная занятость (временная работа, работа на замену, частичная занятость, удаленная занятость), которая характеризуется более низкой экономической безопасностью. Во-вторых, снижение защищенности связано со структурными изменениями в промышленно развитых экономиках, где происходит сокращение занятости в промышленности и растет занятость в сфере услуг; сокращается государственный сектор и соответственно занятость в нем.

Охрана труда предполагает создание условий для безопасной работы и сохранения здоровья работников. По данным МОТ ежегодно в мире в результате несчастных случаев на работе и связанных с трудовой деятельностью заболеваний умирает более 2 млн человек, а около 160 млн человек страдает от болезней, вызванных условиями работы [ILO standards., 2003, p. 8]. При различных формах занятости работники могут подвергаться физической или ментальной опасности, психологическому давлению. Охрана труда, таким образом, состоит не только в функционировании механизма предотвращения получения производственных травм или заболеваний, но также касается защиты от таких негативных явлений современной трудовой деятельности, связанных со стрессом, как переработка или выход на работу во время болезни, притеснения и домогательства.

Исследования показывают, что, когда государство вводит в трудовое законодательство всеобъемлющие нормы по обеспечению охраны труда и создает механизмы «щедрых» компенсационных выплат для потерпевших на рабочем месте, накладывая на работодателей бремя соответствующих издержек, это создает условия для увеличения риска возникновения недобросовестных практик. Если работодатель вынужден выплачивать значительные

суммы штатным работникам в случае несчастных случаев или болезней, то он может расширить использование нештатных или временных работников, в отношении которых он не обременен подобными обязательствами. Однако при низком уровне законодательного регулирования охраны труда саморегулирование данной сферы способствует оппортунистическим практикам, в том числе самоэксплуатации, т.е. «работе на износ» с целью максимизации дохода, особенно если в обществе не обеспечен достаточный уровень гарантированного дохода [Economic security., 2004, р. 170].

Гарантии получения квалификации, являясь составной частью личной экономической безопасности, связаны с наличием возможности учиться, получать профессиональную подготовку и переподготовку. Базовое образование дает индивиду способность понимать, оценивать и пользоваться возможностями для выживания и развития. Образованные люди более свободны в своем выборе возможной занятости и форм получения дохода.

Ключевыми факторами, способствующими получению индивидом образования и профессиональных навыков, являются доступность школьного образования, профессионального образования, адекватность этого образования, возможность использования полученных навыков, в том числе в будущем, в процессе развития карьеры, уверенность в том, что при необходимости в будущем можно будет пройти переподготовку. Таким образом, можно утверждать, что общество обеспечивает относительно высокий уровень гарантий получения квалификации, если большинство его членов имеют доступ к среднему и дополнительному образованию.

Защищенность рабочего процесса предполагает, что работник может осуществлять какой-либо контроль над содержанием выполняемой работы и имеет возможность выстраивать свою карьеру. Наличие защищенности занятости не означает наличие защищенности рабочего процесса, так как на своем рабочем месте работник может сталкиваться с противоречащими его интересам, непредсказуемыми и провоцирующими стресс изменениями содержания своей трудовой деятельности, что может вынудить его уволиться. Защищенность рабочего процесса связана с привязкой работы к особому набору функций и компетенций, наличием у работника собственной «ниши» в рабочем процессе, а также отсутствием дискриминации, чувством удовлетворенности от выполняемой работы, мобильностью внутри трудового процесса.

Защищенность представительства подразумевает наличие у работника права голоса как инструмента защиты и продвижения

своих интересов, например, при обсуждении изменения размера заработной платы, премий, условий труда. Осуществление представительства, реализация права голоса, важно для эффективного мониторинга трудовых практик, сбора объективной информации и оценки политики в сфере труда. Право голоса может реализоваться и благодаря принадлежности или наличии доступа к независимой и компетентной организации, способной и стремящейся представлять интересы работников в ситуации их социальной и экономической уязвимости. Росту защищенности представительства способствует возможность сочетания индивидуального и коллективного представительства.

Основные направления политики в сфере экономической безопасности личности

В начале XXI в. МОТ сформулировала понятие достойной работы¹ (decent work) [Decent work.., 2013], в котором всеобъемлющее отражены все принципы экономической безопасности личности. Достойная работа предполагает создание среды, обеспечивающей экономическую безопасность, благодаря которой все большее количество людей смогут реализовывать себя в профессиональной сфере и повышать свою личную социально-экономическую безопасность. Наиболее значимыми для воплощения в жизнь принципов достойной работы факторами экономической безопасности в сфере труда являются гарантии базового дохода и представительства. В отсутствие достаточных гарантий дохода индивид лишен настоящей свободы осуществлять рациональный выбор и социальные функции, а без осуществления коллективного и индивидуального представительства, без возможности влиять на принятие тех или иных решений положение наиболее уязвимых участников трудовой деятельности не будет становиться более защищенным.

На макроуровне формированию условий для реализации концепции достойной работы может способствовать создание соответствующей законодательной и нормативной базы, институтов,

¹ Согласно определению МОТ достойная работа (decent work) – это продуктивная трудовая деятельность, приносящая справедливый доход, защищенную занятость и социальную защиту семьям, перспективы развития, социальную интеграцию, свободу выражать свою озабоченность, принимать участие в принятии и реализации жизненно важных для индивида решений и обеспечивающая равные возможности для мужчин и женщин.

гарантирующих все большему числу людей вести трудовую жизнь в условиях относительной экономической безопасности и расширения возможностей для личностного развития, имея достаточный доход для обеспечения всем необходимым себя и свою семью. Для работника (микроуровень) достойная работа подразумевает наличие хороших возможностей для развития трудовых навыков. В целом можно утверждать, что принципы достойной работы реализуются, когда индивид имеет достаточные гарантии получения дохода, представительства своих интересов, когда он работает в условиях соблюдения стандартов охраны труда.

В условиях роста технологических инноваций и конкуренции работники поставлены в ситуацию, когда им приходится повышать свою мобильность, а также наращивать производительность труда. Развитие мировой экономики на современном этапе характеризуется интеграционными процессами в рамках все большего количества отраслей промышленности развитых и развивающихся стран. Ускорение изменений в технологиях и на рынках, с одной стороны, создает новые возможности, с другой – порождает новые угрозы для индивидов, компаний и целых отраслей промышленности. Рост спроса на новые трудовые навыки, связанный с повышением сложности информации, технологий и деловой среды в целом, а также снижение экономической безопасности для низкоквалифицированных работников усложняют возможности индивида адаптироваться к новым условиям. Умение индивида адаптироваться, таким образом, является ключевым условием обретения им экономической безопасности.

В связи с этим в новых, быстро меняющихся экономических условиях подходы к реализации принципов экономической безопасности индивида должны учитывать необходимость развития и поддержки рабочей силы, которая будет занята высококвалифицированным трудом. Согласно рекомендациям экспертов Национальной ассоциации губернаторов США [The cornerstones., 2013] государственная политика, направленная на поддержку рабочей силы и повышение экономической безопасности индивидов, должна содержать меры:

1. По развитию навыков и повышению адаптивности работников. Повышение мобильности работников требует владения техническими, когнитивными навыками и навыками межличностной коммуникации, а также выделение ресурсов на образование и переобучение, необходимое для того, чтобы соответствовать потребностям рынка труда.

2. Стимулированию роста доходов и сбережений граждан. Высокая оплата труда способствует гибкости рабочей силы, а также открывает возможности для формирования финансовых активов, которые могут использоваться для продолжения образования или как пенсионные накопления.

3. Поддержке здоровья граждан и продвижению практик здорового образа жизни, чтобы минимизировать риски потери здоровья работниками и, таким образом, риски снижения производительности.

4. Созданию условий для развития в обществе сетей поддержки. Поддержанию адаптивных способностей работников способствует круг лиц, оказывающих им поддержку (семья, друзья, коллеги, профессиональные сети).

Осуществление подобных мер должно фокусироваться на человеческих ресурсах и потенциале. Это требует вовлеченности и разделения ответственности между всеми уровнями власти (центральной, региональной, местной), частным сектором, местными сообществами, некоммерческими организациями. Повышение мобильности работников не может быть достигнуто и без того, чтобы сами индивиды брали на себя ответственность и активно участвовали в развитии своих адаптивных навыков. Важно стимулировать развитие профессиональных сетей и сетей сообществ, так как они обеспечивают эффективные связи за пределами привычного круга социальных связей индивида и расширяют возможности для адаптации в меняющихся экономических условиях, создавая базу для повышения экономической безопасности личности.

* * *

Все люди нуждаются в безопасности, ощущение которой дает им чувство принадлежности к социуму, чувство стабильности. Индивиды, лишенные базовой безопасности – безопасности внутри семьи, на рабочем месте, в сообществе, – рисуют стать социально уязвимыми. Экономическая незащищенность может способствовать разжиганию гражданских и международных конфликтов, которые еще больше обостряют проблемы безопасности.

Жители государств, где высок уровень экономической безопасности, как показывают исследования [Economic insecurity.., 2004], более счастливы и удовлетворены жизнью. Главным фактором, влияющим на уровень счастья и благополучия населения, является не уровень дохода, а уровень ощущения экономической безопас-

ности, связанного, прежде всего, с наличием гарантий получения дохода и низким неравенством доходов.

Разнообразные подходы к исследованию безопасности напрямую связывают экономическую ситуацию в той или иной стране с безопасностью, подчеркивая ключевую роль сбалансированного социально-экономического развития в создании материального благосостояния граждан, благодаря чему они становятся менее уязвимы перед лицом внутренних и внешних катализмов.

Список литературы

1. Алабичева М.А. Экономическая безопасность личности как структурная составляющая экономической безопасности государства // Актуальные вопросы экономики и управления / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2014. – Т. 9, № 11. – С. 9–14. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22741215>
2. Decent work indicators: Guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators // ILO. – Geneva, 2013. – P. 244.–248. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/publication/wcms_229374.pdf
3. Economic insecurity is a global crisis // ILO. – 07.09.2004. – Mode of access: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_075583/lang--en/index.htm
4. Economic security / International committee of the Red Cross. – Geneva, 2013. – 8 p.
5. ILO standards-related activities in the area of occupational safety and health: An in-depth study for discussion with a view to the elaboration of a plan of action for such activities: International labour conference. – Geneva, 2003. – 124 p. – Mode of access: <http://www.ilo.org/public/english/standards/reilm/ilc91/pdf/rep-vi.pdf>
6. Securing our future: Advancing economic security for diverse elders: A report of the Diverse elders coalition in partnership with the Insight center for community economic development. – 2012. – Mode of access: http://www.diverseelders.org/wp-content/uploads/2012/07/Diverse_Elders_2012.pdf
7. Economic security for a better world / International labour organization. – Geneva, 2004. – 450 p.
8. Kośny M., Piotrowska M. Economic security of households: Assessment based on scenario analysis. – Wroclaw: Wroclaw univ. of economics, 2013. – 23 p. – (Working paper; N 146). – Mode of access: http://www.ecineq.org/ecineq_bari13/FILEsxBari13/CR2/p183.pdf
9. Munteanu C., Munteanu A. Education as a tool to enhance economic security // Facing the challenges in the European Union: Re-thinking EU education and re-

search for smart and inclusive growth (EuInteg) / Ed. by E. Latoszek, M. Proczek, A. Kłos. – Warsaw, 2015. – P. 625–633. – Mode of access: <http://conference-euinteg2015.pecsa.edu.pl/sites/default/files/Euinteg.pdf%20FINAL.pdf>

10. Nesadurai H.E.S. Conceptualising economic security in an era of globalisation: What does the East Asian experience reveal? / Centre for the study of globalisation and regionalisation (CSGR), University of Warwick. – Coventry, 2005. – 26 p. – (Working paper; N 157/05).

11. Osberg L., Sharpe A. Measuring economic insecurity in rich and poor nations // Rev. of income and wealth, Halifax. – 2014. – Vol. 60, Issue Supplement S1. – P. 53–76. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roiw.2014.60.issue-s1/issuetoc>

12. Tamošiūnienė R., Munteanu C. Current research approaches to economic security. – València, 2015. – 4 p. – 1 st International Conference on Business Management

13. The cornerstones of economic security for resilient workers: A policy framework for shared action / National governors association, Center for best practices. – Washington, 2013. – 35 p.

14. The economic security index: A new measure for research and policy analysis / J.S. Hacker, G. Huber, A. Nichols, Ph. Rehm, M. Schlesinger, R.G. Valletta, S. Craig; Federal reserve bank of San Francisco, Working paper 2012-21. – 2012. – Mode of access: <http://www.frbsf.org/publications/economics/papers/2012/wp12-21bk.pdf>

15. Wysokinska-Senkus A., Raczkowski K. Economic security in the context of sustainability // Rural development. – Kaunas, 2013. – Vol. 6, N 1. – P. 454–462.

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕРРОРИЗМА

Анализируется влияние терроризма на экономическую безопасность. Исследуется мировой опыт, а также опыт России по предотвращению его угроз. Рассматриваются различные формы и методы экономического терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм; экономический терроризм; финансирование терроризма; эффективность борьбы с терроризмом.

Терроризм как социально-политическое явление имеет глубокие исторические корни. Развиваясь от индивидуального к групповому, локальному, массовому, терроризм превратился в одну из основных угроз безопасности как отдельных государств, так и мирового сообщества, что нашло отражение как в многочисленных документах международных организаций, так и в национальном законодательстве практически всех стран.

Некоторые количественные данные о современном терроризме. С 2000 г. в мире было осуществлено более 72 тыс. терактов, унесших жизни почти 170 тыс. человек. Более 80% этих смертей – на совести исламистских организаций¹. По данным Института экономики и мира (Institute for Economics and Peace, IEP), рекордным по количеству жертв и числу терактов был 2014 г. Хотя в 2015 г. впервые с 2010 г. количество жертв сократилось на 10% (погибло 29 376 человек), а число терактов уменьшилось на 1 тыс. по сравнению с 2014 г., жертвами террористических атак стали 92 страны. Аналитики IEP связывают это, прежде всего, с началом

¹ Терроризм в XXI веке. – Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20160122/1363384811.html>

военных операций против запрещенного в России «Исламского государства» (ИГИЛ)¹ и Боко Харам (в Нигерии) и прогнозируют стабилизацию этих показателей, хотя и на высоком уровне [Global terrorism index 2016, 2016, p. 2, 15].

Пять первых мест в рейтинге стран по уровню терроризма по итогам 2015 г., составленном на основе Глобального индекса терроризма (Global terrorism index, GTI) занимают Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия, на которые приходится 72% жертв терроризма. Во всех этих странах идут гражданские войны и военные конфликты. По мнению авторов доклада, движущей силой роста террористической активности являются политическое насилие со стороны государства и полномасштабные вооруженные конфликты. В последние 25 лет первый фактор послужил причиной 92% терактов, второй – 88%, в то время как на страны, не затронутые конфликтами или политическим террором, приходится менее 0,6% терактов [Global terrorism index 2015, 2015, p. 3].

На территории России² за весь 2015 г. и первую половину 2016 г. не было допущено ни одного теракта, предотвращено 10 терактов на стадии подготовки, что свидетельствует об активизации работы правоохранительных органов в этом направлении [Беридишвили Н., Лория Е., 2016].

Первоначально терроризм был объектом изучения психологии, криминологов и политологов. Однако по мере осознания того, что этот феномен является результатом переплетения и взаимодействия исторических, политических, идеологических, культурных, религиозных, психологических и экономических факторов, к его анализу подключились представители всех общественных наук [Латов Ю.В., 2007, с. 28]. Поскольку каждая наука рассмат-

¹ «Исламское государство» – международная исламистская суннитская организация (возникла в 1999 г.), признанная большинством стран террористической, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака и контролирующая часть территории этих стран. Фактически с 2013 г. является непризнанным квазигосударством (прогозглашено как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления, фактически столицей в сирийском городе Эр-Ракка. Подконтрольные ИГИЛ группировки также участвуют в боевых действиях в других ближневосточных странах, Афганистане, Нигерии и т.д. – Исламское государство. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE

² В 2015 г. Россия в рейтинге IEP переместилась с 9-го на 30-е место [Global terrorism index 2016, p. 10].

ривает терроризм под своим углом зрения, нет ничего удивительного в отсутствии не только общей теории терроризма, но даже его универсального определения. В настоящее время только в научной литературе и официальных документах насчитывается более 250 определений терроризма [Clément P.-A., 2014, p. 357–358]¹.

Террористические акты, вызывая у объекта террора чувство страха и уязвимости, навязывают ему определенное поведение. При этом психологическое воздействие терроризма обратно пропорционально используемым террористами физическими средствам [Андреев А.Ф., 2016, с. 104; Политико-экономические аспекты борьбы.., 2005, с. 15; Сорокопудов А.Л., 2014, с. 134; Blin A., 2004; Lericolais M., 2011, с. 37].

Рассматривая вклад экономической науки в изучение проблемы терроризма, следует отметить, что экономический анализ помогает понять социально-экономические корни терроризма и определить меры, направленные на устранение (или хотя бы ограничение) экономических условий его развития [Крылов А.А., Латов Ю.В., 2011, с. 124]. Это научное направление начало активно развиваться (особенно в США) после событий 11 сентября 2001 г.

В экономическом анализе причин развития терроризма выделяются два основных подхода – геоэкономический и национально-ориентированный. Сторонники первого полагают, что терроризм порождают возникающие на основе деформации мирового хозяйства экономические противоречия и социально-политическая напряженность, приверженцы второго исходят из того, что развитию терроризма способствуют социально-экономические особенности конкретных стран [Латов Ю.В., 2007, с. 29; Метелев С.Е., 2008, с. 24].

Геоэкономический подход. Терроризм стал устойчивым социальным явлением в 1960–1970-е годы. В тот период основной причиной его развития считалось противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в «холодной» войне. Каждая сторона, осуждая «чужих» террористов, поддерживала «своих». Спонсируемый государствами терроризм превратился в отличительную особенность «холодной» войны [Medero G.S., 2011]. Но уже в 1980-е годы начался рост внеидеологического «исламского» тер-

¹ Следует отметить, что отсутствие единого подхода к определению терроризма мешает сотрудничеству и координации борьбы с терроризмом в международных масштабах [Medero G.S., 2011].

поризма (Хезболла¹ сформировалась в 1982 г., ХАМАС² – в 1987 г.), распространению которого во многом способствовало отсутствие в рамках мусульманской цивилизации экономически и политически сильных государств-лидеров, что стимулировало активное использование террористических методов в противостоянии с западными странами [Метелев С.Е., 2008, с. 24].

Начало нового витка развития терроризма многие специалисты связывают с террористическим актом 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ответственность за который взяла на себя исламистская «Аль-Каида»³. Этот и последующие теракты отличаются глобальным характером организации и масштабами. При этом, поскольку террористы не выдвигали никаких конкретных политических требований, эта новая фаза терроризма представляется как своего рода наказание США, а в более широком смысле западных стран, за их «поведение в целом» [Bola Ki-Khuabi F., 2006].

Свой вклад в развитие терроризма внесла и экономическая глобализация, что наиболее ярко проявилось в прямом ухудшении условий существования основной части человечества за счет ускорения развития и роста благосостояния его абсолютного меньшинства. В результате «третий мир» стал еще острее переживать свою экономическую отсталость и еще активнее противодействовать насаждению западных ценностей [Латов Ю.В., 2007, с. 30], что породило новые формы конфликтов и насилия, привело к социальному распаду целых обществ и слабости государств [Labévière R., 2016; Rollinat R., 2016]. Таким образом, глобализация явилась стимулом терроризма, вписывавшегося в ее логику и являвшегося

¹ Хезболла – военизированная шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Хезболла. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0>

² ХАМАС (Исламское движение сопротивления) – палестинское исламистское движение и политическая партия, правящая в секторе Газа (с июля 2007 г.). Хамас. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A1>

³ Аль-Каида (образована в 1990 г.) – одна из самых крупных ультрапардикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама. После вывода советских войск из Афганистана Аль-Каида направила острое борьбы против стран «западного мира» и их сторонников в исламских странах. Целью организации является свержение светских режимов в исламских странах, создание «Великого исламского халифата». Decent Work Indicators. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%9A%D0%B0%D0%B8%D0%B4%D0%B0>

необходимым элементом современного глобализованного капитализма, оправдывающим и поддерживающим его эволюцию [Воронович В., 2005; Labévière R., 2016].

Именно в условиях глобализации всех мировых процессов, появления новых информационных технологий и массовой миграции населения термин «международный терроризм» приобрел современное звучание¹ [Латов Ю.В., 2007, с. 30; Medero G.S., 2011].

Современный международный терроризм характеризуется геополитическими масштабами; интернационализацией состава участников террористических организаций; установлением устойчивых связей террористических структур с транснациональной организованной преступностью; стремлением террористических структур овладеть территориями с богатыми природными ресурсами; способностью оказывать существенное влияние на межгосударственные отношения, приобретая, по существу, свойства негосударственных субъектов мировой политики; активными попытками овладения оружием массового уничтожения для его возможного использования; связью терроризма с наемничеством; ростом технической оснащенности ряда террористических группировок; попытками лидеров некоторых террористических организаций придать своей деятельности видимость национально-освободительной борьбы; появлением новых видов терроризма, в частности информационного и электронного [Сирота Н.М., Мохоров Г.А., 2011, с. 123; Тимофеева О.Ф., 2014, с. 5–6].

Фактически международный терроризм занял место «главного врага», в борьбе с которым объективно заинтересованы структуры ВПК разных стран и опирающиеся на них политики. Именно под лозунгом борьбы с международным терроризмом США в 2000-е годы расширили свою сферу влияния, осуществив в Ираке и Афганистане операции по свержению наиболее непримиримых антиамериканских режимов [Алиев И.М., 2009; Грачев С.И., Колобов О.А., 2009].

Привлекательность международного терроризма как инструмента реализации внешнеполитических интересов государств определяется его малозатратностью, эффективностью, анонимностью, уходом от возможных санкций мирового сообщества или

¹ В 1960-х годах термином «международный терроризм» характеризовалась борьба наиболее радикальных политических группировок с правящими режимами, правительствами или представителями других политических и общественных взглядов. – *Прим. авт.*

ответных действий потерпевшей стороны. Некоторые специалисты допускают, что за современным терроризмом стоит, прежде всего, попытка территориального передела мира. Даже считающиеся сегодня демократическими государства используют международный терроризм для разрушения существующих структур, нарушения сложившихся военно-политических балансов сил, перекраивания зон влияния и взаимодействия. В последующем такие государства стремятся заполнить образовавшиеся геополитические пустоты, вклинившись в те или иные региональные структуры в качестве регулирующей силы в управляемом конфликте. Не исключена также возможность, что терроризм используется как тайное оружие США против экономических конкурентов [Алиев И.М., 2009; Грачев С.И., Колобов О.А., 2009; Крылов А.А., Латов Ю.В., 2011, с. 124; Латов Ю.В., 2007, с. 31]. Есть множество примеров, подтверждающих, что целями террористов, особенно на Среднем Востоке и в Африке, все чаще и чаще становится контроль над природными ресурсами. При этом речь идет не столько о прямом захвате территорий, сколько о контроле над зонами влияния или снабжения нефтью и сырьем [Rollinat R., 2016].

Таким образом, согласно геоэкономическому подходу, на смену противостоянию Востока и Запада времен «холодной» войны пришло противоборство между «богатым Севером» и «бедным Югом», одной из форм которого является современный терроризм [Латов Ю.В., 2007, с. 30–31; Labévière R., 2016].

Национально-ориентированный подход. Уровень терроризма в разных странах, даже принадлежащих к одной цивилизации, значительно различается. Внутренние причины терроризма многообразны и связаны с различными сферами жизни общества (экономической, социальной, политической, религиозной и др.).

Наиболее благоприятными для возникновения терроризма и активизации террористической деятельности являются экстремальные условия, переходные этапы развития общества, его кризисное состояние. В такие периоды из-за разрушения существующей системы ценностей создается определенный эмоциональный фон, а базовые отношения и социальные связи характеризуются неустойчивостью и жесткими конфликтами. В результате в массовом сознании формируются настроения неуверенности, неоправдавшихся ожиданий, страха, озлобленности и агрессивности. В такой атмосфере легко воспринимаются экстремистские призывы к акциям протеста.

Подобная ситуация сложилась в России в 1990-е годы. В результате реформ произошло общее снижение реального уровня жизни населения в сочетании с усилением социальной дифференциации в обществе. Отдельные социальные и профессиональные группы населения (интеллигенция, научно-технические кадры и др.) потеряли свой общественный статус. Слабость системы социальной поддержки и отсутствие значительных денежных накоплений у населения, стагнация некоторых регионов (в частности моногородов), население которых вынуждено мигрировать, в условиях неразвитости рынка жилья обострило многие проблемы и способствовало росту социальной напряженности [Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П., 2007]. В этих условиях повысилась активность террористических группировок в ряде регионов, в первую очередь в Северокавказском, который и в настоящее время остается основной зоной базирования и действий террористических группировок. Таким образом, по мнению ряда специалистов, основную роль в возникновении терроризма играют социальные противоречия, не получившие своевременного разрешения и достигшие конфликтной формы [Воронович В., 2005; Зеленков М.Ю., 2016; Тимофеева О.Ф., 2014, с. 3].

Чисто экономическими факторами, создающим питательную среду для терроризма, принято считать низкий уровень жизни, высокое имущественное неравенство, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. О том, что на путь террора людей толкают бедность и безработица, регулярно говорят руководители северокавказских регионов. Однако все большее число специалистов приходят к выводу об отсутствии прямой корреляции между социально-экономическими условиями (в частности, бедностью, дифференциацией доходов и низким уровнем образования) и распространенностью терроризма. Наоборот, в некоторых случаях наблюдается противоположное явление – богатые и образованные люди чаще становятся террористами, чем бедные и малограмотные. Это объясняется тем, что более образованные люди из обеспеченных семей чаще склонны участвовать в политической жизни отчасти потому, что политическая активность требует определенного уровня заинтересованности, знаний и готовности тратить силы и время в защиту своих политических идеалов. У необразованных и бедных на подобные занятия просто не хватает сил, средств и времени. Кроме того, международные террористические организации могут отдавать предпочтение более образованным лицам из высшего и среднего класса, так как последним будет намного легче

проникнуть в новую среду, создать сеть сторонников и осуществить теракт [Ким А., 2010; Шмид А., 2006, с. 68].

Например, население большинства стран Тропической Африки не проявило себя в активной террористической деятельности в отличие от таких стран, как Кувейт и Саудовская Аравия, имеющих гораздо более высокие показатели дохода на душу населения [Сирота Н.М., Мохоров Г.А., 2011, с. 124–125]. Многие из тех, кто совершил теракт 11 сентября 2001 г., были образованными людьми, принадлежавшими к среднему классу и не испытывавшими крайней нужды.

При этом чаще сталкиваются с проявлениями терроризма страны со средним, чем с высоким уровнем политической свободы, или страны с авторитарным или тоталитарным режимами. Кроме того, как показывает опыт Испании в 1980-е годы и России в 1990-е годы, переходный период от авторитарного режима к демократии сопровождается ростом террористической активности, которая затем идет на убыль. Ю.В. Латов интерпретирует этот результат как доказательство доминирования международно-политических детерминант терроризма над национально-экономическими. Открытость и политическая свобода создают возможность для проникновения в страну извне идеологии и организационных структур террористических организаций почти независимо от социальных и экономических факторов национального хозяйства, высокий уровень демократии уменьшает склонность граждан к насилиственным мерам политической борьбы [Латов Ю.В., 2007, с. 32].

Иначе объясняют влияние национальных факторов на развитие терроризма в отдельных странах сторонники неоинституциональной теории, в частности перуанский экономист Э. де Сото. Опираясь на эмпирические данные, де Сото доказал, что причины нищеты, отсталости и разгула терроризма в Перу¹ коренятся в несовершенстве законов о собственности и бюрократизации экономики. Административные барьеры, отсекающие небогатых граждан от предпринимательства, вынуждали одних уходить в нефор-

¹ В стране активно действовала террористическая организация маоистского толка «Сендеро Луминoso» (Sendero Luminoso), основанная в 1960 г. В 1980-е годы «Сендеро Луминoso» контролировала довольно большие территории особенно в районе Анд, организовывала политические убийства лидеров других левых групп, местных политических партий, профсоюзов и крестьянских организаций, проводила атаки на инфраструктуры. Сендеро Луминoso. – Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/Sendero_Luminoso

мальный сектор экономики¹, а других идти в политический террор. Если беднякам дать возможность легально заниматься мелким бизнесом, питательная база терроризма исчезнет [Латов Ю.В., 2007, с. 33; Трудолюбов М., 2001].

Таким образом, хотя современный терроризм является в своей основе геоэкономическим феноменом, на степень его развития в конкретной стране влияют и особенности национальных экономических моделей. Наиболее активно он развивается в «пропалившихся» государствах (Ливан, Колумбия, Афганистан, Ирак, отчасти постсоветская Россия), где правительство не смогло обеспечить основной массе населения базовые общественные блага (безопасность, защиту прав собственности). При этом если геоэкономическая трактовка причин терроризма предполагает, что успешная антитеррористическая политика возможна только на международном уровне, то неоинституциональный подход показывает возможности национальных правительств [Латов Ю.В., 2007, с. 33].

Экономический анализ террористического поведения. Принципы экономического анализа преступных видов деятельности, одним из которых является терроризм, заложил американский экономист Г. Беккер. В опубликованной в 1968 г. статье «Преступление и наказание: экономический подход»² он предложил новый подход к изучению преступности, основанный на неоклассической методологии экономико-математического моделирования.

Беккер рассматривает преступника как рационального экономического агента, обладающего стратегическими компетенциями, которые позволяют ему управлять и координировать свои действия для достижения поставленных целей. Преступник, как и любой законопослушный индивид, стремится к максимизации ожидаемой полезности, т.е. наиболее эффективному использованию имеющегося в его распоряжении человеческого и физического капитала. Таким образом, по Беккеру, выбор индивидом преступной деятельности является обычным инвестиционным решением в условиях риска и неопределенности.

¹ На официальную регистрацию магазина одежды с одним работником уходило в среднем 289 дней плюс лицензия ценой 1230 долл. Для получения разрешения на строительство на государственной земле уходило шесть лет плюс почти год на утверждение всех бумаг. Для легализации частного извоза – 26 месяцев [Трудолюбов М., 2001].

² Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. – Chicago, 1968. – Vol. 76., N 2. – P. 169–217.

Преступление всегда сопряжено с риском, поэтому при прочих равных условиях полезность совершенного преступления будет для преступника тем выше, чем больше он склонен к риску. Выгоды, получаемые преступником, определяются разностью между доходами от нелегальной и легальной деятельности. Основной элемент издержек преступной деятельности связан с перспективой наказания. Чем выше вероятность поимки и суровее наказание, тем выше издержки преступной деятельности и тем слабее стимулы к выбору этой деятельности. Таким образом (согласно Беккеру), ключевыми факторами, влияющими на поведение преступника, являются ожидаемая выгода от преступления, тяжесть наказания, вероятность наказания и склонность преступника к риску. Один из практических выводов из этой модели состоит в том, что большинство преступников – это индивиды, склонные к риску, поэтому сокращению уровня преступности в большей степени будет способствовать увеличение на 1% вероятности наказания, нежели увеличение на 1% его тяжести.

Подход Беккера, предполагающий рациональность действий индивидов, оказал большое влияние на восприятие криминологами поведения преступников, среди которых преобладало мнение, что в основе преступного поведения лежит иррациональность и аморальность (врожденные или приобретенные) его носителей. Иными словами, индивиды делятся не на «сознательных» и «несознательных» (по природе или воспитанию), а на тех, кому выгодно быть законопослушным, и тех, кому выгоднее нарушать закон [Киреев Н.В., 2013, с. 92–93].

Исходя из концепции рационального индивидуализма, члены террористической группы имеют общую цель, состоящую в максимизации полезности, образующейся в результате потребления общих благ, созданных в ходе террористической и легальной деятельности. Чтобы произвести общие блага, террористическая группа должна сделать выбор между террористической и легальной деятельностью; между различными террористическими тактиками (выбор способа атаки и цели); между различными легальными действиями. При этом расходы террористической группы не должны превышать доход от терроризма или ресурсы группы. Расходы, связанные с террористической деятельностью, равны цене единицы «производимой» продукции (террористического акта), которая включает стоимость затраченного на его проведение времени и необходимых для его осуществления ресурсов [Lericolais M., 2011, с. 52].

Определенный вклад в экономический анализ терроризма внесла теория игр, обогатившая экономический анализ терроризма и позволившая полнее раскрыть его суть. Вводя в модель еще одного игрока – правительство – теория игр раскрывает стратегическое взаимодействие сторон при принятии решений экономического характера: террористы при планировании своих действий оценивают затраты и выгоды различных способов атак, а правительства должны оценить и наилучшим образом распределить ресурсы борьбы с терроризмом. В этом противостоянии террористы навязывают правительству определенные затраты, а правительство, в свою очередь, может попытаться их не допустить или хотя бы минимизировать. Этот подход показывает, что решения, принимаемые одной стороной, влияют на решения другой. Терроризм, таким образом, сводится к игре двух взаимодействующих экономических агентов [Lericolais M., 2011, с. 53].

Теория игр, учитываяющая просчитанность террористических действий, позволяет выйти за рамки функции полезности и показывает возможность возникновения ситуаций, сходных с дилеммой заключенного. В некоторых случаях государство, у которого есть возможность воспользоваться защитой других государств, вкладывающих средства в борьбу с терроризмом, может отказаться от такого противоборства. Теория игр также показывает, что жесткие антитеррористические меры, принимаемые непосредственно после прихода определенного правительства к власти, существенно снижают террористические атаки, объектом которых оно может быть [Dépigny M., 2009, р. 4; Lericolais M., 2011, р. 63–64].

Хотя экономический анализ террористического поведения может показаться слишком упрощенным, он в некоторой степени подтверждается реальной жизнью. Ряд эконометрических исследований влияния антитеррористических мер на поведение террористов показали, в частности, что установка металлодетекторов в аэропортах (с 1972 г.) привела к значительному сокращению терактов на воздушном транспорте. [Иноземцев В., 2016].

Многие специалисты по менеджменту подчеркивают, что террористические акты совершаются отнюдь не под влиянием иррациональных индивидуальных побуждений. Практика подтверждает, что террористические организации руководствуются в своей деятельности стратегическим подходом, схожим со стратегическим планированием западных корпораций [Durmarque D., Rappin B., 2016, р. 299].

Анализ документов террористических организаций, таких, например, как «Аль-Каида», провозглашавшей своей целью разрушение экономики США и других западных стран, показывает, что для ее достижения руководители организации планировали вынудить США тратить огромные средства на защиту своих экономических и государственных структур. Эти планы не производят впечатления ни произвольных, ни импульсивных [Dépigny M., 2009, р. 3] и вызывают ассоциации с навязанной Советскому Союзу западными странами гонкой вооружений, которая, в конечном счете, послужила одной из причин распада СССР.

Финансовые документы «Аль-Каиды» показывают, что группировка пользовалась современными методами финансового управления источников доходов и расходами, создав для этой цели специальную финансовую службу. Для поддержания возможностей организации в регионах ее деятельности в Ираке была также создана инфраструктура распределения доходов между подразделениями организации [Новые риски финансирования..., 2015, с. 18], что лишний раз подтверждает способность террористических организаций рационально планировать свою деятельность.

ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), изначально представлявшая собой конгломерат экстремистских группировок, исламистских теоретиков и бывших активистов партии БААС, за исторически короткий срок (немногим более десятилетия) сумела не только предложить социально привлекательную идею создания «всемирного халифата», но и, воспользовавшись ситуацией, возникшей в регионе после американского вторжения в Ирак, «арабской весны» и сирийского кризиса, взять под контроль территорию в Ираке и Сирии примерно в 50–70 тыс км^2 с населением в 6–7 млн чел., опираясь на долгосрочную стратегию постепенного распространения своего влияния с последующим захватом территорий, включающую несколько этапов [Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня..., 2015, с. 5].

На первом этапе предполагается устройство территорий-убежищ (*sanctuaire*); на втором обеспечивается явная или тайная поддержка находящегося поблизости «провалившегося» государства (*état échoué*) или государства, включающего значительные «серые зоны», т.е. зоны, фактически им не контролируемые, через которые осуществляется транзит людей, материальных ценностей и капиталов; на третьем этапе также поблизости определяется целевая зона дестабилизации, которая характеризуется либо слабо-

стью государства, либо наличием «серой зоны», имеющей выход на несколько целевых на данный момент государств.

Последовательность этапов неукоснительно соблюдается. После завершения третьего этапа террористические группы используют целевую зону как новую территорию-убежище, заново повторяя весь процесс, опираясь на те же самые «провалившиеся государства» или «серые зоны», которые использовались на втором этапе. Эта стратегия «блошиных прыжков» (*sauts-de-ruse*) позволяет выявить слабости разведывательных служб государств каждого региона и действовать в обход них [Gaïzere D., 2015].

Своеобразный вариант модели террористической деятельности в рамках институциональной теории, рассматривающей преступление как разновидность рискованного бизнеса, предлагают М.П. Киреев и З.И. Тагиров. В основе модели лежит понятие силового предпринимательства, которое определяется как набор решений и стратегий, позволяющих на постоянной основе конвертировать организованную силу в деньги или иные рыночные блага (ценные бумаги, недвижимость, имущество, и т.д.). Основным ресурсом силового предпринимательства является социально организованная сила или физическое насилие, как реальное, так и потенциальное.

Предлагаемая модель террористической атаки является трехступенчатой: 1 ступень – выдвижение политических, экономических или иных требований с угрозой в случае их невыполнения парализовать всю экономическую систему страны; 2 ступень – демонстрационная атака (или ее угроза) на отдельную экономическую структуру и парализация ее действий; 3 ступень – повторение требований уже в более жесткой форме с опорой на эффект реальной или возможной демонстрации силы [Киреев М.П., Тагиров З.И., 2016, с. 53–54].

Однако стоит отметить, что авторы никак не комментируют возможность практической реализации этой модели и, соответственно, не предлагают мер, которые государство могло бы применить для блокирования развития подобной ситуации.

Несмотря на определенные недостатки экономического подхода к анализу террористической деятельности (основной аргумент его критиков – игнорирование таких фундаментальных характеристик терроризма как создание атмосферы страха и угрозы для населения) [Dépigny M., 2009, p. 2; Lericolais M., 2011, p. 58–59], безусловной заслугой сторонников этого подхода является акцент на рациональность действий террористических организаций. Это

позволяет с большей вероятностью определить потенциально уязвимые объекты террористических атак и способы их совершения.

С учетом целей терроризма (посеять страх, панику, дестабилизировать обстановку в стране), объектами террористической атаки являются места концентрированного проживания и постоянного пребывания населения; места массового скопления людей (рынки, магазины, массовые мероприятия); опасные производства с выбросом химически опасных веществ в районах проживания больших масс населения (хлор, аммиак, окись азота и др.) и образованием зон химического заражения; ядерные установки и другие объекты производства, транспортировки и использования атомной энергии с образованием обширных зон радиоактивного загрязнения; воздушный, железнодорожный, речной, автомобильный транспорт, метрополитен; трубопроводные системы с утечкой больших масс опасных веществ и образованием обширных площадей загрязнения и возгорания; система водоснабжения и водоочистные сооружения; коммунально-энергетические сети городов. В зависимости от объекта теракта террористы прибегают к убийствам, взятию заложников, организации взрывов, аварий, пожаров [Киреев М.П., Кубрицкий В.В., Журих А.П., 2011, с. 127–128].

Государство, в свою очередь, может принять меры противодействия терроризму в пассивной или активной формах. Пассивный ответ подразумевает введение технологических барьеров, усиленную защиту целей террористических атак, принятие более жестких антитеррористических законов и введение более сурового наказания за террористические действия, увеличение расходов на антитеррористическую борьбу и использование международных соглашений. К активным мерам относятся полицейские рейды, упреждающие удары, внедрение в террористические группы и действия под прикрытием [Lericolais M., 2011, с. 53–54].

События последних десятилетий в целом доказали, что, какую бы политическую мотивацию ни выдвигали теоретики терроризма, его подоплека всегда носит экономический характер. Конечной целью приверженцев терроризма является изменение экономических отношений в обществе и перераспределение собственности [Грачев С.И., Колобов О.А., 2009]. Насилие в любой форме, в том числе и террор, является следствием рационального поведения, в основе которого лежит погоня за прибылью и эффективностью, а террористические группы, подобные «Аль-Каиде», руководствуются отнюдь не идеологическими соображениями, а

возможностью получить социальный и экономический капитал [Pongo M.K., Landry T., 2005, р. 1, 3].

Финансирование терроризма. Террористические организации нуждаются в средствах не только для осуществления конкретных террористических операций, но и для обеспечения текущей деятельности организации и для ее развития.

Основными направлениями использования денежных средств террористическими организациями являются: проведение самих терактов (осуществление предварительной разведки, обеспечение исполнителей автотранспортом, оружием, фальшивыми документами и т.д.); пропаганда и вербовка (издание журналов и газет, приобретение доменных имен в Интернете, администрирование веб-сайтов); обучение и подготовка боевиков (приобретение участков, помещений и оборудования для тренировочных лагерей); выплаты денежного содержания руководству и членам организации, а также компенсаций семьям арестованных или погибших членов [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 53]. Террористическим организациям также необходимо оплачивать расходы на ведение внешне законной социальной или благотворительной деятельности, служащей прикрытием. При этом самая существенная часть расходов террористической организации связана с обеспечением текущей деятельности организации, поскольку расходы на осуществление собственно террористических актов относительно невелики. Так, расходы на теракты в транспортной системе Лондона в июле 2005 г. составили 8 тыс. фунтов стерлингов; взрыв бомб в Мадриде в марте 2004 г. – 10 тыс. долл.; взрыв начиненных взрывчаткой грузовиков в Стамбуле – 40 тыс. долл. [Финансирование терроризма, 2008].

Классификации источников финансирования терроризма. Одни специалисты разделяют источники финансирования на внешние (помощь иностранных государств и спецслужб, пожертвования негосударственных акторов (частных лиц и различных организаций) и внутренние (самоснабжение за счет легальных и нелегальных источников). До конца XX в. главную роль в финансировании терроризма играла помощь иностранных государств и спецслужб. В 1990–2000 гг. им на смену постепенно пришли, главным образом, благотворительные и неправительственные организации и частные лица при одновременной диверсификации источников финансирования. В настоящее время деньги террористам поступают чаще всего небольшими суммами из многих источников [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 53–54].

Другие специалисты соотносят источники доходов с видами деятельности террористической организации, выделяя три ее основные категории: законная предпринимательская деятельность (которая сама по себе не считается нелегальной); нелегальная деятельность, доходы от которой получены в нарушение или в обход закона; уголовная преступная деятельность [Наполеони Л., 2006, с. 34].

Законная предпринимательская деятельность включает получение прибыли от компаний, контролируемых террористическими группами. Например, «Аль-Каида» инвестировала средства в создание сельскохозяйственных предприятия в Кении, развитие лесного хозяйства в Турции для последующей вырубки и продажи древесины, в создание строительных предприятий. Прибыль от этих предприятий использовалась для финансирования террористической деятельности. Испанская ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna, ETA) создала целую сеть компаний в различных секторах экономики (полиграфическое производство, оптовая продажа продуктов широкого потребления, консультирование и управление, страхование, туристические услуги). Террористические организации также активно вкладывают средства в сектор недвижимости [Medero G.S., 2011].

По данным Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (Financial Action Task Force FATF), в ходе ряда расследований правоохранительными органами была установлена связь между дилерскими центрами по продаже подержанных машин и сетями ресторанов с одной стороны и террористическими организациями с другой. Полученные от деятельности предприятий доходы легализовывались с использованием сложной схемы отмывания денег, а затем направлялись террористическим группировкам [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 30]. В большинстве случаев легальные предприятия служат террористическим организациям для маскировки источников происхождения средств, которые поступают либо непосредственно от самих террористов, либо из какого-либо нелегального источника [Medero G.S., 2011].

Вторым легальным источником получения средств являются *пожертвования частных лиц*, в том числе самих террористов и их сообщников (заработка плата, сбережения и социальные выплаты)¹.

¹ Анализ уголовных дел и судебных процессов, связанных с финансированием терроризма, проходивших в США с 2001 г., показывает, что примерно в 33% этих случаев имела место прямая финансовая поддержка террористических сетей частными лицами [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 21].

Денежные переводы от граждан, проживающих за рубежом, осуществляются либо непосредственно, либо через специально созданные учреждения, такие как Комитет помохи Северной Ирландии (Норэйд) для финансирования Временной ирландской республиканской армии (ИРА) [Наполеони Л., 2006, с. 34]. Важнейшим источником финансирования исламских группировок служат регулярные (закят) и добровольные (садака) пожертвования верующих на благотворительные нужды, обязательные для всех правоверных мусульман. Закят не подлежит проверке со стороны государства [Medero G.S., 2011].

Третиим значительным легальным источником поступлений средств, особенно от мусульманских сообществ в Европе, Иране, Пакистане, Судане и Саудовской Аравии, являются *пожертвования благотворительных организаций*, имеющих гуманитарные цели (строительство школ, мечетей, культурных центров, перевод текстов и т.д.) через исламские банки.

В упрощенном виде схема перевода «исламских пожертвований» от частных лиц, компаний и финансовых институтов выглядит следующим образом. Средства легально переводятся банком на счета головных благотворительных организаций, затем (тоже часто легально) – в местные отделения соответствующих фондов, где они дробятся и различными путями поступают в распоряжение радикальных группировок. На этом этапе происходит делегализация денег, т.е. «чистые» деньги превращаются в «грязные». При такой системе трудно проследить путь прохождения денежных переводов, их настоящий источник, а главное – конечного получателя.

К началу 2000-х годов наиболее развитую международную сеть сбора и перераспределения средств имела «Аль-Каида». Основная часть ее бюджета поступала из формально легальных источников, прежде всего закята, а также в виде доходов от законной экономической деятельности, личного состояния семьи Бен Ладенов. По некоторым оценкам, за 1990-е годы общий объем средств, собранных в виде закята и переправленных «Аль-Каиде» через благотворительные организации и другими путями, эквивалентен 300–500 млн долларов [Степанова Е., 2005].

Учитывая доступность и анонимность Интернета и быстрое распространение социальных сетей, террористические группировки все шире используют их не только для пропаганды своих идей, но и для сбора денежных средств среди сторонников во всем мире. Так, ИРА поддерживает страницу в Интернете, на которой посе-

тители могут сделать взносы с кредитных карт; чеченские террористы распространяли через Интернет номера банковских счетов, на которые сочувствующие могли перечислить деньги. Суннитская группировка «Hizo Al-Tahir» рассыпает лицам, посещающим определенные веб-сайты, счета на оказание экономической помощи [Medero G.S., 2011]. Широко использует Интернет и социальные сети для сбора пожертвований и ИГИЛ [Rapport du Secrétaire général., 2016, р. 8/27].

Случай сбора средств на террористическую деятельность с помощью социальных сетей зафиксирован и в Красноярском крае. В Минусинске в 2013 г. по обвинению в призывах к публичному оправданию терроризма в социальной сети была арестована пользователь социальной сети «ВКонтакте», которая параллельно собирала через Интернет деньги якобы для помощи семьям погибших или арестованных исламистов. По данным УФСБ, было собрано более 1 млн руб., причем деньги планировалось потратить не на помощь вдовам, а на подкуп тех, кто занимался делами задержанных или осужденных террористов [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 55].

Нелегальная деятельность. Одним из наиболее распространенных способов нелегального получения иностранной валюты от международных организаций и правительств является перевод активов, т.е. перераспределение внешней помощи или существующих активов в пользу вооруженных групп. Он может осуществляться в различных формах, в частности в виде «таможенной пошлины», т.е. введения дорожного налога на контролируемых террористическими группами территориях. Так, во время войны в Боснии боснийские хорваты взимали налог в 27% с международной помощи, проходившей через их территорию в центральную Боснию [Наполеони Л., 2006, с. 36].

Однако самым крупным источником доходов террористических организаций остается широчайший спектр преступных деяний.

Показательны в этом плане источники доходов ИГИЛ, в основе финансовой стратегии которого лежит контроль над территорией, обеспечивающий самофинансирование организации и диверсификацию ресурсов. В 2014 г. в целом доходы ИГИЛ составляли 2,9 млрд долл., в 2015 сократились до 2,4 млрд долл, что в основном связано с существенным снижением нефтяных доходов в результате воздушных ударов сил коалиции и России и дезорганизации продажи и перевозки нефти.

В 2014 г. основным источником средств являлась эксплуатация природных и экономических ресурсов захваченных терри-

торий, в том числе нефтяных месторождений, нефтеперерабатывающих заводов, сельскохозяйственных земель. Нефтяные доходы ИГИЛ в 2014 г. составили около 1 млрд долл., сократившись по указанным выше причинам до 400–500 млн долл. в 2015 г. [Rapport du Secrétaire général.., 2016, p. 6–27; Le financement de l’Etat islamique.., 2016, p. 10]. Их доля в общих доходах организации составляла соответственно 38 и 25% [Le financement de l’Etat islamique.., 2016, p. 10].

В 2015 г. основным источником финансирования ИГИЛ стало вымогательство. С учетом различных налогов (на заработную плату иракских и сирийских чиновников, проживающих на контролируемых территориях, получавших зарплату от своих правительств большую часть 2015 г.; таможенный сбор с грузовиков, въезжающих на подконтрольную территорию, сельскохозяйственный налог, налог на экономическую деятельность и доходы; налог на защиту религиозных меньшинств); периодических платежей (за воду, электроэнергию, телефон и др.); штрафов за любое нарушение законов шариата и конфискаций с последующей продажей покинутых домов в 2015 г. Вымогательство принесло ИГИЛ 800 млн долл. (33% общих доходов организации) против 360 млн долл. в 2014 г. (12% доходов) [Le financement de l’Etat islamique.., 2016, p. 15]. При этом ИГИЛ стремится легализовать эту систему, утверждая, что речь идет о закяте [Rapport du Secrétaire général.., 2016, p. 6/27].

Для финансирования своих акций ИГИЛ с самого своего создания прибегает к похищениям предпринимателей, политических и религиозных деятелей региона, а также иностранцев для получения выкупа. Этим способом в 2014 г. ИГИЛ «заработало» 120 млн долл. Хотя в 2015 г. эта цифра несколько сократилась из-за отъезда из региона иностранцев, ИГИЛ не отказалось от этой практики. В начале 2015 г. в Сирии было похищено 200 христан-ассирийцев, выкуп за которых составил несколько миллионов долл. ИГИЛ также регулярно похищает езидов, цена освобождения которых доходит до 4 тыс. долл. за человека. Торговля женщинами и детьми приносит организации небольшой доход (100 млн долл. в 2015 г.), поскольку цена на сексуальную рабыню составляет 40–165 долл. [Le financement de l’Etat islamique.., 2016, p. 19].

Завладение внутренними активами, осуществляемое в форме разбоя, вымогательства, грабежа наносит большой вред традиционной экономике, паразитируя на ее ресурсах. В 1970-х годах политика вымогательства и грабежа, проводимая ЭТА, привела к исчезновению Страны Басков в Испании [Medero G.S., 2011].

Незаконная торговля антиквариатом также не играет существенной роли в финансировании ИГИЛ. Отдавая себе отчет в рыночной стоимости археологических находок, ИГИЛ создало специальное бюро, занимающееся раскопками, «легализовав» таким образом, массовый и систематический грабеж мест раскопок. Бюро либо выдает разрешения на проведение раскопок и продажу найденных объектов (эта деятельность облагается налогом в 20–50%), либо производит раскопки и продажу самостоятельно. В результате, многие официально объявленные уничтоженными артефакты становятся источником прибыли. Они нелегально переправляются в Турцию или Иорданию, а затем всплывают на международных рынках антиквариата. Но большая часть экспонатов в настоящее время хранится на складах свободных портов и поступит на рынок через несколько лет, когда их действительное происхождение будут труднее установить. По данным ЮНЕСКО множество мелких антикварных объектов (монет, статуэток, украшений) вывезены из Ирака и Сирии и продаются коллекционерам на электронных аукционах на веб-сайтах, подобных eBay, или на специализированных сайтах [Rapport du Secrétaire général., 2016, p. 7/27]. В 2015 г. ИГИЛ получила от незаконной продажи антиквариата около 30 млн долл., т.е. 1% общих доходов. [Le financement de l'Etat islamique., 2016, p. 20].

Международные террористические организации, стремясь перейти на самоснабжение, активно включаются в транснациональную преступную деятельность общеуголовного характера (наркотрафик и другие виды контрабанды, нелегальный перевод денег). Наличие у международных террористических и преступных организаций общих черт (они нелегальны, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии, действуют одновременно в разных странах) помогает террористическим группировкам успешно внедряться в типичные для международной организованной преступности криминальные виды деятельности. Так, РВСК получает около 300 млн долл. в год от продажи кокаина [Medero G.S., 2011]; из общих доходов «Талибана» за 2011–2012 гг., составивших 400 млн долл., треть поступила от торговли опиатами [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 25]; повстанческие группировки Западной Африки активно участвуют в контрабанде алмазов. При этом чем крупнее террористические организации, стремящиеся создать систему финансового самоснабжения, тем активнее они участвуют в международной контрабанде (обычно в произ-

водстве и экспорте наркотиков, но возможны и другие варианты [Наумов Ю.Г., Латов Ю.В., 2016, с. 55].

Существует множество других форм незаконной деятельности, приносящей террористам значительные доходы. В частности, в последнее время террористы все чаще прибегают к хищению персональных данных для получения денег путем мошеннического использования кредитных карт, а также страхового (инсценировки дорожно-транспортных происшествий) и кредитного мошенничества [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 24, 26].

Некоторые специалисты рассматривают терроризм как особый вид *прибыльного бизнеса*. Террористические организации, имея точную информацию о месте и времени проведения крупного теракта, могут получить значительную прибыль. По некоторым данным, партнеры Бен Ладена использовали информацию о готовящемся 11 сентября 2001 г. теракте для спекуляций на биржевом рынке. Этот факт частично подтверждается Международной организацией комиссий по ценным бумагам (Organisation Internationale de Commissions de Valeurs, IOSCO), которая пришла к заключению о том, что прибыли, полученные в течение нескольких дней перед терактом, выросли на несколько сотен миллионов долларов, что свидетельствует об использовании инсайдерской информации [Medero G.S., 2011].

Другое прибыльное для террористических организаций направление – заказные проекты крупных международных корпораций, заинтересованных либо в устраниении конкурентов, либо в изменении бизнес-климата в определенных регионах мира с помощью диверсионных акций [Грачев С.И., Колобов О.А., 2009]. Хотя установить заказчиков таких проектов довольно сложно, в литературе неоднократно упоминалось о ситуации со строительством газо- и нефтепроводов через территорию Афганистана к пакистанскому побережью Индийского океана. Эту идею поддержали многие заинтересованные иностранные компании, прежде всего американская «Юнокал». С началом обсуждения деталей этого проекта «совпала» активизация деятельности движения «Талибан», которому компания «Юнокал» выделила 25 млн долл. «пожертвований и дарений» из своего легального бюджета, для того чтобы выиграть контракт на строительство этого трубопровода [Наполеони Л., 2006, с. 43], хотя в конечном итоге проект не был реализован.

Подобный случай был выявлен в Колумбии в ходе расследования в отношении высокопоставленных сотрудников итальянско-аргентинской нефтяной компании SICIM, поводом для которого

послужили их связи с колумбийскими группировками Армией национального освобождения (АНО) и Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК). Генеральная прокуратура нашла косвенные свидетельства того, что сотрудники SICIM поручили АНО с помощью вымогательства и вывода оборудования из строя устраниТЬ конкурентов – другие нефтяные компании, работающие в регионе [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 65–66].

Способы перевода денежных средств. Для перевода незаконных денежных средств террористические организации используют такие традиционные способы как банковский сектор, огромные размеры которого предоставляет им и лицам, финансирующим терроризм, возможность «смешивать» их переводы с нормальной финансовой деятельностью, не привлекая к ним внимание, а выбирать также платежные системы, предусматривающие высокую степень конфиденциальности и возможность удаленного управления счетами.

Иногда перемещение денег осуществляется в несколько этапов: собранные средства пересылаются через серию электронных переводов, а затем снимаются наличными для дальнейшей перевозки курьерами. Для разрыва цепочки и скрытия источника денег и их конечных получателей наличные деньги вновь кладутся на другие счета. Чтобы избежать подозрений, деньги также направляются через несколько юрисдикций или посылаются через транзитные соседние страны [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 53–54].

В то же время вместе с развитием технологий развиваются как новые платежные продукты и услуги, так и способы финансирования терроризма, многие из которых схожи с методами отмывания денег, используемыми организованными преступными группировками. Так, виртуальные валюты, такие как биткоин, с одной стороны, открывают широкие возможности для инноваций в финансовом секторе, с другой – привлекают внимание различных преступных группировок, поскольку эта технология позволяет осуществлять анонимные переводы денежных средств в международном масштабе. Хотя факт исходного приобретения валюты может быть установлен (например, в банковской системе), выявление всех ее последующих переводов затруднено. Например, пост в блоге, связанном с ИГИЛ, предлагал использовать биткоины для финансирования международной экстремистской деятельности. По наблюдениям Секретной службы США, преступники ищут и находят виртуальные валюты, которые обеспечивают анонимность как поль-

зователей, так и операций; позволяют быстро переводить незаконные доходы из одной страны в другую; характеризуются невысокими колебаниями обменных курсов, что снижает риски обменных операций; широко принимаются в уголовном мире; пользуются доверием [Новые риски финансирования терроризма, 2015, с. 57, 59].

Экономические последствия терроризма. Экономический ущерб от терроризма делится на прямой и косвенный. Прямой ущерб, относительно легко поддающийся оценке, включает стоимость разрушенных или поврежденных объектов, затраты на их восстановление, эвакуацию людей и оборудования, уборку мусора, компенсации членам семей погибших и т.д. Косвенный ущерб (падение деловой активности в некоторых секторах, замедление экономического роста, сокращение инвестиций, увеличение расходов на обеспечение безопасности и т.д.) отложен во времени, поэтому долгосрочные экономические потери могут намного превышать прямые.

Согласно расчетам IEP, ущерб, нанесенный терроризмом мировой экономике в 2015 г., составил 89,6 млрд долл., т.е. сократился на 15% по сравнению с рекордным 2014 г. (105,6 млрд долл.). В целом потери мировой экономики от терроризма выросли с 2000 г. примерно в 11 раз. В 2000–2015 гг. выделяются три пиковых показателя размера экономического ущерба от терроризма, отмечающие начало новых волн его развития в этот период. Первый приходится на 2001 г. (террористическая атака на США); второй, связанный с деятельностью «Аль-Каиды» и вводом войск коалиции в Ирак, – на 2007 г. Третья волна, начавшаяся в 2012 г., достигшая пика в 2014 г. и продолжающаяся до сих пор, обусловлена ростом терроризма в Ираке, Сирии и Афганистане [Global terrorism index 2016, 2016, р. 62]. В первую пятерку стран, наиболее серьезно пострадавших от терроризма в 2015 г., входят Ирак (17% ВВП), Афганистан (16,8), Сирия (8,3), Йемен (7,3) и Ливия (5,7% ВВП). В 2015 г. насилие во всех формах привело к сокращению объема мировой экономики на 13,6 трлн долл., что составляет 13,3% от глобального ВВП [Global terrorism index 2016, 2016, р. 63].

В целом в 2015 г. экономический ущерб от терроризма распределяется следующим образом: на смертельные случаи приходится 74% общего ущерба (65,7 млрд долл.), на потери ВВП – 23% (20,9 млрд долл.), на уничтожение имущества и ранения – 3% [Global terrorism index 2016, 2016, р. 64]. Однако некоторые специалисты призывают относиться к данным IEP с осторожностью из-за ряда недостатков методологии расчета показателей. В частности, соотнесение общих издержек (имущественный ущерб, ущерб

нанесенный смертями и травмами, в том числе расходы на медицинское обслуживание, утраченный заработка, компенсации семьям жертв) с ВВП на душу населения в стране проживания жертвы теракта значительно увеличивает стоимость жизни граждан развитых стран по сравнению с жизнью населения развивающихся экономик [Rigoulet-Roze D., 2016, p. 54].

Последствия терроризма для развитых и развивающихся стран. Хотя современный терроризм сформировался как механизм «партизанской» борьбы «слабого Юга» против «сильного Севера», богатые страны с диверсифицированной экономикой гораздо легче, чем бедные, имеющие, как правило, более узкую экономическую специализацию и сильнее зависящие от внешних факторов,правляются с экономическими последствиями терроризма. Если в результате теракта нарушается производственная деятельность в одной отрасли диверсифицированной экономики, ресурсы могут перейти в другую, не пострадавшую от теракта. Кроме того, богатые страны располагают большими и более качественными ресурсами для борьбы с терроризмом, что теоретически способствует снижению числа терактов на их территориях.

Экономики развивающихся стран, специализирующиеся лишь на нескольких видах деятельности, менее устойчивы к проявлениям терроризма. Такие ресурсы, как рабочая сила или капитал, могут либо переключиться с пострадавшей отрасли на другие, менее производительные виды деятельности внутри страны, либо полностью уйти в другую страну [Бандиопадхая С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 26–27; Иноzemцев В., 2016; Латов Ю.В., 2012, с. 16]. Именно это происходит в Сирии. Большинство местных бизнесменов покинули страну, выведя из нее свои активы. Например, 26% компаний и предприятий, зарегистрированных в 2015 г. в Турции, принадлежат бизнесменам из Сирии, бежавшим за границу [Панкратенко И.Н. Сирия сегодня.., 2017].

Разная степень воздействия терроризма на развитые и развивающиеся экономики подтверждается анализом воздействия терроризма на экономический рост в 42 странах Азии (7 стран с развитой и 35 с развивающейся экономикой). Он показал, что терроризм не оказывал существенного влияния на экономический рост в развитых странах, тогда как в развивающихся странах каждый транснациональный террористический акт (на один миллион жителей) приводил к снижению темпов экономического роста приблизительно на 1,4% [Бандиопадхая С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 27].

По оценкам Банка Израиля, в 2000-е годы террористическая деятельность нанесла стране ущерб в 4% ВВП. Из-за деятельности террористов Северная Ирландия длительное время оставалась самым бедным и слаборазвитым регионом Великобритании с наиболее высоким уровнем безработицы. Лишь в середине 1990-х годов, когда террористическая активность ИРА значительно снизилась, экономика региона начала восстанавливаться [Латов Ю.В., 2012, с. 18].

В то же время терроризм, особенно в сочетании с гражданской войной, оказывает крайне отрицательное воздействие на национальные экономики развивающихся стран. Так, по оценкам экспертов, состояние сирийской экономики сегодня хуже, чем было в Германии и Японии после окончания Второй мировой войны. ВВП страны сократился с порядка 60 млрд долл. в 2010 г. до примерно 14 млрд долл. в 2015 г., т.е. более чем на 75%, тогда как в конце боевых действий в 1945 г. ВВП Германии снизился на 66%, а Японии на 52%.

По предварительным оценкам, даже если восстановление Сирии начнется в 2018 г. и рост экономики будет удерживаться на уровне 4,5% в год, потребуется около 20 лет, чтобы страна достигла предвоенного (2010 г.) уровня ВВП [Панкратенко И.Н. Сирия сегодня.., 2017].

Влияние терроризма на приток инвестиций. Как уже отмечалось, помимо повреждения или уничтожения материальных ценностей, теракты приводят к формированию в обществе чувства страха и уязвимости. В результате как у местных жителей, так и у иностранцев меняется отношение к местам, ставшим объектом теракта. Они воспринимаются как не подходящие для нормальной жизнедеятельности и ведения бизнеса [Латов Ю.В., 2012, с. 16].

Повышение террористической активности в конкретной местности обычно приводит к снижению ожиданий относительно доходности инвестиций и, следовательно, их уходу в другие регионы, что снижает объем производительного капитала в стране, пострадавшей от терроризма, а также приток технологий, повышающих производительность. Например, с середины 1970-х по 1991 г. в результате терактов чистые прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Испанию сократились на 13,5%, в Грецию – на 11,9%.

Более того, первоначальные потери производственных ресурсов в результате терроризма могут значительно возрасти из-за переориентации потенциальных иностранных инвесторов на более безопасные страны. Относительно небольшое повышение предлагаемого риска возникновения терроризма может привести к не-

пропорционально большому сокращению чистых ПИИ в страну и нанести существенный ущерб ее экономике [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 27].

Депрессивный эффект терроризма проявляется в том, что большинство стран, показатели частоты терактов в которых превышают среднее значение для 122 стран (7,51 для внутренних терактов и 1,38 для транснациональных), имеют более низкие уровни ПИИ и внешней помощи [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 2].

Влияние терроризма на международную торговлю. В научном сообществе существуют разные точки зрения на влияние терроризма на международную торговлю. Широко распространено мнение о более высоких рисках для торговли со странами, подвергающимися нападениям террористов. Оно подтверждается, в частности, анализом выборки из 200 стран за период с 1960 по 1993 г., показавшим, что при удвоении в течение года числа терактов в паре стран-партнеров, торговля между ними за тот же период падает почти на 4%; при проведении хотя бы одного теракта на территории одного из двух государств-партнеров торговля между ними сокращается до 91% от того уровня, каким он мог бы быть при отсутствии терроризма. По некоторым оценкам, тормозящее влияние терроризма и других внутренних и внешних конфликтов на торговлю эквивалентно введению 30%-ной пошлины. В то же время более умеренные оценки воздействия терактов на торговлю показывают, что терроризм оказывает на нее небольшое или даже нулевое влияние в краткосрочной перспективе, хотя в среднесрочном периоде (более полутора лет после теракта) воздействие значительно.

Более полную картину дает учет возможности перераспределения ресурсов. Если от терроризма чрезмерно пострадал один производственный ресурс (например, земля) по сравнению с другим (например, рабочей силой), ресурсы перенаправляются в трудоемкие отрасли. При этом если страна является экспортёром трудоемких товаров, в трудоемких отраслях может произойти рост производства и увеличение экспорта. Другими словами, хотя в результате террористической деятельности в связи с увеличением транзакционных издержек может сократиться торговля какой-то конкретной продукцией, в конечном итоге может произойти как рост, так и падение торговли в целом [Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж., 2015, с. 28].

Влияние терроризма на отдельные отрасли экономики. Наиболее уязвимыми к терроризму являются такие глобализированные отрасли, как туризм и связанные с ним сектора. На них влияют любые теракты, даже в соседних регионах (например, захват или взрыв самолетов вызывает сокращение авиаперевозок практически во всем мире).

Наиболее наглядно «глобализационный» эффект последствий терроризма проявился в мировом кризисе туристической индустрии после 11 сентября 2001 г. При этом от кризиса сильнее всего пострадала отнюдь не Америка. Число иностранных туристов в США сократилось на 13%, а, например, во Франции – на 20%. Еще сильнее от терактов пострадали туристические компании мусульманских стран: в Стамбуле число туристов упало на 50–60% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Падение численности туристов привело к резкому сокращению доходов авиаперевозчиков и авиастроителей. Многие крупнейшие авиафирмы США («American Airlines» и «United Airlines») и Европы («British Airways», «Lufthansa», «Alitalia») оказались на грани краха [Латов Ю.В., 2012, с. 19].

Ежегодно во Францию приезжают более 80 млн человек со всего мира. На туристический сектор приходится примерно 196 млрд долл. (7% ВВП) страны. В мае 2016 г. МИД Франции сообщил, что после трагических событий 14 ноября 2015 г. число туристов из России сократилось втройне, из Японии – на 56%; из Китая – на 14% [Цена страха: Кому выгоден.., 2016]. Эксперты оценивают убытки Франции из-за этого теракта в 3 млрд долл. Наибольшие потери понесли транспортная и туристическая сферы. По состоянию на 16 ноября 2015 г. акции французской туристической компании «Accor», владеющей международной сетью отелей, упали на 7%; авиакомпании «Air France» – на 6,5%; железнодорожного оператора «Eurotunnel» и парижских аэропортов «Шарль де Голь» и «Орли» – более чем на 4% [Нечет Т., 2015]. По оценкам, если из-за теракта в Ницце Франция лишится хотя бы одной трети турпотока, потери для экономики могут достичь 65 млрд долл. [Цена страха: Кому выгоден.., 2016].

Последствия терроризма для экономики, конечно, не ограничиваются только этими секторами. Через межотраслевые связи кризис осенью 2001 г. распространился на многие отрасли американской экономики. В течение месяца после терактов 11 сентября портфель заказов промышленных предприятий США сократился на 6,8%, объемы промышленного производства – на 1% [Латов, 2012, с. 20].

Потери страхового сектора США (включая перестрахование) от теракта 11 сентября оцениваются в 30–58 млрд долл. [Rigoulet-Roze D., 2016, р. 56]. Одним из последствий теракта явилось увеличение американскими страховщиками страховых премий в среднем на 30%, затронувшее многие отрасли экономики (авиастроение, транспорт, строительство, производство энергии) [Rigoulet-Roze D., 2016, р. 57].

В то же время на некоторые отрасли экономики теракты оказывают стимулирующее влияние. Новые вызовы в современной рыночной экономике рождают соответствующее предложение, а новые угрозы подстегивают инновации и технологический прогресс. Из-за высокой угрозы терроризма Израиль одним из первых в мире освоил производство систем безопасности и в настоящее время активно их производит и экспортирует. В настоящее время объем рынков изготовления и обслуживания таких систем составляет 8–9 млрд долл. Ожидается, что в 2016 г. объем рынка камер наблюдения превысит 25 млрд долл. Стремительно развиваются и сопутствующие отрасли (создание необходимого программного обеспечения, систем хранения информации, распознавания образов и речи, приложения по синхронному переводу и т.д.). Кроме того, в структурах, занимающихся безопасностью, создаются новые рабочие места, усовершенствуются методы работы полиции и т.д. [Иноземцев В., 2016; Латов Ю.В., 2012, с. 20].

Проблемы оценки эффективности борьбы с терроризмом. Террор отличается одновременно и очень высокой, и очень низкой эффективностью. Например, затраты на проведение теракта 11 сентября 2001 г. составили примерно 0,5 млн долл., а убыток США – 100–135 млрд долл. Однако с точки зрения отдаленных результатов терроризм пока не доказал свою эффективность. Единственным «успехом» террористических организаций можно было бы считать образование Палестинской автономии, однако это событие, возможно, имеет и иные объяснения [Латов Ю.В., 2012 с. 20].

С точки зрения экономической теории преступности, главным критерием оценки эффективности любого вида правоохранительной деятельности является совокупная величина затрат, которые несет общество. При этом стоит определить, что несет обществу большие потери – терроризм или борьба с ним в любой форме [Латов Ю.В., 2012, с. 21].

Теракт 11 сентября 2001 г. унес жизни 2996 человек, а вызванный им ущерб составил, по самым высоким оценкам, немногим более 100 млрд долл. В то же время начатая в ответ на него

«война с террором» в Афганистане и Ираке с 2003 по 2014 г. унесла жизни почти 7 тыс. только американских военных, а стоимость как самих военных действий, так и обеспечения их ветеранов оценивается в 3–5 трлн долл. Таким образом (если учитывать и прочие людские и материальные потери в ходе «войны с террором»), цена военных операций, предпринимаемых в ответ на террористические акты, в 20–50 раз превосходит реальный экономический ущерб, нанесенный США террористами [Иноземцев В., 2016].

Экономическое решение проблемы оптимизации любой правоохранительной деятельности представлено экономико-математической моделью, разработанной в 1970-е годы американскими экономистами-криминологами Л. Филлипсом, Г. Воти-младшим и К. Эскриджем [Латов Ю.В., 2012, с. 21]. Модель показывает, что чем выше количество преступлений, тем выше потери общества от них. Чтобы уменьшить число преступлений, общество должно тратить все больше средств на правозащиту. При этих условиях общество заинтересовано в том, чтобы совокупные потери не превышали некой минимальной величины, т.е. предельные издержки от совершенных преступлений должны равняться предельным выгодам от предотвращенных преступлений. Поэтому для минимизации общих социальных потерь общество должно узнать и принять некоторый оптимальный (ненулевой) уровень преступного поведения, отклонения от которого в любую сторону нежелательны.

Исходя из этой модели, целью антитеррористической деятельности должно быть не «искоренение» терроризма, а сдерживание его на оптимальном, с точки зрения общества, уровне. «Оптимум терроризма» достаточно подвижен и зависит как от эффективности использования правоохранительными органами отпущенных им ресурсов, так и от эффективности деятельности преступников. Практическое применение этой модели в России требует серьезной работы по выяснению размера потерь российской экономики от собственно терроризма и расходов на борьбу с ним (включая не только государственные расходы, но и расходы коммерческих фирм на различные системы безопасности) [Латов Ю.В., 2012, с. 22].

Заключение. Очевидно, что глобализация способствовала росту мировой экономики, распространению новых технологий, повышению уровня жизни населения (правда, в основном западных стран). Но она сопровождалась процессом глобализации терроризма, позволила преступным и террористическим организациям включиться в международную экономическую инфраструктуру.

Частью этой структуры являются исламские банки, офшорные зоны, легальная и нелегальная предпринимательская деятельность террористических организаций по отмыванию преступных денег. Экономика террора, превращающаяся в быстро расширяющуюся международную экономическую подсистему, стала составной частью глобальной экономики как в белом, так и в теневом секторах, с оборотом только теневого сектора не менее 2,5 трлн долл. [Хохлов И., 2013].

Еще десять лет назад известный специалист по экономике терроризма Л. Наполеони отмечала, что «поскольку террор питают, наряду с идеологией и бунтарскими настроениями, деньги, единственным способом победить современный терроризм является разработка стратегии для разрыва связей между черным рынком и серой рыночной экономикой, с одной стороны, и чистой и легитимной экономической системой – с другой» [Наполеони Л., 2006, с. 47]. Но на это уйдут, возможно, десятилетия.

Список литературы

1. Алиев И.М. Проблема терроризма в социально-политических процессах: Политологический анализ // Проблемы современной экономики (электронная версия). – 2009. – № 7. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4003&Itemid=662
2. Андреев А.Ф. Экономические корни терроризма // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – М., 2016. – № 2 (17). – С. 103–109. – Режим доступа: https://www.mguiv.ru/vestnik/pdf/eu/eu_2016_2_103-109.pdf
3. Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж. Ущерб от терроризма // Финансы и развитие. – Вашингтон: МВФ, 2015. – Июнь. – С. 26–28. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2015/06/pdf/bandyopa.pdf>
4. Берилишвили Н., Лория Е. В 2016 году предотвращено в 2,3 раза больше терактов, чем за 2015 год // Известия. – М., 2016. – 12 авг. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/626672>
5. Экономика террора // Форум по проблемам преступности и общества / Под ред. Шмидта А.П. – Нью-Йорк: ООН, 2004. – viii, с. 31–51. – Mode of access https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf
6. Ветров И. Кризис толкает на преступления // Газета. ru. – 23.01.2016. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml>

7. Воронович В. Основные причины, предпосылки и факторы распространения терроризма в XXI в. // Журнал международного права и международных отношений. – Минск, 2005. – № 4. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/798/113/>
8. Грачев С.И., Колобов О.А. Наиболее устойчивые детерминанты современного терроризма // Вестник академии военных наук. – М., 2009. – № 2 (27). – Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2009-vpk/10901-naibolee-ustojchivye-determinanty-sovremenennogo>
9. Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. – М., 2007. – 288 с. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1013635/Chrezvychaynye_situacii_socialnogo_haraktera_i_zaschita_ot_nih.html
10. Зеленков М.Ю. Международный терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема. – Биробиджан, 2016. – Режим доступа: <http://www.mggeu.ru/protivodejstvie-ideologii-terrorizma/literatura-i-metodicheskie-materialy/mezhdunarodnyj-terrorizm-kak-u>
11. Иноземцев В. Болезнь бедных: Как терроризм влияет на экономику // РБК: Мнения. – 30.03.2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/30/03/2016/56fb68fd9a7947f07c04e6b7>
12. Ким А. Экономика терроризма // Наука и образование против террора. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный Университет, 2010. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/anlytics/ekonomika-terrorizma/groza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii/>
13. Киреев М.П., Кубрицкий В.В., Журихо А.П. Террористические угрозы безопасности мегаполиса: XX Международная научная конференция 24–25 мая 2011 г.: Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 502 с. – Режим доступа: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction.pdf
14. Киреев М.П., Тагиров З.И. Терроризм и экономика // Сервис в России и за рубежом (электронный журнал). – М., 2016. – Т. 10, № 5. – С. 49–57. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-i-ekonomika>
15. Киреев Н.В. Моделирование преступного поведения в экономической теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород, 2013. – № 21. – С. 91–95.
16. Крылов А.А., Латов Ю.В. Экономические аспекты антитеррористической защищенности: XX Международная научная конференция 24–25 мая 2011 г.: Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 502 с. – Режим доступа: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction.pdf

17. Латов Ю.В. Экономические потери от актов терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – М., 2012. – № 2. – С. 15–25. – Режим доступа: http://sartraccc.ru/Press/special/contr_terror_1_12.pdf
18. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 5. – С. 28–45.
19. Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: Монография. – Омск, 2008. – 332 с.
20. Наполеони Л. Новая экономика террора: Как финансируется терроризм // Форум по проблемам преступности и общества / Под ред. Шмидта А.П. – Нью-Йорк: ООН, 2006. – С. 31–49. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf
21. Наумов Ю.Г., Латов Ю.В. Роль организованной преступности в финансировании терроризма и экстремизма // Вестник РАЕН. – М., 2016. – № 4. – С. 53–57. – Режим доступа: <http://www.raen.info/files//53-57.pdf>
22. Нечет Т. Из-за терактов Франция потеряла на туризме три миллиарда долларов // Комсомольская правда. – М., 2015. – 16 ноября. – Режим доступа: <http://kp.ua/author/3169/>
23. Новые риски финансирования терроризма: Отчет ФАТФ. – Париж: ФАТФ/ОЭСР, 2015. – 77 с. – Режим доступа: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf
24. Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня: На пути к полноценному государству. – М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. – 29 с. – Режим доступа: <http://csef.ru/media/articles/6426/9cbe448b46a5ab9e97d006ba5a0a299c.pdf>
25. Панкратенко И.Н. Сирия сегодня: Текущее состояние, оценки и перспективы. – Режим доступа: <http://msk.kprf.ru/2017/01/15/21573/>
26. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map
27. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. – М.: ИЭПП, 2005. – 116 с. – Режим доступа: <http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/трапер/117Yanovskiy.pdf>
28. Потери Египта от падения турпотока оценили в 70 миллиардов долларов. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/12/16/egypt/>
29. Сирота Н.М., Мохоров Г.А. Субъекты политики: Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2011. – 145 с.
30. Смирнов А., Сундиев И. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности // Свободная мысль. – М., 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/480-mediaresursy-v-ekstremistskoj-i-terroristicheskoy/>
31. Сорокопудов А.Л. Различные подходы к исследованию терроризма как явления современной политической действительности // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2014. – № 17. – С. 134–138. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-k-issledovaniyu-terrorizma-kak-yavleniya-sovremennoy-politicheskoy-deystvitelnosti>

32. Степанова Е. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. – М., 2005. – № 2. – С. 66–73. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seven/006.htm>

33. Тимофеева О.Ф. Проблемы экономической безопасности: Терроризм как вызов власти // Мир науки (интернет-журнал). – 2014. – Вып. 1. – С. 1–17. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/09EMN114.pdf>

34. Трудолюбов М. Дон Кихот из Перу // Ведомости. – М., 24.07.2001. – № 453. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/07/24/don-kihot-iz-peru>

35. Финансирование терроризма. – Париж: ФАТФ/ОЭСР, 2008. – 48 с. – Режим доступа: http://eurasiangroup.org/ru/news/typ_14.pdf

36. Хохлов И. Семь столпов экономики террора. Хранитель: Медиа-портал о безопасности. – 2013. – Режим доступа: http://www.psj.ru/saver_people/detail.php?ID=74822

37. Цена страха: Кому выгоден теракт в Ницце? / Федеральное бизнес-агентство «Экономика сегодня». – 15.07.2016. – Режим доступа: <https://rueconomics.ru/185312-cena-straha-komu-vygoden-terakt-v-nicce>

38. Шмид А. Статистика терроризма: Задача определения тенденций в глобальном терроризме / Под ред. Шмидта А.П. // Форум по проблемам преступности и общества. – Нью-Йорк: ООН, 2006. – С. 51–71. – Режим доступа: https://www.unode.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf

39. Blin A. Définitions, questions et réponses sur les formes de terrorisme. – Paris, 2004. – Mode of access: <http://www.thucydide.com/realisations/comprendre/terroisme/terroisme2.htm>

40. Bola Ki-Khuabi F. La question du terrorisme international. – Paris, 2006. – Mode of access: http://www.editions-harmattan.fr/auteurs/article_pop.asp?no=4237&no_artiste=10190

41. Clément P.-A. Le terrorisme est une violence politique comme les autres. Vers une normalisation typologique du terrorisme // Études internationales. – Québec, 2014. – Vol. 45, N 3. – P. 355–492. – Mode of access: http://www.cms.fss.ulaval.ca/recherche/upload/revue_etudesint/fichiers/terrorismes_violence_politique_p.a.clementetudes_intlessept_2014.pdf

42. Dépigny M. De l'usage de la théorie économique pour modéliser les comportements terroristes. – Lion, 2009. – 7 p. – Mode of access: <http://www.congresafsp2009.fr/sectionsthematiques/st31/st31depigny.pdf>

43. Durmarque D., Rappin B. Le terrorisme comme organisation rationnelle // Rev. Internationale de Psychosociologie et de gestion des comportements organisationnels. – Paris, 2016. – N 54. – P. 297–301. – Mode of access: https://www.cairn.info/resume.php?ID_ARTICLE=RIPS1_054_0295

44. Labévière R. Terrorisme et mondialisation: Crise ou normalité? // Comité Valmy. – Paris, 2016. – 9 mai. – Mode of access: <http://www.comite-valmy.org/spip.php?article7137>

45. Gaüzere D. D'Al-Qaïda à l'EIIL, l'évolution de la tactique de déstabilisation des Etats par les Organisations terroristes islamistes // Rev. géopolitique (online). – 2015. – 7 mars. – Mode of access: <http://www.diploweb.com/D-Al-Qaida-a-l-EIIL-1-evolution-de.html>

46. Global terrorism index 2016. – Sydney: IEP, 2016. – 108 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf>

47. Global terrorism index 2015. – Sydney: IEP, 2015. – 111 p. – Mode of access: https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/2015_global_terrorism_index_report_0.pdf

48. Labévière R. Terrorisme et mondialisation: Crise ou normalité?// Comité Valmy. – Paris, 2016. – 9 mai. – Mode of access: <http://www.comite-valmy.org/spip.php?article7137>

49. Le financement de l'Etat islamique: Année 2015. – Paris: Centre d'Analyse du Terrorisme, 2016. – 33 p. – Mode of access: <https://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/2725/files/2016/04/Financement-EI-2015-Rapport.pdf>

50. Lericolais M. Terrorisme international et mesures de sûreté: Analyse économique du comportement du voyageur sur le réseau de transport aérien mondial / Université Lumière. – Lyon II, 2011. – 401 p. – Mode of access: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00816114/document>

51. Medero G.S. Les sources de financement légal et illégal des groupes terroristes d'aujourd'hui // Revista de Paz y Conflictos. – Granada, 2011. – N 4. – Mode of access: http://www.ugr.es/~revpaz/articulos/Les_sources_de_financement_terroristes.html

52. Pongo M.K., Landry T. Terrorisme international et marchés de violence. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2005. – 144 p.

53. Rapport du Secrétaire général sur la menace que représente l'État islamique d'Iraq et du Levant (Daech) pour la paix et la sécurité internationales et sur l'action menée par l'Organisation des Nations Unies pour aider les États Membres à contrer cette menace / Nations Unies, Conseil de sécurité. – New-York, 2016. – 27 p. – Mode of access: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2016/N1602354_FR.pdf

54. Rigoulet-Roze D. Le coût économique du terrorisme: L'équation impossible? // Problèmes écon. – Paris, 2016. – N 3138. – P. 52–58.

55. Rollinat R. Géopolitique et économie de la guerre et du terrorisme (I) // A l'encontre (Revue politique en ligne). – Paris, 2016. – 15 mai. – Mode of access: <http://alencontre.org/economie/geopolitique-et-economie-de-la-guerre-et-du-terrorisme-i.html>

56. Terrorisme, corruption et exploitation criminelle des ressources naturelles /OECD. – 2016. – 12 p. – Mode of access: <https://www.oecd.org/fr/corruption/Terrorisme-corruption-exploitation-criminelle-ressources-naturelles.pdf>

**Экономические и социальные проблемы России
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ
И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

2017 № 1

Сборник научных трудов

Редактор-составитель выпуска –
канд. экон. наук **Ивановский** Борис Георгиевич

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 27/VI – 2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 8,25 Уч.-изд. л. 7,5
Тираж 100 экз. Заказ № 43

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9